

НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

CAURUS

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Том 1 №2 2022

CAURUS

Том 1. № 2. 2022

Главный редактор

М. Б. Бессуднова (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого)

Ответственный редактор

А. В. Ушаков (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого)

Редакционная коллегия

И. А. Иванов (университет им. Иоганна Гутенберга, Германия)

М. Ю. Колпаков (Псковский государственный университет)

Д. И. Вебер (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого)

М. Пшыщенжна-Писарска (Университет Ополе, Польша)

С. Ю. Агишев (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

И. О. Дементьев (Балтийский федеральный университет им. И. Канта)

Н. Н. Наумов (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

Редакционный совет

Н. Ангерманн (университет Гамбурга, Германия)

А. Селарт (университет Тарту, Эстония)

Э. Лефstrand (Стокгольмский университет, Швеция)

А. В. Сиренов (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

А. И. Филюшкин (Санкт-Петербургский государственный университет)

Т. Плат (университет Грайфсвальда, Германия)

Т. Н. Таценко (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

М. Гонсовска (Институт истории Академии Наук Польши в Варшаве)

Переводчик: О. В. Наволоцкая

Технический редактор: Д. А. Ванюшкин

Учредитель и издатель

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого»

Адрес учредителя и издателя: 173003, Россия, Великий Новгород,

ул. Большая Санкт-Петербургская, 41. Телефон: 8 (8162) 627244

Адрес редакции: 173003, Россия, Великий Новгород,

ул. Большая Санкт-Петербургская, 41, ауд. 3402. Телефон: 8 (8162) 338830

E-mail: journal.caurus@gmail.com

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации сетевого издания № ФС77-83172 от 26 апреля 2022 г.

Официальный сайт журнала: <https://journal-caurus.ru>

Дата выхода: 25.12.2022

© Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2022

© Авторы статей, 2022

Все права защищены

CAURUS

Vol. 1 (2). 2022

Editor-in-Chief

M. B. Bessudnova (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University)

Executive Editor

A. V. Ushakov (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University)

Editorial Board

I. A. Ivanov (Johannes Gutenberg University Mainz, Germany)

M. Yu. Kolpakov (Pskov State University)

D. I. Veber (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University)

M. Pszyszczna-Pisarska (University of Opole, Poland)

S. Yu. Agishev (Lomonosov Moscow State University)

I. O. Dementiev (Immanuel Kant Baltic Federal University)

N. N. Naumov (Lomonosov Moscow State University)

Editorial Council

N. Angermann (University of Hamburg, Germany)

A. Selart (University of Tartu, Estonia)

E. Lefstrand (Stockholm University, Sweden)

A. V. Sirenov (Saint-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences)

A. I. Filyushkin (Saint-Petersburg State University)

T. Plat (University of Greifswald, Germany)

T. N. Tatsenko (Saint-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences)

M. Gonsowska (Institute for the History of Science of the Polish Academy of Sciences)

Translation Editor: O. V. Navolotskaya

Technical Editor: D. A. Vanyushkin

Founder and editor

FSBEI HE "Yaroslav-the-Wise Novgorod State University"

Address of founder and editor: 173003, Russia, Veliky Novgorod,

ul. B. St. Petersburgskaya, 41. Tel.: 8 (8162) 627244

Corresponding address: 173003, Russia, Veliky Novgorod,

ul. B. St. Petersburgskaya, 41, of. 3402. Tel.: 8 (8162) 338830

E-mail: journal.caurus@gmail.com

The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Certificate of registration of the online publication No. FS77-83172 dated April 26, 2022

Official website of the edition: <https://journal-caurus.ru>

Release date: 25.12.2022

© Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, 2022

© Authors of articles, 2022

All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие главного редактора.....5

СТАТЬИ

«Где тиун, там и князь...»: власть и общество в раннемодерной России (казус князя И. В. Оболенского)
В. В. Пенской.....12

В продолжение истории Магнуса Голштинского: документы из «ливонского конволюта» в архиве
СПБНИ РАН
М. Б. Бессуднова, Д. И. Вебер.....27

Ливонское историописание XVII в. и шведский готицизм: на примере хроники Лодде-Вернера
Т. Д. Медведева.....39

Балтийские аспекты континентальной политики Англии и Нидерландов на рубеже XVII–XVIII веков
К. С. Десятсков.....53

Речь Посполитая в контексте междуцарствия
М. М. Сафонов.....68

Интеграция третьей звезды. Францис Кемпс и судьба Латгалии 1917–1920 годов
Т. Плат.....81

ИСТОЧНИКИ

У истоков польского протекторства: передача императорской «консерватуры» в отношении Рижского
архиепископства в 1366 году
Д. А. Бессуднов.....92

ХРОНИКА

Пятое Лихудовские чтения в Великом Новгороде
Н. В. Салоников.....110

Международная научно-практическая летняя школа «Новгород в системе ганзейских отношений в
Средние века»
В. В. Грохотова.....116

CONTENTS

From Editor-in-Chief.....	5
---------------------------	---

ARTICLES

"Where there is a tiun, there is a prince...": power and society in early modern Russia (casus of Prince I. V. Lyko Obolensky) V. V. Penskoj	12
--	----

Continuing the story of Magnus of Holstein: documents from the "Livonian Chronicles" in the archive of St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences M. B. Bessudnova, D. I. Veber.....	27
--	----

Livonian Historiography of the 17th century and Swedish Gothicism: The Lode-Werner Chronicle T. D. Medvedeva.....	39
---	----

Baltic aspects of the continental politics of England and the Netherlands at the turn of the 17th–18th centuries K. S. Desyatskov.....	53
--	----

The Polish-Lithuanian Commonwealth in the context of the Interregnum M. M. Safonov.....	68
---	----

Integration of the third star. Francis Kemps and the fate of Latgale in 1917–1920 T. Plath.....	81
---	----

SOURCES

At the origins of Polish patronage: the transfer of the imperial "conservatory" in relation to the Archbishopric of Riga in 1366 D. A. Bessudnov.....	92
---	----

CHRONICLE

The Fifth Leichoudes Studies in Veliky Novgorod N. V. Salonikov.....	110
--	-----

International Scientific and Practical Summer School "Novgorod in the System of Hanseatic Relations in the Middle Ages" V. V. Grokhotova.....	116
---	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается второй номер научного журнала «Сaurus». Издание нацелено на освещение всего многообразия международных контактов русского Северо-Запада доиндустриальной эпохи в формате исторических и междисциплинарных исследований. Конструирование образа прошлого в сознании любого народа является органичной частью его существования, поскольку в отсутствии глубокого интеллектуального осмысления истории у него нет возможности прийти к осознанию собственной идентичности и глубинной природы ее корней. Столь важная задача предопределяет особую тональность в описаниях исторических событий от крена в сторону политически мотивированной тенденциозности, продуцирующей многочисленные и порой весьма устойчивые историографические штампы, и до - в несравненно лучшем случае - дискурсивности исторической проблематики.

Ввиду этого редакция журнала полагает, что совершенствование познавательной стратегии в области исторических изысканий во многом предопределяется расширением круга исследователей заявленной тематики, которые, хочется верить, обретут в данном журнале связующее их отношения звено, наличием у них возможностей публиковать результаты своей научной работы и обмениваться мнениями, а также непрерывным накоплением исторических фактов, оригинальностью их научной трактовки, глубиной проработки связанной с ними проблематики и, конечно же, введением в научный оборот новых документальных письменных свидетельств. Публикации, которые читатель может найти на страницах второго номера журнала «Сaurus», соответствуют подобным установкам.

Выпуск открывает статья В.В. Пенского (Белгород) «"Где тиун, там и князь...": власть и общество в раннемодерной России (казус князя И.В. Лыко Оболенского)», в которой представлен анализ нравоучительного текста «Наказание» из древнерусского юридического сборника «Мерило праведное» конца XIV века. Прецедент со «сведением» с должности наместника Великих Лук в Новгородской земле Ивана Лыко-Оболенского в 1479 году великим князем Московским Иваном III вследствие ходатайства жителей этого города рассматривается автором в контексте глобальной проблемы характера московской (российской) государственности в нововременной период, в частности, крайней ограниченности институционального начала и принципиальная важность сохранения в пределах «земли» авторитета власти великого князя, который страдал от злоупотреблений назначенных им должностных лиц.

Работа, проведенная М. Б. Бессудновой и Д. И. Вебером (Великий Новгород) в архивах Санкт-Петербурга, отражена в статье «В продолжение истории Магнуса Голштинского: документы из «ливонского конволюта» в архиве СПбИИ РАН», где

представлены отдельные документальные свидетельства жизнедеятельности датского принца Магнуса Голштинского в качестве вассала («годовника») Ивана IV и «короля Ливонии». Авторами представлена характеристика его корреспонденции из конволюта «Ливония», хранящегося в архиве СПбИИ РАН, с упором на его происхождение и содержание. Данная публикация рассматривается ими как подготовительная стадия публикации переводов документов, связанных с историей первого и единственного «ливонского короля» из данного архивного собрания.

Результаты архивных изысканий Т. Д. Медведевой (Великий Новгород) и ее статья «Ливонское историописание XVII века и шведский готицизм: на примере хроники Лоде-Вернера» содержат как источниковедческий, так и историографический, аспект. Они представляют малоизвестную и до настоящего времени неопубликованную хронику начала XVII века, принадлежавшую перу ливонских эрудитов Г. Лоде и Д. Вернера. Подробная характеристика этого сочинения, повествующего об истории Старой Ливонии, позволяет отметить по меньшей мере два важных момента, касающихся, во-первых, его сугубо прагматической подосновы, призванной исторически обосновать привилегии эстляндского рыцарства в шведской Прибалтике, и, во-вторых, известную оригинальность, обусловленную ссылками хронистов на шведские и датские источники, а также использованию концепции шведского «готизма».

В статье «Балтийские аспекты континентальной политики Англии и Нидерландов на рубеже XVII–XVIII веков» К. С. Десяткова (Великий Новгород) затронута проблема балтийского аспекта политики Вильгельма III Оранского в условиях кризиса Вестфальской системы международных отношений, шведской экспансии в Балтийском регионе и назревания в Европе крупных коалиционных конфликтов - Северной войны и войны за испанское наследство. Используя материалы из отечественных архивов, автор демонстрирует гибкую политику Вильгельма III Оранского, направленную на сохранение баланса сил в Балтийском регионе преимущественно мирными способами, что, однако, не исключало наличия в английской стратегии стимулирование конфликтов третьих сторон. В этой связи приведены примеры «личной» английской дипломатии, нацеленной на разжигание военного конфликта России со Швецией, вероятного союзника Франции в войне за испанское наследство.

М. М. Сафонов (Санкт-Петербург) в статье «Речь Посполитая в контексте междуцарствия» на базе широкого круга источников и литературы актуализирует проблему либеральных планов императора Александра I относительно увеличения территории Царства Польского за счет русских земель и укрепления его автономии в целях укрепления границ России, что привело Александра к очередному конфликту с русским дворянством. Автор отмечает также влияние польского вопроса на отмену крепостного права в Прибалтике, развитие декабристского движения, проблему престолонаследия, отношения в императорской семье и считает его одной из предпосылок «междуцарствия».

Свою статью «Интеграция третьей звезды. Францис Кемпс и судьба Латгалии 1917-1920 годов» Т. Плат (Грайфсвальд, Германия) посвящает проблеме интеграции в состав Латвийской республики области Латгалия в период между двумя мировыми войнами. Обращая внимание на отсутствие у политических деятелей Латгалии

однозначной позиции по национальному вопросу, автор обращается к характеристике деятельности и воззрений латгальского политика Франсиса Кемпса как сторонник латгальской автономии, игравшего ключевую роль в развитии латгальской политической культуры и потерпевшего поражение в противостоянии оппонентам. Автор сосредоточил свое внимание на изменении взглядов Ф. Кемпса на политическую судьбу Латгалии в период с 1917 и по конец 30-х годов XX века, которое представлено в контексте заключения об изначальной множественности решений этой судьбы в постреволюционный период.

Предметом изучения Д. А. Бессуднова (Санкт-Петербург), автора статьи «У истоков польского протекторства: делегирование императорской «консерватуры» в отношении Рижского архиепископства в 1366 году», является предистория протекторства Ягеллонов в отношении Рижского архиепископства, который они использовали для инкорпорации части Ливонии в состав своих владений в ходе Ливонской войны. Происхождение этого важного рычага во внешней политике польско-литовских Ягеллонов автор возводит к императорской прерогативе «консерватуры», делегированной императором Карлом IV Люксембургским ряду европейских государей, включая польского короля, рескриптом 1366 года. Статья содержит перевод и комментарии этого документа, который позволяет представить природу такого мало изученного явления как польско-литовское протекторство.

В разделе «Хроника» читатель найдет очерк Н. В. Салоникова (Великий Новгород) «Пятое Лихудовские чтения в Великом Новгороде», посвященный очередному Всероссийскому форуму с международным участием по вопросам истории письменной культуры в России и истокам формирования российской высшей школы, который состоялся 14–15 апреля 2022 г. в Гуманитарном институте НовГУ им. Ярослава Мудрого. На конференции прозвучало 25 докладов ученых, представляющих академические институты, университеты, архивы и библиотеки Москвы, Санкт-Петербурга, Великого Новгорода, Екатеринбурга, Новосибирска, Саратова, Белграда и Вены. Большая часть докладов была посвящена традициям образования в России, Западной и Центральной Европе от Средневековья до Новейшего времени. Особое внимание на конференции было уделено творчеству и деятельности братьев Иоанникия и Софония Лихудов и их учеников, истории созданных ими в Москве и Новгороде учебных заведений. Важное место в программе конференции заняли доклады, посвященные истории книги и библиотек.

В продолжение темы научно-образовательных мероприятий, проведенных кафедрой всемирной истории и международных отношений НовГУ, заведующий кафедрой В. В. Грохотова представляет работу научно-практической летней школы «Новгород в системе ганзейских отношений в Средние века», которая прошла с 26 июня по 3 июля в Гуманитарном институте НовГУ в рамках реализации программы «Феномен Ганзы» общеуниверситетского стратегического проекта «Университет как генератор культурной идентичности». Работа летних «ганзейских» школ в НовГУ производится регулярно в течение последних трех лет. Программа мероприятия 2022 года включала обширную лекционную, практическую и экскурсионную части. Всего в работе школы приняли участие 24 студента, магистранта и аспиранта из Великого Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга, Пскова и Липецка. Высокий научно-

практический уровень преподавания обеспечили 17 лекторов/спикеров из Великого Новгорода, Санкт-Петербурга, Пскова и Стокгольма.

Редакция журнала обеспечивает его выход два раза в год и предоставляет читателям бесплатный доступ к полным текстам всех статей на официальном сайте издания (<https://journal-caurus.ru>).

М. Б. Бессуднова

FOREWORD BY THE EDITOR-IN-CHIEF

Dear readers!

We offer you the second issue of the scientific journal "Caurus". The periodical is aimed at highlighting the whole variety of international contacts of the Russian North-West of the pre-industrial era in the format of historical and interdisciplinary research. Constructing an image of the past in the mind of any nation is an organic part of its existence, since in the absence of a deep intellectual understanding of history, it does not have the opportunity to come to an awareness of its own identity and the deep nature of its roots. Such an important task predetermines a special tonality in the descriptions of historical events from a tilt towards politically motivated tendentiousness, producing numerous and sometimes very stable historiographic clichés, and up to, in the best case, the discursiveness of historical problems.

In view of this, the editors of the journal believe that the improvement of the cognitive strategy in the field of historical research is largely predetermined by the expansion of the circle of researchers of the declared subject, who, I would like to believe, will find a link connecting them in this journal, by the fact that they have the opportunity to publish the results of their scientific work and exchange opinions, as well as by the continuous accumulation of historical facts, by the originality of their scientific interpretation, the depth of study of the problems associated with them and, of course, by the introduction of new documentary written evidence into scientific circulation. The publications that the reader can find in the pages of the second issue of the "Caurus" journal align with such attitudes.

The issue opens with the article by V.V. Penskoj (Belgorod) ""Where there is a tiun, there is a prince ...": power and society in early modern Russia (casus of Prince I.V. Lyko Obolensky)", which presents an analysis of the moralizing text "Punishment" (Nakazaniye) from the ancient Russian legal collection "Measure of righteousness" (Merilo Pravednoye) of the end of the 14th century. The precedent with the reduction of Ivan Lyko Obolensky from the post of governor of Velikiye Luki in the Novgorod land in 1479 by the Grand Duke of Moscow Ivan III due to the petition of the inhabitants of the city is considered by the author in the context of the global problem of the nature of Moscow (Russian) statehood in the modern period including, in particular, extremely limited institutional foundation and the crucial importance of maintaining the authority of the power of the Grand Duke within the land, who suffered from the abuses of the officials appointed by him.

The work carried out by M.B. Bessudnova and D.I. Veber (Veliky Novgorod) in the archives of St. Petersburg is demonstrated in the article "Continuing the story of Magnus of Holstein: documents from the "Livonian Chronicles" in the archive of St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences", which presents separate documentary evidence of the life of the Danish Prince Magnus of Holstein as a vassal ("goldovnik") of Ivan IV and the king of Livonia. The authors give a description of his correspondence from the "Livonian Chronicles" stored in the archives of St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences with a focus on its origin and content. This article is considered

by them as a preparatory stage for the publication of translations of documents related to the history of the first and only Livonian king from this archive collection.

The results of archival research by T.D. Medvedeva (Veliky Novgorod) and her article “Livonian Historiography of the 17th century and Swedish Gothicism: The Lode-Werner Chronicle” contain both a source-based and historiographical aspects. They represent a little-known and hitherto unpublished chronicle of the beginning of the 17th century, written by the Livonian scholars G. Lode and D. Werner. A detailed description of this work, which tells about the history of Old Livonia, allows us to note at least two important points regarding, firstly, its purely pragmatic background, designed to historically justify the privileges of the Estonian knighthood in the Swedish Baltic states, and, secondly, the well-known originality, due to chroniclers' references to Swedish and Danish sources, as well as the use of the concept of Swedish Gothicism.

The article “Baltic aspects of the continental politics of England and the Netherlands at the turn of the 17th–18th centuries” by K.S. Desyatskov (Veliky Novgorod) touches upon the problem of the Baltic aspect of the policy of William III of Orange in the context of the Westphalian sovereignty crisis, Swedish expansion in the Baltic region and the maturing Europe major coalition conflicts in Europe, namely the Great Northern War and the War of the Spanish Succession. Using materials from domestic archives, the author demonstrates the flexible policy of William III of Orange, aimed at maintaining the balance of power in the Baltic region mainly by peaceful means, which, however, did not exclude the presence of the English strategy of stimulating conflicts of third parties. In this regard, examples of the so-called personal British diplomacy aimed at inciting a military conflict between Russia and Sweden, a likely ally of France in the War of Spanish Succession, are given.

M.M. Safonov (St. Petersburg) in the article “The Polish-Lithuanian Commonwealth in the context of the Interregnum” on the basis of a wide range of sources and literature actualizes the problem of the liberal plans of Emperor Alexander I regarding the expansion of the territory of the Kingdom of Poland with the use of Russian lands and strengthening its autonomy in order to enhance the borders of Russia, which led Alexander to another conflict with the Russian nobility. The author also notes the influence of the Polish question on the abolition of serfdom in the Baltic states, the development of the Decembrist movement, the problem of succession to the throne, relations in the imperial family and considers it as one of the prerequisites for the Interregnum.

The article “Integration of the third star. Francis Kemps and the fate of Latgale in 1917–1920” by T. Plath (Greifswald, Germany) deals with the problem of integration of the Latgale region into the Republic of Latvia in the period between the two world wars. Paying attention to the lack of an unambiguous position on the national issue among the politicians of Latgale, the author refers to the characteristics of the activities and views of the Latgale politician Francis Kemps as a supporter of Latgale autonomy, who played a key role in the development of Latgalian political culture and was defeated in confronting opponents. The author focuses on the change in the views of F. Kemps on the political fate of Latgale in the period from 1917 to the end of the 30s of the 20th century, which is presented in the context of the result of the initial plurality of decisions on this fate in the post-revolutionary period.

The subject of the study by D.A. Bessudnov (St. Petersburg), the author of the article “At the origins of Polish patronage: the transfer of the imperial “conservatory” in relation to

the Archbishopric of Riga in 1366”, is the prehistory of the Jagiellonian patronage in relation to the Archbishopric of Riga, which they used to include a part of Livonia into their possessions during the Livonian War. The author traces the origin of this important lever in the foreign policy of the Polish-Lithuanian Jagiellons to the imperial prerogative of the “conservatory”, delegated by Emperor Charles IV of Luxembourg to several European sovereigns, including the Polish king, by the rescript of 1366. The article contains a translation and comments of this document, which allows us to imagine the nature of such a little-studied phenomenon as the Polish-Lithuanian patronage.

In the “Chronicle” section, the reader will find an essay by N.V. Salonikov (Veliky Novgorod) "The Fifth Leichoudes Studies in Veliky Novgorod", dedicated to the All-Russian forum with international participation on the history of written culture in Russia and the origins of the formation of Russian higher education, which took place on April 14–15, 2022 at the Institute of Humanities of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University. At the conference, 25 reports were presented by scientists from academic institutions, universities, archives, and libraries of Moscow, St. Petersburg, Veliky Novgorod, Yekaterinburg, Novosibirsk, Saratov, Belgrade, and Vienna. Most of the reports were devoted to the traditions of education in Russia, Western and Central Europe from the Middle Ages to the Contemporary Era. Particular attention at the conference was paid to the work and activities of the brothers Ioannikius and Sofroniy Likhudov and their students, the history of the educational institutions they created in Moscow and Novgorod. An important place in the conference program was occupied by reports on the history of books and libraries.

In continuation of the topic of scientific and educational events held by the Department of World History and International Relations of the Novgorod State University, the head of the department V.V. Grokhotova presents the work of the Scientific and Practical Summer School “Novgorod in the system of Hanseatic relations in the Middle Ages”, which was held from June 26 to July 3 at the Institute of Humanities of Novgorod State University as part of the implementation of the program "The Hanse Phenomenon" of the university-wide strategic project "University as a generator of cultural identity". The summer Hanseatic schools at Novgorod State University has been carried out regularly over the past three years. The program of the event in 2022 included extensive lecture, practice, and excursion parts. In total, 24 undergraduate and graduate students from Veliky Novgorod, Moscow, St. Petersburg, Pskov, and Lipetsk took part in the school. A high scientific and practical level of teaching was provided by 17 lecturers/speakers from Veliky Novgorod, St. Petersburg, Pskov, and Stockholm.

The editors of the journal publish it twice a year and provide readers with free access to the full texts of all articles on the official website of the journal (<https://journal-caurus.ru>).

M. B. Bessudnova

СТАТЬИ

УДК 821.161.1:821.163.1

ББК 83.3(2=411.2)4

DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-12-26

В. В. Пенской

«ГДЕ ТИУН, ТАМ И КНЯЗЬ...»: ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В РАННЕМОДЕРНОЙ РОССИИ (КАЗУС КНЯЗЯ И. В. ЛЫКО ОБОЛЕНСКОГО)

В средневековом русском сборнике нравоучительных и юридических текстов, известном под названием «Мерило праведное» (отечественный исследователь К. В. Вершинин отмечал, что этот компендиум создавался как своего рода светский аналог Кормчей книги как основополагающего свода канонического права¹) содержится любопытный текст, вошедший в историю русской книжности под названием «Наказание». Этот небольшой текст, довольно популярный среди русских книжников той эпохи, обычно приписывают тверскому епископу Симеону², жившему во 2-й пол. XIII в., хотя М. В. Корогодина, не соглашаясь с такой атрибуцией авторства этого сочинения, считала, что оно представляет собой исторический анекдот, записанный после смерти епископа и потому ему не принадлежащий³. Впрочем, для предпринятого нами исследования это не столь уж и важно – важно другое, а именно те идеи, что были заложены его автором в этот текст.

Согласно «Наказанию» (которое представляет как бы запись разговора между епископом и полоцким князем Константином Безруким) на вопрос недовольного своим тиуном князя («Владыко, где быти тивуну на оном свете»), епископ отвечал – «Кде и князю!». Князь был немало удивлен такому ответу, ведь «тиун неправду судит, мзду емлет, люди продает, мучит, лихое все деет», и при чем тогда он, князь? И тогда, в ответ на новый вопрос Симеон развернул целое учение об обязанностях князя перед «землей». «Аже будеть князь добр, богобоин, жалуеть людей, – заявил владыка, – правду любить, – исбирает тиюна или коего волостеля – мужа добра и богобоина, страха божия полна, разумна, праведна, по закону божию все творяща, и суд ведуща». В таком случае, продолжал далее Симеон, «и князь в рай, и тивун в рай». Однако, в противном случае, если «будет ли князь без божия страха, хрестьян не жалуеть, сирот не милуеть, и вдовицами не печалуеть», если он «поставляет тивуна или коего волостеля – человека зла, бога не бояща и закона божия не ведущее, и суда не разумеющее, толико того дея, абы князю товара добывал, а людей не щадить»,

¹ Вершинин К.В. Мерило праведное в истории древнерусской книжности и права. М.-СПб., 2016. С.5.

² См., например: Кучкин В.А. Особая редакция «Наказания» Симеона Тверского // Изучение русского языка и источниковедение. Москва, 1969. С. 243–251.

³ См.: Корогодина М.В. Кормчие книги XIV – первой половины XVII века: В 2 т. Т. 1: Исследование. СПб., 2017. С. 92–93.

одним словом, если князь «аки бешена человека пустил на люди, давь ему меч – тако и князь, дав волость лиху человеку губити люди», то «князь во ад и тиун с нимь во адь», завершил свое нравоучение епископ⁴.

Почему мы уделили столь значительное внимание этому небольшому нравоучительному тексту? Известный отечественный историк-античник И. Е. Суриков, характеризуя основные тенденции развития современного антиковедения, указывал на наметившееся в последние десятилетия смещение исследовательских акцентов с изучения политических институтов, их истории, особенностей функционирования и взаимодействия на «изучение не столько политических институтов, сколько политических процессов, зачастую проходящих в неинституциональной форме» (под которыми он понимал «властные элиты, их состав, взаимоотношения с рядовым гражданским населением, применявшиеся ими механизмы достижения влияния, политические группировки, место общественного мнения в политической борьбе, соотношение социальной и политической структуры в полисе и прочие проблемы аналогичного рода»)⁵. Примечательно, но такой поворот характерен не только для антиковедения, но и для других направлений исторической науки, в т.ч. и для изучающей историю развития политических, социальных и иных институтов раннемодерного общества и государства. Авторитетный американский русист Н. Коллманн в одной из своих последних работ отмечала, что «примерно с 1970-х годов историки и философы изучают, как возникли раннемодерные государства в Европе (включая и Османскую империю), анализируя **стратегии управления, централизации и формирования суверенитета** (выделено нами – В. П.)...»⁶. По существу, речь идет об аналогичном смещении фокуса исследовательского внимания с изучения форм институциональных к неинституциональным, в значительной степени неформальным и субъективным – как отмечал австралийский историк Р. Скрибнер, для правильного понимания сущности процессов, связанных с формированием раннемодерных государств, «не стоит концентрировать внимание на наблюдаемых структурах государства и его прескриптивном законодательстве за счет тщательного изучения тех трудностей, с которыми сталкивалось на практике государство, преследуя свои цели»⁷.

Такой переход, который, как нам представляется, в значительной степени был предопределен «антропологическим поворотом» в исторической науке, начало которого связывают обычно с деятельностью знаменитой «школой Анналов», в особенности с ее третьим поколением⁸. Удивляться этому не стоит, поскольку развитие гуманитарных наук в Новейшее время, в особенности после окончания Второй Мировой войны, происходило не только по пути дальнейшей специализации, но и формирования прочных и разветвленных междисциплинарных связей между

⁴ Семена епископа тферьскаго наказание // «Изборник» (сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С. 376.

⁵ Суриков И.Е. Солон и его время. В двух томах. Т. I. СПб., 2022. С. 477.

⁶ Kollmann N. S. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge, 2012. P. 1.

⁷ Scribner R.W. Police and the Territorial State in Sixteenth-Century Württemberg // Politics and Society in Reformation Europe Essays for Sir Geoffrey Elton on his Sixty-Fifth Birthday. L., 1987. P. 103.

⁸ См., например: Трубникова Н. В. Французская историческая школа «Анналов». М., 2016. С. 304-307.

разными отраслями гуманитарного знания, изучающего особенности развития человеческого общества во всем его многообразии. И, поскольку раннемодерное общество может быть в полной мере отнесено к пресловутым «обществам первой волны» Э. Тоффлера⁹, т.е. обществам «деревенским» аграрным, «холодным» (по классификации К. Леви-Стросса¹⁰), с их сакральностью, патриархальностью, традиционализмом и нацеленностью на воспроизводство «старины»¹¹, то такой поворот к изучению неформальных, неинституциональных структур и отношений более чем закономерен и правомерен.

Перевод стрелок с изучения институциональных сторон формирования и последующей эволюции раннемодерных государств на неинституциональные дал любопытные результаты. В частности, привычный со школьной скамьи образ государства раннего Нового времени как государства централизованного, «унифицированного в административном и институциональном плане»¹², начал размываться. Любопытную концепцию выдвинул британский историк Дж. Эллиотт. Развивая тезисы, озвученные другим британским историком, Х. Кенигсбергером, он характеризовал раннемодерные государства как «композитные» («составные» или, как нам представляется более соответствующим конкретному историческому контексту, «лоскутные»)¹³.

Для этих «лоскутных» государств было характерно, по мнению Дж. Эллиотта, выстраивание отношений между верховной властью и местными элитами на основе своего рода «*contrat social*». Суть этого «контракта» заключалась в том, что, присоединяя новые территории, верховная власть, так или иначе, но вступала в договорные отношения с местными элитами и влиятельными кланами, семьями, корпорациями и пр. Гарантируя сохранение за ними прежних вольностей, привилегий и свобод (в большей или меньшей степени – в зависимости от условий, на которых это присоединение осуществлялось), верховная власть рассчитывала на лояльность местных элит и населения и на их готовность сотрудничать с нею в выполнении задач, имевших общегосударственную важность¹⁴.

И в этом не было ничего удивительно, ибо, к примеру, как отмечал отечественный историк К. В. Петров, «возможности российского государства (как институционального образования) в XVI–XVII вв. в различных сферах общественных отношений были неодинаковы и целиком зависели от конкретной политической ситуации: была фактическая возможность – было принуждение, не было возможности

⁹ См.: Тоффлер Э. Третья волна. М., 2004. С. 38–39, 40, 51–53.

¹⁰ См.: Леви-Стросс К. Неприрученная мысль // Леви Стросс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М., 2008. С. 438–439.

¹¹ См., например: Домников С. Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М., 2002. С. 20–22.

¹² Филюшкин А.И. Московская неонатальная империя: к вопросу о категориях политической практики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2009. Вып. 2. С. 5.

¹³ Elliott, J. H. A Europe of Composite Monarchies // Past & Present. 1992. Number 137. The Cultural and Political Construction of Europe. P. 48–71; Koenigsberger H. G. Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe *Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale* // Theory and Society. 1978. Vol. 5. 2. P. 191–217.

¹⁴ Elliott, J. H. A Op.cit. P. 57. Ср., например: Black J. Kings, Nobles and Commoners. States and Societies in Early Modern Europe. A Revisionist History. London and New York, 2004. P. 21.

– отношения строились на другой основе»¹⁵. Больше того, по мнению Дж. Брюэра и Э. Хелльмута, политические отношения в эту эпоху строились не только и не столько на насилии, сколько на переговорах и компромиссе (что, впрочем, не исключало и насилия, однако это последнее рассматривалось как последнее средство и к нему прибегали лишь в случае крайней необходимости или когда переговоры не давали желаемого результата)¹⁶. Примечательной в этом плане была тактика Ивана III в ходе переговоров с новгородской элитой в 1478/79 г. Казалось бы, Иван, вступая в переговоры с новгородским владыкой и господой как победитель, мог диктовать противной стороне любые свои условия и принудить ее принять их как данность, без какого-либо обсуждения и тем более уступок со своей стороны. Но нет, выставляя новгородским боярам и владыке свои условия, великий князь выслушивает и их встречные предложения, причем рассматривает их и соглашается принять часть из них¹⁷.

Слабость (институциональная) раннемодерных государств влекла за собой не только политику компромисса в отношениях с местными элитами, но и чувствительность власти к тому, что сегодня называют «общественным мнением». Незрелость и слабосильность того, что британский историк Дж. Брюэр называл «жилами власти» («sinews of power»¹⁸), понимая под ними административные, судебные и фискальные структуры и институты, кодификации законов и пр. механизмы реализации властных полномочий, одним словом, инфраструктуры власти, обуславливала необходимость обращения ее за помощью и поддержкой к «земле». Однако, в таком случае, нельзя не согласиться с мнением академика Н. Н. Покровского, который, характеризуя особенности функционирования государственного механизма России во 2-й половине XV – XVI вв., отмечал, что «система власти базировалась не на единственном понятии «государство», а на двух понятиях – «государство» и «общество», на продуманной системе не только прямых, но и обратных связей между ними... Центральная государственная власть того времени не была в состоянии доходить до каждой отдельной личности; исполняя свои функции, она должна была опираться на эти первичные социальные общности (сельские и городские общины-«миры», дворянские корпорации-«города» и пр. – В. П.). Но это автоматически означало серьезные права таких организмов, их немалую роль в политической системе всей страны...»¹⁹. Н. Коллманн к этому добавляла другое, не менее важное наблюдение – «во всех подобных государствах легитимность основывалась не только на упорядоченном применении насилия, но и на том, что государство в большей или меньшей степени отвечало представлениям, согласно которым **правитель должен**

¹⁵ Петров К. В. Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? (По поводу статьи С.Н. Кистерова «Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная практика первой половины XVI в.») // Очерки феодальной России. Вып. 12. М.-СПб., 2008. С. 376.

¹⁶ Brewer J., Hellmuth E. 1999. Introduction // Rethinking Leviathan: The Eighteenth-century State in Britain and Germany. Oxford & New York, P. 12.

¹⁷ См., например: Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М., 2004. С. 315–322.

¹⁸ См.: Brewer J. The sinews of power. War, money and the English state, 1688–1783. London: Unwin Hyman, 1989.

¹⁹ См.: Покровский Н. Н. От редактора // Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991 С. 5–6.

прислушиваться к своим подданным, хранить традицию и обеспечивать безопасность в обществе (выделено нами – В. П.)...»²⁰.

Прислушиваться к своим подданным, хранить традицию и обеспечивать безопасность в обществе – обязанности, которые возлагались тем самым «общественным мнением» на государей с незапамятных времен – с самого начала существования государства как института. Собственно говоря, об этом и говорил епископ Симеон князю Константину в своем «Наказании», с цитирования которого мы и начали нашего небольшое изыскание. Иван III, о котором мы уже не раз говорили прежде, был, конечно, сильным государем, однако мог ли он пренебрегать этими своими обязанностями, тем более на территориях, которые вошли в состав его великокняжеского «домена» относительно недавно? Очевидно, что нет, тем более что и сам он, будучи плоть от плоти современного ему общества с соответствующей ментальностью, впитал эти идеи и образы, что называется, с молоком матери, и мыслил соответствующими категориями. Подтверждением этого тезиса служит история, случившаяся в 1479 г. По осени того года «сведе князь великий наместника с Лук с Великих из Новугородцкого с Литовского рубежа, и биша челом князю великому лучане на него о продаже и о обиде»²¹. Наместником этим был князь И. В. Лыко Оболенский, представитель многочисленного («сильно размножившегося», по меткому замечанию А. А. Зимина²²).

Итак, лучане били челом великому князю на его «тиуна» «о продаже и о обиде». В том, что княжеский тиун будет кормится с населения, управлять которым он поставлен властью, не было ничего необычного, и сами управляемые также не видели в этом ничего криминального. Как отмечала Н. Коллманн, «что современный человек назвал бы коррупцией, было по большому счету экономикой даров, которая в обычные времена смазывала колеса системы в равной степени и для судей, и для тяжущихся». Однако эта «смазка» воспринималась как должное до тех пор, пока «тиун» не преступал некую черту, за которой размеры даров принимали неконтролируемый характер и превращались в произвольно взимаемые поборы – тогда, когда местное население оказывалось беззащитным «перед лицом **чрезмерных поборов** (выделено нами – В.П.)...»²³. Судя по всему, традиционные попытки урегулировать возникшую проблему, не вынося сор из избы не имели успеха (М. Брин характеризуя устройство системы судопроизводства в раннемодерной Франции, отмечал, что закон и суд «были составным элементом более разветвленной системы разрешения споров, которая включала в себя посредников, третейских судей-арбитров и других его участников, которые занимались сделками, переговорами или иными другими средствами, позволявшими урегулировать спор неформальными путями»²⁴), и не сумев разрешить проблему на месте, лучане и решили бить челом государю.

²⁰ Kollmann N. S. Op. cit. P. 416.

²¹ Львовская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XX. М., 2005. С. 336.

²² Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 44.

²³ Kollmann N. S. Op.cit. P. 418.

²⁴ Breen M. P. Patronage, Politics, and the “Rule of Law” in Early Modern France // Proceedings of the Western Society for French History. 2005. № 3. P. 95–113. P. 104–105.

Последний же, памятуя о том, что отношения между ним и его подданными в подобного рода ситуациях строятся, по меткому замечанию В. Кивельсон, согласно формуле «совет, челобитная, недовольство, бунт»²⁵, решил не доводить дело до греха, тем более что Великие Луки еще совсем недавно, в 1478 г., находились в совместном владении Новгорода и Великого княжества Литовского, и вызывающее поведение великокняжеского наместника могло иметь и далеко идущие политические последствия. Челобитной был дан ход. «Князь же великий суди его (князя Лыко – В.П.) с ними (лучанами – В.П.), – записал летописец, – иное жо на нем дотягалися, и он оборотню в продажах платил, а иное князь великий безсудно велел платити им». При этом книжник, по мнению Ю.Г. Алексеева, симпатизировавший князю Лыко²⁶, подчеркнул, что «много жлоб лучане учиниша, иное по правде, а иное и клепали его (наместника – В.П.); где мало взял, а они о мнозе жалобу положили» в расчете на то, что великий князь поддет им навстречу (и не ошиблись в своих расчетах!)²⁷.

Обиженный князь «не мога того терпети» и отъехал от своего сюзерена к его младшему брату, князю Борису Васильевич Волоцкому²⁸. Собственно, с этого отъезда эта история, которая, казалось, имела вполне обыденный характер – князь Лыко был не первый наместник, слишком много бравший на себя, и он же был не последним, который был наказан за свои злоупотребления верховной властью, не желавшей доводить своих подданных до четвертой стадии развития конфликта между нею и ее подданными из-за таких вот действий «тиунов». Его отъезд стал причиной острого конфликта между Иваном и его «меньшой братьей», который вышел из-под контроля и перерос в вооруженную княжескую фронду, причем в самый неподходящий политический момент, когда натянутые отношения Москвы с Вильно и Ордой грозили вот-вот разразиться большой войной.

Собственно говоря, именно в связи с этим мятежом, имевшим далеко идущие последствия, казус с ненасытным наместником и остался незамеченным в отечественной историографии. Многие историки писали об этом случае и его последствиях – например, С. М. Соловьев уделил этой истории несколько страниц своей монументальной «Истории России с древнейших времен»²⁹. Из позднейших историков подробнейшим образом эту историю разбирал уже упоминавшийся нами выше Ю. Г. Алексеев³⁰, не оставил ее без внимания и автор биографии великого князя Ивана III Н. С. Борисов³¹, последним же ее коснулся С. Ю. Шокарев в своем исследовании о князе Андрее Углицком³². В целом эти (и ряд других) работ отечественных историков рисуют подробную картину произошедшего и того, что случилось потом (причем на этом «потом» делается главный упор), но вот что касается

²⁵ Kivelson V. Muscovite "Citizenship": Rights without Freedom // The Journal of Modern History. Vol. 74, No. 3. P. 474. 2002.

²⁶ Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 27.

²⁷ Львовская летопись. С. 336.

²⁸ Там же.

²⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 5 // Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. III. М., 1989. С. 47–50.

³⁰ Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига... С. 27–34 слл.

³¹ Борисов Н. С. Иван III. М., 2003. С. 420–422 слл.

³² Шокарев С. Ю. Андрей Большой Углицкий. Судьба и эпоха. Углич, 2022. С. 231–233 слл.

самого конфликта между наместником, лучанами и великим князем, здесь обычно дальше констатации факта дело не идет. В лучшем случае, как это сделал Н. С. Борисов, а вслед за ним С. Ю. Шокарев, указывается на обиду князя Лыко и на возможные личные мотивы великого князя, который решил наказать своего «тиуна»³³, основное же внимание уделяется противостоянию Ивана III и его братьев, ставшее следствием отъезда князя Лыко и попытки Ивана III арестовать его. Княжеская фронда по вполне понятным причинам напрочь перекрыла казус с князем Лыко, хотя, справедливости ради, истории, подобные этой, неплохо демонстрирую те самые трудности и проблемы, о которых писал Р. Скрибнер, почему она и заслуживает более пристального внимания. Поэтому, оставив за скобками мятеж братьев Ивана III, вернемся к истории с князем Лыко Оболенским.

Касаясь причин, по которым лучане били челом Ивану III на его наместника, отметим, что причины эти были более чем весомые. «Сочные» подробности поведения наместника и его людей сохранила Литовская метрика (напомним, что Великие Луки долгое время были в совместном управлении Новгорода и Вильно, и, похоже, князь Лыко выполнял негласное указание Ивана III «выбить» литовских администраторов с этой территории, но явно перестарался). В частности, в Метрике сообщалось, что «как князь великий московский узьял Новгород и вecho им сказал, ино узъехал на Ржову князь Иван Лыко и ехал через Влицы, и **судил и грабил люд – што хотел, то на них брал** (выделено нами – В.П.)...».

Не клали себе охулки на руку и люди князя Лыко, которые вели себя ничуть не лучше, если не хуже, своего господина. Так, некие Тимофей и Бурец, княжеские «шестники»-министерялы³⁴, при попустительстве своего господина не только «судили и грабили люди, что хотели, то брали ... на ком рубль, на ком два, на ком три, на ком пять, того и не счести», но еще «по клетем ходечи, грабили – што было в клетех, то выграбили у людей»³⁵. Больше того, Бурец, прибыв в Бардовский погост, «на первой Еська (литовского управляющего – В. П.) забил до смерти, старого наместника, перенемъши на дорозе, а отънял оточин в него два кони по пять коп и шаты обрал, шубу кунью взял за осм коп, а плащ и прыстый, што был при нем, то все побрал; того всего на тридцать коп взял». После же того, как он побив и ограбив злосчастливого Еська, Бурец занялся любимым делом: «А судил и рядил, на людех брал гроши, на ком рубль, на ком два, на ком три – того не исчести, бо люди не были передо мною, только, которые бегают, тые были передо мною»³⁶.

Стоит заметить, что поведение князя Лыко Оболенского и его людей вряд ли было чем-либо из ряда вон выходящим. Сменивший его Константин Ярославич Оболенский (?) действовал в тех же краях в том же духе. Явившись в Бардовский погост после Бурца, он и его люди стали постоем на дворе покойного Еська, так что тамошние обитатели, Еськовичи, «выбегли з двора з жонами.з детьми, и Стехно теж Федькович

³³ См.: Борисов С. Н. Иван III... С. 420–421.

³⁴ См., например: Гиппиус А. А. Шестники: к значению и происхождению социального термина // Шаги / Steps. Т. 7. № 3. 2021. С. 67–81.

³⁵ Литовская метрика, Отдел первый. Часть первая: книги записей. Т. 1-й // Русская историческая библиотека. СПб., 1910. Стб. 466–467.

³⁶ Там же. Стб. 475.

выбег». Оставшись хозяином в усадьбе, Константин за две недели своего пребывания в усадьбе «дом весь выграбил, што было домовых статъков в дому, и волость всю збивши, жито все вывез; на волость всего того в дому взял на двесте рублей рызких». Не ограничившись этим, Константин, приводя туземцев, «малых и великих», к присяге на верность великому князю, «з головы по грошу брал, а люд грабил, взял на ком рубль, на ком два – того не счести»³⁷.

Не отставали от московских наместников и их людей и новгородцы. Та же Литовская метрика сообщает, что после того, как оба князя Оболенских отбыли с добычей, в волость явились новгородские бояре Иван Васильевич и Никита Есипович, «а с ними людей с полтораста, а в кажъдого по два кони», и те приезжие бояре и их люди разместились в волости, «судять и радять, и люди грабять, и берут што хотятъ, и мучать люди»³⁸. От таких злочинств и грабежей туземцы «розбеглися по заграничью, кое ко Пскову, кое инъде где»³⁹. Стоит заметить, что и в случае с князем Лыко, и в случае с князем Константином, и с новгородскими боярами и их людьми, явно был нарушен обычай, который был зафиксирован в Судебнике 1497 г. и гласивший, что «бояром или детем боярским, за которыми кормления с судом с боярским, имуть судити, а на суде у них быти дворьскому, и старосте и лутчимь людем. А без дворского, и без старосты, и без лутчих людей суда наместником и волостелем не судити»⁴⁰. Если б суд и расправа вершились в присутствии местных «лутчих» людей, вряд ли бы злоупотребления князей, бояр и их министралов вышли бы за рамки приемлемых и вызвали бы столь бурную реакцию лучан со всеми вытекшими отсюда драматическими последствиями.

Конечно, на все это можно возразить, что московские наместники и новгородские бояре вели себя «аки звери дивии» в литовской «половине» ржевской волости, однако, с одной стороны, эта часть по факту перешла под власть московского великого князя и, выходит, грабя и учиняя насилия над местными жителями, наместники наносили вполне конкретный материальный и моральный урон самому великому князю, а с другой стороны, наместники, и не только они одни, и в других краях вели себя ничуть не лучше. Летописи сохранили сведения о ряде аналогичных казусов, относившихся, кстати, к этому времени. Например, в Типографской летописи под 6989 годом было записано, что «тое же зимы прииде великая княгиня Софья из бегов, бе бо бегала на Белоозеро от татар, а не гонял никто, **и по которым странам ходили, тем пуще стало татар и от боярьских холопов, от кровопивцев крестьяньских** (выделено нами – В. П.)». Летописец даже патетически восклицал по этому поводу: «Воздай же им, Господи, по делом их и по лукавствоу начинания их»⁴¹.

Еще более интересные и живописные описания злоупотреблений государевых наместников сохранили псковские летописи. Так, они сообщают о насильствах и «силном имании», которые учинил во Пскове московский наместник князь Ярослав

³⁷ Там же. Стб. 476.

³⁸ Там же. Стб. 477.

³⁹ Там же. Стб. 466.

⁴⁰ Судебник 1497 г. // Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV–X вв. М., 1955. С. 352.

⁴¹ Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. М., 2000. С. 201.

Васильевич Оболенский и его люди в 1476/77 г. и которые стали причиной серьезных волнений в городе, сопровождавшихся кровопролитием. «Повезе псковитин с огорода капусту через Торг мимо княжеи двор, – писал псковский книжник, – и шестник, похитив силою наручье тое капусты, даде княжому барану». Терпение псковичей лопнуло, и они, по словам летописца, начали «каторатися» с княжескими слугами. Последние «поидоша на пскович с ножами, и начаша стрелами стреляти по Торгу ходя», и сам князь Ярослав, «възложи на ся ратную приправу», «нача стреляти и многих раниша, а дву человек до смерти застрелиша». Возмущенные псковичи за малым не устроили в городе погром по образцу тверского 1327 г., но «нъкотории смыслении люди едва оуставиша народ», не допустив более серьезного кровопролития⁴².

Понятно, что после такого казуса дальнейшее пребывание князя Ярослава во Пскове становилось невозможным. Вече постановило удалить князя из города и бить челом великому князю об удалении наместника и присылке на его место другого. Прибывшие из Москвы посланники великого князя бояре И. Ф, Товарков и Ю. И. Шестак встали на сторону князя Ярослава, «истомы держав с Псковом о всем том много». На обратном же пути, не удовольствовавшись подарками от псковичей (которые действовали так, как это описывала Н. Коллманн – «устанавливая личные связи с должностными лицами посредством подарков и поставок натурой ... они надеялись, что суд будет проявлять гибкость и вынесении приговоров»⁴³), «едоучи на роубежи котори их провадили всех ограбили, как кони и платье отымали, а самих перебили, и сверж и пенязи поимали»⁴⁴. Иван III, настроенный против псковичей своими посланцами и самим князем Ярославом, встретил делегацию из Пскова неласково, однако наместника все же отозвал из города (и тот напоследок снова «отличился» – сопровождавших его 18 псковичей, приставов сотских, губных старост «и иных добрых людей» поимал, перевязал и увел с собою в Москву)⁴⁵.

Развязка этой истории для псковичей была, похоже, благоприятна – по сообщению 2-й Псковской летописи, «князь великий изополелся на Ярослава, и он вся грабленая и людеи со многым студом възврати»⁴⁶. И представляется, что когда к великому князю поступила жалоба на очередного князя из клана Оболенских с описанием его «художеств», то Иван III не выдержал и решил примерно его наказать, чтобы другим было неповадно (возможно, это и был тот самый личный счет, о котором писал Н. С. Борисов). Однако, в отличие от своего двоюродного брата, князь Лыко решил воспользоваться правом сводного отъезда к другому господину, которое с давних пор фиксировалось в межкняжеских докончаньях⁴⁷, посчитав себя обиженным и на этом основании сводным от клятвы верной службы Ивану. В самом деле, «разве пану не вольно наказывать подданных своих, не только тюрьмою или другим каким-

⁴² Псковская 2-я летопись. Синодальный список // Полное собрание русских летописей. Псковские летописи. Т. V. Вып. 2. М., 2000. С. 56.

⁴³ *Kollmann N. S.* Op. cit. P. 418.

⁴⁴ Псковская 3-я летопись. Строевский список. С. 206.

⁴⁵ Там же. С. 206–207, 208.

⁴⁶ Псковская 2-я летопись. С. 56.

⁴⁷ См., например: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950. С. 227.

нибудь наказанием, но даже смертью?» (слова урядника князя А. М. Курбского Ивана Келемета)⁴⁸. Поэтому князь Лыко, полагая, что с этого момента его отношения с Иваном III могут быть разорваны, с чистым сердцем отъехал к Борису Волоцкому.

Однако расчеты бывшего наместника не оправдались. Великий князь взъярился и отправил своего боярина Ю. И. Шестака (который уже разбирался с делом князя Ярослава Оболенского, как было отмечено выше) к Борису Волоцкому с требованием выдать ему отъехавшего вассала. Н.С. Борисов предположил, что гнев Ивана был вызван тем, что князь Лыко, прежде чем отъехать на службу к удельному князю, не выплатил причитавшиеся ему по приговору суда штрафы⁴⁹. В принципе, сценарий вполне вероятный – можно в данном случае провести определенные аналогии с правом крестьянского отъезда согласно Судебнику 1497 г., который, несомненно, зафиксировал давно сложившийся обычай. Мы не видим принципиальной разницы между правом отъезда боярина или сына боярского от своего сюзерена и правом отъезда крестьянина от своего господина. В рамках складывающихся служебных отношений внутри «земско-служилого» государства (Ю. Г. Алексеев)⁵⁰, когда каждый «чин» нес свою, определенную традицией «службу», а крепостное право как таковое по отношению к основной массе крестьянства отсутствовало, правоотношения, на которых строилось право отъезда, должны были иметь одну и ту же природу.

Сравнивая развитие ситуации в случаях с князем Ярославом и князем Лыко, отметим, что если бы князь Лыко поступил бы также, как его двоюродный брат, который, судя по сообщениям псковских летописей, выплатил все положенные ему штрафы и пени и не стал перечить великокняжеской воле, то дело не приняло такой серьезный оборот, а князю Борису и его брату Андрею пришлось бы искать иной предлог, чтобы поднять мятеж против своего «брата старейшего». Однако князь Лыко решил, что ему традиция не указ, что он право имеет, и тогда Иван III был вынужден пойти на принцип, поскольку в том казусе (третьем, получается, за столь краткий промежуток времени) встал вопрос о его репутации и его авторитете среди подданных (напомним еще раз о принципах, на которых выстраивалась легитимация верховной власти в эпоху раннего Нового времени). Ради этого Иван пошел на открытое нарушение суверенных прав своего младшего брата, чем и вызвал острейший политический кризис. И дело здесь, скорее всего, не только и не столько в том, что, как писал Ю. Г. Алексеев, в казусе с князем Лыко перед нами противостояние союза великокняжеской власти массой непривилегированного населения города и села альянсу феодальной аристократии в лице удельного князя и крупного вассала⁵¹. Вряд ли великий князь не понимал последствий этого своего решения, однако на кону стояло нечто большее, нежели поддержание родственных отношений или пресловутая «классовая» или сословная «солидарность» – выходит, что интерес государственный в этом случае восторжествовал над семейственностью.

⁴⁸ Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни // Акты, изданные Временною Коммиссиею, Высочайше утвержденною при Киевском Военном, Подольском и Волынском Генерал-Губернаторе. Т. 1-й. Киев, 1849. С. 4.

⁴⁹ Борисов Н. С. Иван III... С. 421.

⁵⁰ См.: Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001. С. 431–433.

⁵¹ Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси... С. 34.

И в завершение отметим, что опала Ивана III на князя Лыко была недолгой – уже в 1483 г. князь отправляется с дипломатической миссией в Крым, миссией чрезвычайно важной, поскольку после того, как в предыдущем году крымский «царь» Менгли-Гирей I, совершив поход на Киев, по существу поставил жирную точку в долгой истории крымско-литовских «братских» отношений и сделал окончательный выбор в пользу союза с Иваном III. Посольство князя Лыко Оболенского должно было закрепить эту перемену и «братские» отношения между двумя государями в преддверии конфликта Москвы и Вильно⁵². Доверие великого князя к бывшему великолуцкому наместнику было возвращено, и это свидетельствует в пользу того предположение, что конфликт между Иваном и великолуцким наместником был вызван не столько характером действий бывшего князя Лыко во время исполнения им своих наместничьих обязанностей, сколько чрезмерными, по меркам того отнюдь не вегетарианского времени, его злоупотреблениями и попыткой уклониться от выполнения великокняжеской воли, что подрывало авторитет Ивана III в глазах «земли», а, значит, и его легитимность.

Информация о статье

Автор: Пенской Виталий Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Юридический институт Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия; ORCID: 0000-0002-4092-8992; e-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Заголовок: «Где тиун, там и князь...»: власть и общество в раннемодерной России (казус князя И. В. Лыко Оболенского)

Аннотация. 2-я половина XV в. – время, когда был запущен процесс формирования основ т.н. «централизованного» Русского государства. Этот сложный и неоднозначный, противоречивый процесс был связан с наращиванием верховной властью своей инфраструктуры, которая, по мере ее развития, позволяла московским государям чувствовать себя более уверенно и более успешно, чем прежде, диктовать свою волю обществу. Однако до тех пор, пока эта инфраструктура находилась в зачаточном состоянии, возможности власти в этой сфере были ограничены. Эта ограниченность средств и возможностей по проведению независимой политики вынуждала государство, верховную власть, прислушиваться к мнению общества и искать у него поддержки. В свою очередь, общество было готово предоставить эту поддержку, но при условии, что власть будет соответствовать определенным требованиям, которые давно сложились и были освящены традицией. Следование этой традиции гарантировала власти лояльность подданных и, как результат, успех ее начинаний. Желая сохранить эту лояльность и послушание, верховная власть жестко реагировала на злоупотребления своих представителей на местах в тех случаях, когда их действия выходили далеко за рамки традиции. Казус с великолуцким наместником князем И.В. Лыко Оболенским, злоупотребления которого вызвали в 1479 г. конфликт с жителями Великих Лук и стали предметом разбирательства со стороны великого князя, является ярким тому примером.

Ключевые слова: раннее Новое время, Российское государство, верховная власть, общество, традиция, Иван III

Библиографический список

- Алексеев, Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л.: Наука, 1989. 219 с.
Алексеев, Ю. Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 448 с.
Борисов, Н. С. Иван III. М.: Молодая гвардия, 2003. 644 с.

⁵² См.: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турциею. Т. I. С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 41. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К^о, 1884. С. 34–37.

- Вершинин, К. В.* Мерило праведное в истории древнерусской книжности и права. М.-СПб.: Нестор-История, 2016. 296 с.
- Гиппиус, А. А.* Шестники: к значению и происхождению социального термина // Шаги / Steps. Т. 7. № 3. 2021. С. 67-81.
- Домников, С. Д.* Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М.: Алетейа, 2002. 672 с.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.* М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 586 с.
- Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни // Акты, изданные Временною Коммиссиею, Высочайше утвержденною при Киевском Военном, Подольском и Волынском Генерал-Губернаторе.* Т. 1-й. Киев: Лито-типографическое заведение А.К. Вальнера, 1849. 387 с.
- Зимин, А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М.: Наука, 1988. 350 с.
- Корогодина, М. В.* Кормчие книги XIV – первой половины XVII века: В 2 т. Т. 1: Исследование. СПб.: Альянс-Архео, 2017. 600 с.
- Кучкин, В. А.* Особая редакция «Наказания» Симеона Тверского // Изучение русского языка и источниковедение: [Сборник статей / Отв. ред. канд. филол. наук В.Ф. Дубровина]; АН СССР. Ин-т рус. яз. Москва: Наука, 1969. С. 243–251.
- Леви-Стросс, К.* Неприрученная мысль // *Леви Стросс, К.* Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М.: Академический проект, 2008. С. 143–501.
- Литовская метрика, Отдел первый. Часть первая: книги записей.* Т. 1-й // Русская историческая библиотека. СПб.: Сенатская типография, 1910. 650 с.
- Львовская летопись // Полное собрание русских летописей.* Т. XX. М.: Языки славянских культур, 2005. 704 с
- Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей.* Т. XXV. М.: Языки славянской культуры, 2004. 488 с.
- Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турциею.* Т. I. С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 41. СПб.: Тип.-я Ф. Елеонского и К°, 1884. 640 с.
- Петров, К.В.* Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? (По поводу статьи С.Н. Кистерова «Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная практика первой половины XVI в.») // Очерки феодальной России. Вып. 12. М.-СПб.: Альянс-Архео, 2008. С. 365–382.
- Покровский, Н.Н.* От редактора // Алексеев Ю.Г. Государь всяя Руси. Новосибирск: Наука, 1991. С. 240 с.
- Псковская 2-я летопись. Синодальный список // Полное собрание русских летописей. Псковские летописи.* Т. V. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 9–69.
- Псковская 3-я летопись. Строевский список Полное собрание русских летописей. Псковские летописи.* Т. V. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 78–250.
- Семена епископа тферьскаго наказание // «Изборник» (сборник произведений литературы Древней Руси).* М.: Художественная литература, 1969. С. 376.
- Соловьев, С.М.* История России с древнейших времен. Т. 5 // *Соловьев, С.М.* Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. III. М.: Мысль, 1989. 783 с.
- Судебник 1497 г. // Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV–X вв.* М.: Госюриздат, 1955. С. 341–419.
- Суриков, И.Е.* Солон и его время. В двух томах. Т. I. СПб.: Академия Исследования культуры, 2022. 672 с.
- Типографская летопись // Полное собрание русских летописей.* Т. XXIV. М.: Языки русской культуры, 2000. 288 с.
- Тоффлер, Э.* Третья волна. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 781 с.
- Трубникова, Н. В.* Французская историческая школа «Анналов». М.: Квадрига, 2016. 336 с.
- Филюшкин А. И.* Московская неонатальная империя: к вопросу о категориях политической практики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2009. Вып. 2. С. 5–20.
- Шокарев, С. Ю.* Андрей Большой Углицкий. Судьба и эпоха. Углич: Углеце поел, 2022. 424 с.
- Black, J.* Kings, Nobles and Commoners. States and Societies in Early Modern Europe. A Revisionist History. London and New York: I.B. Tauris, 2004. 198 p.
- Breen, M.P.* Patronage, Politics, and the “Rule of Law” in Early Modern France // Proceedings of the Western Society for French History. 2005. № 3. P. 95–113.
- Brewer, J.* The sinews of power. War, money and the English state, 1688–1783. London, Unwin Hyman, 1989. 253 p.
- Brewer, J., Hellmuth, E.* 1999. Introduction // Rethinking Leviathan: The Eighteenth-century State in Britain and Germany. Oxford & New York: Cambridge University Press. P. 1–22.
- Elliott, J.H.* A Europe of Composite Monarchies // Past & Present. 1992. Number 137. The Cultural and Political Construction of Europe. P. 48–71.

- Kivelson, V. Muscovite "Citizenship": Rights without Freedom // *The Journal of Modern History*, 2002. Vol. 74, No. 3. P. 465–489.
- Koenigsberger, H.G. Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe *Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale* // *Theory and Society*. 1978. Vol. 5. 2. P. 191–217.
- Kollmann, N.S. *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. Cambridge, Cambridge University Press, 2012. 504 p.
- Scribner, R.W. *Police and the Territorial State in Sixteenth-Century Württemberg* // *Politics and Society in Reformation Europe Essays for Sir Geoffrey Elton on his Sixty-Fifth Birthday*. L.: McMillan Press LTD, 1987. P. 103–120.

Information about the article

Author: Penskoj Vitaly Viktorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, the Institute of Law at Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia; ORCID: 0000-0002-4092-8992, e-mail: penskoj@bsu.edu.ru

Title: "Where there is a tiun, there is a prince...": power and society in early modern Russia (casus of Prince I. V. Lyko Obolensky)

Abstract. The second half of the 15th century was the time of forming the foundations of the so-called "centralized" Russian state. This complex and ambiguous, contradictory process was associated with the build-up of the supreme authorities of its infrastructure, which, as it developed, allowed the Moscow authorities to feel more confident and more successful than before, to dictate their will to society. However, while this infrastructure was in its infancy, the possibilities of the authorities in this area were limited. This limited means and opportunities for pursuing an independent policy forced the state, the supreme authorities, to listen to the opinion of society and seek its support. In turn, society was ready to provide this support, but on the condition that the authorities would meet certain requirements long established and consecrated by tradition. Following these requirements of tradition guaranteed the loyalty of the subjects to the authorities and, as a result, the success of their undertakings. Wishing to maintain this loyalty and obedience, the supreme authorities reacted harshly to the abuses of its local representatives in those cases when their actions went far beyond tradition. The incident with the Velikiye Luki governor, Prince I.V. Lyko Obolensky, whose abuses caused a conflict with the inhabitants of Velikiye Luki in 1479 and became the subject of proceedings by the Grand Prince, is a notable example.

Keywords: early modern period, Russian state, supreme authorities, society, tradition, Ivan III

References

- Alekseev, Yuri Georgievich. *Osvobozhdenie Rusi ot ordynskogo iga* [*Liberation of Rus' from the Horde yoke*]. Leningrad: Nauka Publ., 1989. 219 p. (in Russian).
- Alekseev, Yuri Georgievich. *Sudebnik Ivana III. Tradiciya i reforma* [*The Sudebnik of Ivan III. Tradition and reform*]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2001. 448 p. (in Russian).
- Borisov, Nikolay Sergeevich. *Ivan III*. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2003. 644 p. (in Russian).
- Vershinin, Konstantin Vladimirovich. *Merilo pravednoe v istorii drevnerusskoj knizhnosti i prava* [*The righteous measure in the history of ancient Russian literature and law*]. Moscow—St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2016. 296 p. (in Russian).
- Gippius, Alexey Alekseevich. *Shestniki: k znacheniyu i proisxozhdeniyu socialnogo termina* [Shestniki: on the meaning and origin of the social term], in *Shagi* [Steps]. 2021. T. 7. No. 3. Pp. 67–81. (in Russian).
- Domnikov, Sergei Dmitrievich. *Mat-zemlya i Tsar-gorod. Rossiya kak traditsionnoye obshchestvo* [*Mother Earth and the Tsar City. Russia as a traditional society*]. Moscow: Aleteya Publ., 2002. 672 p. (in Russian).
- Dukhovnyye i dogovornyye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV–XVI vv.* [*Testament and contractual letters of the great and appanage princes of the XIV–XVI centuries*]. Moscow–Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1950. 586 p. (in Russian).
- Zhizn knyazya Andrey Mixaylovicha Kurbskogo v Litve i na Volyni [The life of Prince Andrey Mikhailovich Kurbsky in Lithuania and Volyn], in *Akty, izdannye Vremennoyu Kommissieyu, Vysochayshe utverzhdennoyu pri Kievskom Voennom, Podolskom i Volynskom General-Gubernatore* [Acts issued by the Provisional Commission, Highly approved by the Kiev Military, Podolsky and Volyn Governor-General]. T. 1. Kiev: Lito-tipograficheskoe zavedenie A.K. Valnera Publ., 1849. 387 p. (in Russian).
- Zimin, Aleksandr Aleksandrovich. *Formirovanie boyarskoj aristokratii v Rossii vo vtoroj polovine XV – pervoj tretej XVI v.* [Formation of the boyar aristocracy in Russia in the second half of the 15th – the first third of the 16th century]. Moscow: Nauka Publ., 1988. 350 p. (in Russian).

- Korogodina, Maria Vladimirovna. *Kormchie knigi XIV – pervoj poloviny` XVII veka* [Kormchaya books of the XIV – first half of the XVII century]: In 2 v. V. 1: Issledovanie [Research]. St. Petersburg: Al'yans-Arkheo Publ., 2017. 600 p. (in Russian).
- Kuchkin, Vladimir Andreyevich. Osobaya redakciya «Nakazaniya» Simeona Tverskogo [Special edition of “Admonition” by Simeon of Tver] in *Izuchenie russkogo yazy`ka i istochnikovedenie: Sbornik statey / Otv. red. kand. filol. nauk V.F. Dubrovina; AN SSSR. In-t rus. yaz* [Study of the Russian language and source studies: Collected articles / Ed. Cand. of philol. sciences V.F. Dubrovina; Academy of Sciences of the USSR. Russian Language Institute]. Moscow: Nauka Publ., 1969. Pp. 243–251. (in Russian).
- Levi-Strauss, Claude. Nepriruchennaya mysl` [Untamed thought], in *Levi-Strauss, C. Le Totémisme aujourd'hui. La Pensée sauvage*. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., 2008. Pp. 143–501. (in Russian).
- Litovskaya metrika, Otdel pervyy. Chast` pervaya: knigi zapisey. T. 1. [Lithuanian Metrics, Section One. Part one: record books. Vol. 1], in *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya Publ., 1910. 650 p. (in Russian).
- L'vovskaya letopis [Lvov chronicle] in *Polnoe sobranie russkix letopisey. T. XX* [Complete collection of Russian chronicles. Vol. XX]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2005. 704 p. (in Russian).
- Moskovskiy letopisnyy svod kontsa XV veka [Moscow annals of the late XV century], in *Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. XXV* [Complete collection of Russian chronicles. Vol. XXV]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 488 p. (in Russian).
- Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva s Krymskoyu i Nagayskoyu Ordami i s Turtsiyeyu. T. I. S 1474 po 1505 god, epokha sverzheniya mongol'skogo iga v Rossii [Records of diplomatic relations of the Muscovite state with the Crimean and Nagai Hordes and with Turkey. Vol. I. From 1474 to 1505, the era of the overthrow of the Mongol yoke in Russia], in *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshhestva. T. 41* [Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 41]. St. Petersburg: Eleonskiy and Comp. Publ., 1884. 640 p. (in Russian).
- Petrov, Konstantin Vasil'yevich. Imel li Sudebnik 1497 g. znacheniye zakona v yego sovremennom ponimanii? (Po povodu stat'i S.N. Kistereva «Velikoknyazheskiy Sudebnik 1497 g. i sudebnaya praktika pervoy poloviny XVI v.») [Did the Sudebnik of 1497 have the meaning of law in its modern sense? (Regarding the article by S.N. Kisterev “The Grand-Ducal Sudebnik of 1497 and the judicial practice of the first half of the 16th century”)], in *Ocherki feodalnoy Rossii. Vyp. 12* [Essays on feudal Russia. Iss. 12]. Moscow–St. Petersburg: Al'yans-Arkheo Publ., 2008. Pp. 365–382. (in Russian).
- Pokrovskiy, Nikolay Nikolayevich. Ot redaktora [From the editor] in *Alekseev Yu.G. Gosudar` vseya Rusi* [Alekseev Yu.G. Sovereign of all Rus']. Novosibirsk: Nauka Publ., 1991. 240 p. (in Russian).
- Pskovskaya 2-ya letopis`. Sinodal'nyy spisok [Pskov 2nd chronicle. Synodal list], in *Polnoe sobranie russkix letopisej. Pskovskie letopisi. T. V. Vyp. 2* [Complete collection of Russian chronicles. Pskov chronicles. Vol. V. Iss. 2]. Moscow: Yazy`ki russkoy kul'tury` Publ., 2000. Pp. 9–69. (in Russian).
- Pskovskaya 3-ya letopis`. Stroevskiy spisok [Pskov 3rd chronicle. Stroevsky list] in *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Pskovskie letopisi. T. V. Vyp. 2* [Complete collection of Russian chronicles. Pskov chronicles. Vol. V. Iss. 2]. Moscow: Yazy`ki russkoy kul'tury` Publ., 2000. Pp. 78–250. (in Russian).
- Semena yepiskopa tfer'skago nakazaniye [Admonition of Simeon of the Bishop of Tfer's] in «Izbornik» (sbornik proizvedenij literatury` Drevney Rusi) [“Izbornik” (a collection of works of literature of Ancient Rus)]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1969. P. 376. (in Russian).
- Solov`ev, Sergey Mikhaylovich. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen. T. 5 [History of Russia since ancient times. Vol. 5], in *Solov`yev, S.M. Sochineniya v vosemnadtsati knigakh. Kn. III* [Solovyov, S.M. Essays in eighteen books. Book III]. Moscow: Mysl` Publ., 1989. 783 p. (in Russian).
- Sudebnik 1497 g. [Sudebnik 1497], in *Pamyatniki russkogo prava. Vy`p. 3. Pamyatniki prava perioda obrazovaniya Russkogo centralizovannogo gosudarstva. XIV–XV vv.* [Records of Russian law. Issue. 3. Monuments of law during the formation of the Russian centralized state. XIV–XV centuries]. Moscow: Gosyurizdat Publ., 1955. Pp. 341–419. (in Russian).
- Surikov, I. E. *Solon i ego vremya. V dvukh tomakh.* [Solon and his time. In two volumes]. T. I. SPb.: Akademiya Issledovaniya kul'tury`, 2022. 672 p. (in Russian).
- Tipografskaya letopis` [Typographic chronicle], in *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. XXIV. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000. 288 p. (in Russian).
- Toffler, Alvin Eugene. *Tret`ya volna* [The Third Wave]. Moscow: OOO «Izdatel'stvo AST» Publ., 2004. 781 p. (in Russian).
- Trubnikova, Natal'ia Valer'evna. *Francuzskaya istoricheskaya shkola «Annalov»* [French historical school of “Annals”]. Moscow: Kvadriga Publ., 2016. 336 p. (in Russian).
- Filyushkin, Aleksandr Il'ich. Moskovskaya neonatal'naya imperiya: k voprosu o kategoriyakh politicheskoy praktiki [Moscow neonatal empire: on the question of the categories of political practice] in *Vestnik Sankt-*

- Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istoriya* [Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 2. History]. 2009. Iss. 2. Pp. 5–20. (in Russian).
- Shokarev, Sergey Yur'yevich. *Andrey Bol'shoy Uglichkiy. Sud'ba i epokha* [Andrey Bolshoy Uglitsky. Fate and era]. Uglich: Ugleche poel Publ., 2022. 424 p. (in Russian).
- Black, Jeremy. *Kings, Nobles and Commoners. States and Societies in Early Modern Europe. A Revisionist History*. London and New York: I.B. Tauris, 2004. 198 p.
- Breen, Michael. *Patronage, Politics, and the "Rule of Law" in Early Modern France*. Proceedings of the Western Society for French History. 2005. No. 3. Pp. 95–113.
- Brewer, John. *The sinews of power. War, money and the English state, 1688–1783*. London: Unwin Hyman, 1989. 253 p.
- Brewer, John, Hellmuth, Eckhart. 1999. Introduction. *Rethinking Leviathan: The Eighteenth-century State in Britain and Germany*. Oxford & New York: Cambridge University Press. Pp. 1–22.
- Elliott, John. A Europe of Composite Monarchies. *Past & Present*. 1992. Number 137. *The Cultural and Political Construction of Europe*. Pp. 48–71.
- Kivelson, Valerie. Muscovite "Citizenship": Rights without Freedom. *The Journal of Modern History*, 2002. Vol. 74, No. 3. Pp. 465–489.
- Koenigsberger, Helmut Georg. Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe *Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale*. *Theory and Society*. 1978. Vol. 5. 2. Pp. 191–217.
- Kollmann, Nancy Shields. *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. Cambridge, Cambridge University Press, 2012. 504 p.
- Scribner, Robert William. Police and the Territorial State in Sixteenth-Century Württemberg. *Politics and Society in Reformation Europe Essays for Sir Geoffrey Elton on his Sixty-Fifth Birthday*. London: McMillan Press LTD, 1987. Pp. 103–120.

Для цитирования статьи:

Пенской В. В. «Где тиун, там и князь...»: власть и общество в раннемодерной России (казус князя И. В. Лыко Оболенского). *Caurus*. 2022. Т. 1. № 2. С. 12–26. DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-12–26

For citation:

Penskoy V. V. "Where there is a tiun, there is a prince...": power and society in early modern Russia (casus of Prince I. V. Lyko Obolensky). *Caurus*. 2022. Vol. 1(2). P. 12–26. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-12–26

УДК 930.253:94(489)
ББК 79.36+63.3(4Дан)
DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-27-38

М. Б. Бессуднова, Д. И. Вебер

В ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ МАГНУСА ГОЛШТИНСКОГО: ДОКУМЕНТЫ ИЗ «ЛИВОНСКОГО КОНВОЛЮТА» В АРХИВЕ СПБИБИ РАН

Магнус, герцог Голштинский, обладатель небольших епархий Эзель (Сааремаа) и Пилтен (Пилтене), датский и норвежский принц Ольденбургской династии (1540–1583), младший брат датского короля Фредерика II (1559–1588), известен, в первую очередь, своей довольно авантюрной биографией, включающей эпизод с обладанием титулом «короля Ливонии», первого и единственного в истории этой страны.

С конца XV века, а именно, с момента подписания русско-датского договора 1493 года и на протяжении всего XVI столетия, Датское королевство имело тесные торговые и политические связи с Россией. Еще в годы правления великого князя Московского Ивана III (1462–1505) обсуждался проект династического союза между обоими правящими домами, который, впрочем, претерпел фиаско¹. Вместе с тем сама идея сближения государей «Московии» и Дании последствием семейных связей продолжала существовать, следствием чего и стало появление в России времен правления Ивана IV Грозного датского принца, который стал подданным и родственником российского государя.

В целом историки отмечают заурядность личности Магнуса Голштинского, хотя не могут не отметить феноменальность обстоятельств, сопровождавших его жизненный путь². В 1569 году герцог при посредничестве ливонских дворян Иоганна

¹ Бессуднова М. Б. Специфика и динамика развития русско-ливонских противоречий в последней трети XV века. Воронеж: Научная книга, 2016. С. 283.

² Busse K. H. von. Herzog Magnus von Holstein und sein livländisches Königthum. Auszüge aus gleichzeitigen Actenstücken // Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. 1855. Bd. 8. S. 240–301; Schimann T. Magnus, König von Livland // Schimann T. Charakterköpfe und Sittenbilder aus der baltischen Geschichte des sechszehnten Jahrhunderts. Mitau, 1877. S. 77–102; Hansen G. von. Johann Taubes und Eilart Krauses Machinationen und die darauf durch “König Magnus” erfolgte Belagerung Revels 1570–1571 nach den Urkunden des revalsches Ratsarchivs // Beiträge zur Kunde Ehst-, Liv- und Kurlands. Bd. 3. Reval, 1887. S. 264–329; Чумиков А. Осада Ревеля (1570–1571 гг.) герцогом Магнусом, королем ливонским, голдовником царя Ивана Грозного // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1892. Кн. 2. С. 11–15; Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. 1. СПб.: Тип. В. С. Балашева и Ко, 1893. С. 199–201, 535–541, 660–672; Kirschner W. The Rise of the Baltic Question. Newark, 1954. P. 115–119, 136–144; Angermann N. Studien zur Livlandpolitik Ivan Groznyjs. Marburg/Lahn, 1972. S. 65–67; Renner U. Herzog Magnus von Holstein als Vasall des Zaren Ivan Groznyj // Deutschland-Livland-Rußland. Ihre Beziehungen vom 15. bis zum 17. Jahrhundert. Beiträge aus dem Historischen Seminar der Universität Hamburg. Lüneburg, 1988. S. 137–158; Hübner E. Zwischen allen Fronten: Magnus von Holstein als König von Livland // Zwischen Christianisierung und Europäisierung. Beiträge zur Geschichte Osteuropas in Mittelalter und früher Neuzeit. Festschrift für Peter Nitsche zum 65. Geburtstag. Stuttgart, 1998. S. 313–334; Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М.: Древлехранилище, 2003; Adamson A. The Role of Duke Magnus of Holstein in the Baltic Sea Region During the

Таубе и Элерта Крузе, представлявших его персону 27 ноября 1569 года в Александровой слободе при заключении его договора с царем, был объявлен его «голдовником» (вассалом) и в обмен на обязательство верно служить ему против Литвы, Польши и Швеции пожалован наследственным титулом «короля Ливонии»; несколько позже русский царь скрепил свои отношения с датским королевским домом женитьбой герцога Магнуса на своей двоюродной племяннице Марии Владимировне Старицкой. Вскоре после этого герцог во исполнение своих новых обязательств отправился во главе русского войска осаждать Ревель (Таллинн) и несколько месяцев в 1570-1571 годах провел под стенами этого города в неудачных попытках его штурма. В начале 1578 года сбежавший от гнева грозного русского государя «ливонский король» перешел на сторону польского короля Стефана Батория (1576–1586) и уже в звании епископа Курляндского поселился в этой части распавшейся Старой Ливонии, ставшей зависимым от Польши герцогством.

Эпизод с пребыванием Магнуса Голштинского при дворе Ивана Грозного как первый прецедент службы русскому царю представителя западноевропейской королевской фамилии, а также характер приданного ему «ливонского королевства», в силу своей неординарности не раз становились объектами исследований. Внимание историков в немалой степени привлекало также довольно хорошее освещение связанных с тем событий в исторических источниках³. Особенно объем ливонский нарратив второй половины XVI–XVII веков⁴, дополнением к которому служит довольно обширная подборка опубликованной документации из Копенгагенского архива, состоящей, главным образом, из деловой переписки и государственных актов⁵. Эти источники послужили базой подавляющего числа исследований о Магнусе Голштинском и его времени, упомянутых в подстрочнике на предыдущей странице.

Говоря об источниках, надо, однако, иметь в виду, что опубликованные материалы составляют лишь часть рукописного наследия по этой теме, хранящегося в российских и зарубежных архивах. Тот же самый Копенгагенский архив, ныне Датский

Livonian War (Abstract). Tallinn, 2006. 18 p.; *Adamson A.* Prelude to the birth of the “kingdom of Livonia” // *Acta Historica Tallinnensia*. 2009. Vol. 14. P. 31–61; *Таймасова Л. Ю.* Тайны Ливонской войны: герцог Магнус Голштинский, Московская компания и английская контрабанда через русское «Оконце в Европу» // *Новый исторический вестник*. 2012. № 4 (34). С. 58–112.

³ Описания источников см.: *Renner U.* Herzog Magnus von Holstein... S. 155–156; *Adamson A.* The Role of Duke Magnus... P. 5–6.

⁴ *Balthasar Rüssow's Livländische Chronik* / hrsg. v. E. Pabst. Reval: F. I. Koppelson, 1845. 348 S.; *Thomae Hiärn's Ehst-, Lyf- und Lettlandische Geschichte* // *Monumenta Livoniae Antiquae*. Bd. 1. Riga, Dorpat, Leipzig: Verlag von E. F. Buchhandlung, 1835. 444 S.; *Franz Nyenstädt's, weiland rigischen Bürgermeisters und königlichen Burggrafen, Livländische Chronik, nebst dessen Handbuch, erstere nach ältern und neuern Abschriften, letzteres nach dessen Originalhandschrift* / hrsg. v. G. Tieleman // *Monumenta Livoniae antiquae*. Bd. 2. Riga: Druck von W. F. Häcker, 1839. S. 68–69; *Henning, S.* Livländische Churländische Chronica // *Scriptores rerum Livonicarum*. Bd. 2. Riga: E. Frantzen's Verlags-Comtoir, 1848. S. 51; *Johann Renner's Livländische Historien* / hrsg. v. R. Hausmann, K. Höhlbaum. Göttingen: Kessinger Publ., 1876. 468 S.; *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного / пер. И. И. Полосина. М.: Тип. Сабашниковых, 1925. С. 88–89.

⁵ Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории // *Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете*. 1915. Т. 4. Вып. 2; 1916. Т. 2. Вып. 2. См. также: *Щербачев Ю. Н.* Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326–1690. М.: Университетская типография, 1893. 339 с.

Национальный архив (Rigsarkivet), в ряде различных фондов которого хранится большое количество подлинных писем герцога Магнуса и их копий, ответов на них, донесений, касающихся его и его подчиненных, и других с ним связанных документов, включая датированное 1570 годом досье с оригиналами переписки Магнуса с Иоганном Таубе и Элртом Крузе, с помощью которых он поддерживал отношения с Иваном Грозным⁶. Опубликовано его письмо герцогу Ульриху от 30 апреля 1570 года⁷.

В несколько меньшем объеме корреспонденцию Магнуса можно найти в Национальном архиве Швеции в Стокгольме (Riksarchivet)⁸, предоставляющем большое поисковое пространство для изучения истории Ливонской войны и становления шведского правления в Прибалтике. В фонде Livonica I нами нами был обнаружен рукописный фрагмент «Апологии Магнуса»⁹, полный текст которой известен исследователям по идентичным рукописям из Датского национального архива¹⁰ и из Государственного архивного хранилища (Staatliches Archivalager) в Геттингене¹¹. Текст «Апологии» из Швеции, охватывающий время с приезда Магнуса в Москву в 1570 и до его примирения с царем после провала осады Ревеля и бегства принца на о. Эзель (Сааремаа), в 1573 году, опубликован и переведен на русский язык¹².

И, конечно, нельзя упустить из виду собрание старинных хартий из архива герцогов Мекленбургских в Шверине, тем более что судьба части документов из этого фонда оказалась связана с Россией. В 1816 году или несколько позже министр иностранных дел и страстный собиратель старинных грамот граф Н. П. Румянцев привез коллекцию из Шверина в Санкт-Петербург, и в последствии она заняла место в основанном им Румянцевском музее¹³. В ее составе, как свидетельствует перечень, есть и документы, касающиеся Магнуса Голштинского¹⁴.

Упоминание об одной коллекции с корреспонденцией Магнуса Голштинского, волею судеб попавшей в Россию, подводит нас к разговору о другой архивной подборке с похожей судьбой. В данном случае все начиналось с дружеского разговора, состоявшегося в 1837 году в помещении Императорской библиотеки Санкт-Петербурге. Один из его участников, выдающийся знаток и издатель источников по истории Тевтонского ордена, Пруссии и Ливонии К. Э. Напиерский, в дальнейшем сообщил, что его собеседник, русский филолог-славист и поэт А. Х. Востоков, показал ему полученный из Министерства народного просвещения объемный том документов из фамильного архива Сапег в Деречине, принадлежавший Археографической

⁶ Rigsarkivet (Stokholm). Livland A II: 9. Politiske Forhold 1566–157.

⁷ Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands. Пига: W.F. Häcker's Verlag, 1855–1856. Bd. 8. S. 255.

⁸ RA. Livonica, I. Ordenmästarens arkiv, vol. 37: Hertig Magnus av Ösel papper.

⁹ Riksarchivet, Livonica I, vol. 24. Livo-Moscovitica.

¹⁰ TKUA. Speciel Del. Livland. A III. Tillæg nr. 3. 1560–1569. Оупбл.: *Ensen F. P.* Hertug Magnus af Holstens forsvarsskrift af 1579 om hans forhold til tsar Ivan den Grusomme // Danske Magazin. Ottende Række, 1975. Femte Bind, 54–83.

¹¹ Ныне находится в Шверине: Schwerin, Auswärtiges Amt 229. Livoniae 1571–1584.

¹² Бессуднова М.Б. «Апология» Магнуса Голштинского из Шведского Государственного архива // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. № 2. С. 120–136.

¹³ Mittheilungen aus der livländischen Geschichte. Bd. 1. 1840. S. 453–468; Bd. 2. 1842. S. 103–132.

¹⁴ Ibid. S. 253–254.

комиссии¹⁵. Документы находились в связке, т. е. представляли собой конволют, большей части это были пергаментные оригиналы хорошей сохранности, некоторые с печатями. Кроме некоторых рукописей, касающихся Польши и Литвы, там содержалось много документов по истории Ливонии с начала возникновения ливонской государственности в ходе немецкой экспансии XIII века.

Факт находки и содержание конволюта был представлен на заседании Археографической комиссии 26 апреля 1837 года в докладе ее члена профессора Н. Г. Устрялова. Он отчитался о выполнении данного ему поручения по изучению коллекции документов из архива князя Сапеги и городского муниципалитета Велиша, небольшого городка в Йичинском районе Градец-Краловского края в Чехии. Коллекция включала 3 книги и ящичек с бумагами и была передана Археографической комиссии Министерством финансов. Содержание доклада Устрялова было представлено в апрельском выпуске «Журнала Министерства народного просвещения» того же самого года¹⁶. Напьерский, в свою очередь, сослался на его исследование и привел перечень документов по истории Ливонии из обнаруженного конволюта в одном из немецкоязычных научных изданий¹⁷. Среди прочего в списке указаны 7 оригинальных писем «ливонского короля» Магнуса Голштинского 1573 и 1574 годов к различным персонам, большей частью каштеляну Фюрстенбергу, по поводу частных дел, а в дополнение к тому – несколько копий писем сходного содержания от 1576 года. Согласно мнению Напьерского, документы конволюта на тот момент были совершенно неизвестны, даже те, что касались времен утраты Ливонией своей независимости¹⁸.

В настоящее время ливонский комплекс документации, первоначально находившийся в конволюте из архива Сапеги, хранится в архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН как отдельная, довольно объемная архивная коллекция, которую мы называем «ливонским конволютом» (точное название коллекции «Ливония»)¹⁹.

В архивном справочнике указано, что кодекс поступил из семейного архива князя Сапеги в 1897 года²⁰, но на последней странице указано, что Археографическая комиссия передала этот том в 1838 году. Эта информация подтверждается документальными материалами Археографической комиссии Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, которые проливают свет на происхождение конволюта. В докладе Министерства финансов министру народного просвещения от 23 февраля 1837 года говорится, что свертки были обнаружены вице-губернатором Гродненского наместничества Деречиным в архивах конфискованного имени князя Сапеги. В ответе министра народного просвещения от 4 марта 1837 года

¹⁵ *Napiersky C. E. Handschriftliche Sammlungen zur Livländischen Geschichte in St. Petersburg // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte Bd. 2. 1842. S. 91–92.*

¹⁶ Журнал Министерства народного просвещения. 1837, апрель. С. 102–105.

¹⁷ *Napiersky C. E. Handschriftliche Sammlungen zur Livländischen Geschichte in St. Petersburg... S. 91–92.*

¹⁸ Там же с. 92.

¹⁹ Санкт-Петербургский Институт Истории РАН [далее СПбИИ РАН], Западноевропейская коллекция, Колл. 33, Карт. 483.

²⁰ Андреев А., Маньков А., Петров А. и др. Путеводитель по архиву Ленинградского отделения института истории. М., Л., 1958. С. 493.

говорилось, что он получил «книги» и передал их в Археографическую комиссию для изучения²¹. Отчет от 26 апреля, к которому прилагается краткий перечень документов из этой коллекции, позволяет нам подтвердить, что речь идет именно об этой коллекции²².

Основываясь на документах Археографической комиссии, можно утверждать, что источники уже были сшиты в один том. Несколько раз упоминается слово "книга". Кроме того, это подтверждается наличием двойной нумерации страниц. В этом контексте одной из основных проблем является время составления конволюта. В копии отчета вице-губернатора говорится, что коллекция осталась в семейном архиве, когда Лев Сапега был канцлером²³. Коллекция ранее находилась в семейном архиве рода Сапег в имении Деречины, которое было конфисковано после польского восстания²⁴. В конце XVIII века, вероятнее всего, данный архив располагался в Ружанах²⁵.

Часть средневековых ливонских документов были переданы в 1438 году в любекский капитул. Позднее, в 1563 году, архиепископ Рижский вернул его обратно²⁶. В 1613 году эти документы фиксируются в инвентарь Королевского архива в Кракове²⁷. Вероятно, именно оттуда большая часть документов конволюта попала в семейный архив Льва Сапег. Однако, если говорить о письмах герцога Магнуса, то время их попадания в семейный архив не совсем ясно, однако можно предположить, что они не были связаны с ливонскими документами, находящимися в архиепископском архиве.

Для понимания времени создания конволюта можно обратиться к филиграммам. Часто встречающимся является изображение Девы Марии с ребенком²⁸ на листах, разделяющих разные части конволюта, что может свидетельствовать о том, что свертки были сформированы в одно и то же время. Кроме того, на листе 100 сохранилась контрамарка с инициалами IWS, которая, по мнению Эдуарда Лаучавичуса, принадлежала Иоганну Вильгельму Штайнметцу.

²¹ СПбФ АРАН. Ф. 133, Оп. 1. Д. 36. л. 6

²² СПбФ АРАН. Ф. 133, Оп. 1. Д. 36. л. 7 – 11.

²³ СПбФ АРАН. Ф. 133, Оп. 1. Д. 36. л. 4

²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 133, Оп. 1. Д. 36. л. 2 об. См. также Weber D. "Quellen zur Geschichte des Deutschen Ordens aus St. Petersburger Sammlungen // Editions-wissenschaftliches Kolloquium 2017 Quelleneditionen zur Geschichte des Deutschen Ordens und anderer geistlicher Institutionen, hrsg. v. Helmut Flachenecker, Janusz Tandecki und Krzysztof Kopyński. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2017. S. 101; Rogatschewski A. Baltische Rechtsdenkmäler des 13. bis 18. Jahrhunderts im Archiv des St. Petersburger Instituts für Geschichte der Russischen Akademie der Wissenschaften, In: Einheit und Vielfalt in der Rechtsgeschichte im Ostseeraum, hrsg. v. Marju Luts-Sootak, Sanita Osipova und Frank L. Schäfer (Frankfurt am Main: Peter Lang, 2012), S. 207–211s., ders. Baltische Staats- und Rechtsgeschichte des 13. bis 18. Jahrhunderts in den Handschriftensammlungen von St. Petersburg, // Blätter für Deutsche Landesgeschichte 145/ 146 (2009/2010) S. 217–280, hier S. 252–256.

²⁵ Radziszewski, F. Wiadomość historyczno-statystyczna o znakomitszych bibliotekach i archiwach publicznych i prywatnych. Kraków: Drukarnia Wł. L. Anczyca, 1875. S. 10, 72; Matwijów, M. Rękopiśmienne zbiory materiałów życia publicznego XVII–XVIII w. w bibliotekach i archiwach wileńskich // Z Badań nad Książką i Księgozbiorami Historycznymi, hrsg. v. Jacek Puchalski, Agnieszka Chamera-Nowak und Dorota Pietrkiewicz. Warszawa: Wydział Dziennikarstwa, Informacji i Bibliologii Uniwersytetu Warszawskiego, 2017. S. 96.

²⁶ Ibid. S. 439.

²⁷ Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands. 1845. Bd. 3. №№ 89, 90. S. 61–91.

²⁸ СПбИИ РАН, Западноевропейская коллекция, Колл. 33, Карт. 483. Л. 6, 12, 27, 65, 119, 130, 223.

Состав конволюта:

Части	Названия (на русском)	Фолиация (старая / новая)
Lit. a.	Несколько грамот относящихся к Польше и Ливонии.	fol. 2-5/6-11v
Lit. b.	Папские буллы, относящиеся к архиепископству Рижскому.	fol. - 6-19/12-26v
Lit. c.	Акты капитула и архиепископа Рижского	fol. 20-50/27-63
Lit. d.	Договоры и другие публичные документы Тевтонского ордена в Ливонии.	fol. 51-99v/65-116v
Lit. e.	Привилегии императоров, относящихся к Ливонии.	fol. 100-109v/119-129
Lit. f.	Различные ливонские акты.	fol. 110-185v/130-222
Lit. g.	Письма мандаты и иные ордонансы, герцога Магнуса Гольштинского, избранного короля Ливонии	fol. 186-229v/223-285v

Как видно, в «ливонском конволюте», полном соответствии с сообщениями Н. Г. Устрялова и К. Э. Напьерского, не находятся несколько писем самого Магнуса Гольштинского или касающиеся его персоны, перечисленные ниже.

Год	От кого кому
22 сентября 1573	Герцог Шлезвиг-Гольштинский
16 октября 1573	Герцог Шлезвиг-Гольштинский каштеляну Вендена Йобсту Фюрстенбергу
24 октября, 1573	Герцог Шлезвиг-Гольштинский. каштеляну Йобсту Фюрстенбергу Указания, связанные с выборами короля. Кого посылает выборщиками.
7 декабря 1573	Герцог Шлезвиг-Гольштинский каштеляну Вендена Йобсту Фюрстенбергу
15 декабря, 1573	Герцог Шлезвиг-Гольштинский каштеляну Вендена Йобсту Фюрстенбергу
19 декабря, 1573	Герцог Шлезвиг-Гольштинский каштеляну Вендена Йобсту Фюрстенбергу
12 августа 1574	Герцог Шлезвиг-Гольштинский каштелянам Якобу Меткену, Йоюсту Фюрстенбергу, Отто фон Унгерну и Георгу Брабикену
5 октября 1576	Герцог Шлезвиг-Гольштинский каштеляну Вендена Йобсту Фюрстенбергу
11 октября 1576	Герцог Магнус Шлезвиг- Гольштинский каштеляну Вендена Йобсту Фюрстенбергу
16 октября 1576	Герцог Шлезвиг-Гольштинский каштеляну Вендена Йобсту Фюрстенбергу
1578, 7 января	Сообщения о происходящем с московским герцогом в Ливонии в 1577 году. Из донесений в Вильно

27 апреля, 1577	Сообщение/донесение Иогана по поводу дома/поместья и иных дел.
14 мая, 1577	Инструкция к герцогу Курляндскому
17 июля 1577	Магнусу, королю Ливонскому. Без подписи, но есть печати (2 маленькие)
10 августа 1577	От Магнуса, короля Ливонии к герцогу старостам Вольмара
12 августа 1577	Иоахим Тедехиус (?), лицензиат к «хорошему другу» по поводу Магнуса и его «королевства»
30 августа 1577	От Магнуса, короля Ливонии, к герцогу Голштинскому
20 августа 1577 года	Инструкция для господина Павла Витман (?) к шведскому мирному договору
б/д	Магнус Голштинский обращается с жалобами
	Яну Ходкевичу от Иоахима Тедехиуса (капитан)

Нет никаких сомнений, что все это представляет собой корреспонденцию Магнуса Голштинского из «ливонского конволюта», некогда находившаяся в архиве Сапеги. Период с 1573 по 1577 год, отраженный в вышеназванных письмах, важен потому, что был связан с очередным поворотным моментом в судьбе «короля Ливонии». Его служба русскому «Тирану» не была санкционирована его братом, королем Фредериком II, который хоть и полагал путем укрепления своего союза с Россией ослабить шведскую Корону²⁹, но из-за демарша младшего брата имел серьезные основания опасаться за конечную судьбу Штеттинского мира, заключенного между Данией и Швецией по итогам Северной семилетней войны в декабре 1570 года³⁰. Кроме этого, переход Магнуса «под руку» Ивана Грозного давала западноевропейским государям основание видеть в нем предателя, что могло привести к окончательной потере им семейных владений на о. Сааремаа и в северо-западной Эстонии, в Вике (Ляэнемаа), а также должности епископа Эзельского (Сааремского)³¹.

Следует также упомянуть, что Магнус именно в этот период начал испытывать сомнения по поводу выгод от своего подчинения русскому царю. В 1573 году он женился на Марии Старицкой, рассчитывая получить в приданое занятые русскими войсками территории Ливонии, но Иван IV ограничился исключительно наследственными землями его супруги внутри России³². Расчеты «ливонского короля» на предоставление ему ливонских земель, завоеванных русскими войсками

²⁹ Jensen F. Danmarks konflikt med Sverige 1563-1570. København, 1982. 372 s.; Lockhart Paul Douglas. Frederik II and the Protestant Cause: Denmark's Role in the Wars of Religion, 1559–1596. Leiden, Boston: Brill, 2004. P. 63–100.

³⁰ Adamson A. Prelude to the birth of the "kingdom of Livonia"... P. 31–61.

³¹ Ibid.

³² Renner U. Herzog Magnus von Holstein als Vasall des Zaren Ivan Groznyj... S. 146.

во время походов 1575-1577 годов, в которых он участвовал, также не оправдались³³. Возможно, прав был К. Г. Буссе, который полагал, что без поддержки брата, короля, Магнус был для Ивана Грозного слабым союзником³⁴. Принято считать, что в начале 1577 года при помощи придворного проповедника и дипломата Кристиана Шрапфера герцог начал готовить свой переход на сторону польского короля³⁵, хотя письма из «ливонского конволюта» дают основание предполагать, что польскую сторону он имел в качестве «запасного аэродрома» уже гораздо раньше.

Бегство Магнуса из Ливонии в 1577 году и его поселение в зависимой от Польши Курляндии, сделавшие его недостижимым для русского царя, в отношении с европейскими государями мало что изменило, и потому герцог, оказавшийся в положении политического изгоя, вскоре после побега приступил к написанию своей «Апологии», которую закончил, судя по упоминаемым в ней событиям, к концу 1579 года. Создание этого сочинения, как отметила издатель копенгагенской рукописи Ф. П. Енсен, точно совпадает со временем осуществления многочисленных дипломатических демаршей, посредством которых Магнус стремился примириться с братом и тем самым вернуть себе владения на Сааремаа и в Вике, а также расположить к себе влиятельных родичей, чтобы при их содействии восстановить свое реноме и вернуть благоволение европейских государей³⁶. «Апология», будучи сочинением крайне прагматическим, нуждается в серьезном историческом освидетельствовании, и поскольку она повествует, помимо прочего, об эпизодах в биографии Магнуса Голштинского 1573, 1574 и 1576 годов, времени его корреспонденции из «ливонского конволюта», мы имеем шанс сопоставить информацию, содержащуюся в столь типологически разных источниках.

Авторы данной статьи не ставили перед собой задачу подробно представить и проанализировать содержание писем герцога Магнуса Голштинского из «ливонского конволюта», хранящегося в архиве СпБИН РАН, ввиду подготовки ими публикации всего комплекса указанных источников и их переводов на русский язык в ближайшем будущем.

В дополнение к сказанному уместно назвать еще два документа по истории «ливонского короля» из собраний Санкт-Петербурга, датированные 1586 годом, которые были изданы в 1837 году Обществом истории и древностей Российских при Московском Университете³⁷ и позже в приложении к статье К. Г. Буссе 1855 года на немецком языке³⁸. Речь идет о грамоте царя Федора Иоанновича к епископу Виленскому князю Ежи (Георгу) Радзивиллу (1579-1591) о возвращении в Россию вдовы Магнуса Голштинского, «королевы» Марии Владимировны Старицкой и ответное письмо прелата по этому поводу.

³³ Ibid.

³⁴ Busse K. H. von. Herzog Magnus von Holstein und sein livländisches Königthum. Auszüge aus gleichzeitigen Actenstücken // Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. 1855. Bd. 8. S. 240–301

³⁵ Renner U. Herzog Magnus von Holstein als Vasall des Zaren Ivan Groznyj... S. 146.

³⁶ Ensen F. Hertug Magnus af Holstens... P. 55–57.

³⁷ Труды и летописи Обществом Истории и Древностей Российских, учрежденного при Императорском Московском Университете М., 1837. С. 392, 396.

³⁸ Busse K. H. von. Herzog Magnus von Holstein... S. 117–125.

Информация о статье

Авторы: Бессуднова Марина Борисовна – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории и международных отношений, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; ORCID: 0000-0003-0207-1948, Web of Science Researcher ID: A-9259-2016, Scopus Author ID: 56292134100; e-mail: magistrmb@gmail.com

Вебер Дмитрий Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; ORCID: 0000-0001-6431-9721; e-mail: weber-deutsch@yandex.ru

Заголовок: В продолжение истории Магнуса Голштинского: документы из «ливонского конволюта» в архиве СПбИИ РАН

Аннотация. Статья посвящена расширению источниковой базы изучения попытки создания в ходе Ливонской войны российским правительством «ливонского королевства» во главе с датским принцем Магнусом Голштинским, который в 1570 году принес вассальную присягу Ивану Грозному, принимал участие в военно-политических мероприятиях царя, но в 1579 году бежал из России. В статье представлен очерк об опубликованных и архивных источниках, касающихся жизнедеятельности Магнуса Голштинского. Основной же акцент сделан на содержании «ливонского конволюта» из архива СПбИИ РАН, происходящего из фамильного архива Сапег, который включает комплекс переписки Магнуса и близких ему лиц 1573–1577 годов. Эти документы сообщают дополнительные нюансы позиции Магнуса в «русском вопросе», а также позволяют уточнить информацию из его «Апологии» 1579 года.

Ключевые слова: Магнус Голштинский, Ливония, Иван Грозный, источники, «ливонский конволют»

Библиографический список

- Бессуднова, М. Б. «Апология» Магнуса Голштинского из Шведского Государственного архива // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. № 2. С. 120–136.
- Доннерт, Э. Россия и Балтийский вопрос в политике Германии 1558–1583 гг. // *Исторические записки*. Т. 76. Москва: Наука, 1964. С. 175–215.
- Таймасова, Л. Ю. Тайны Ливонской войны: герцог Магнус голштинский, Московская компания и английская контрабанда через русское «Оконце в Европу» // *Новый исторический вестник*. 2012. № 4 (34). С. 58–112.
- Форстен, Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. 1. СПб.: Тип. В. С. Балашева и Ко, 1893. 354 с.
- Хорошкевич, А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М.: Древлехранилище, 2003. С. 407;
- Чумиков, А. А. Осада Ревеля (1570–1571 гг.) герцогом Магнусом, королем ливонским, голдовником царя Ивана Грозного // *Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете*. 1892. Кн. 2. С. 11–15.
- Adamson, A. Prelude to the birth of the “kingdom of Livonia” // *Acta Historica Tallinnensia*. 2009. Vol. 14. P. 31–61.
- Adamson, A. The Role of Duke Magnus of Holstein in the Baltic Sea Region During the Livonian War (Abstract). Tallinn University Dissertations on Humanities. Tallinn: TLÜ Kirjastus, 2006. 18 p.
- Angermann, N. Studien zur Livlandpolitik Ivan Groznyjs. Marburg/Lahn: J. G. Herder-Institut, 1972. 134 S.
- Busse, K. H. von. Herzog Magnus von Holstein und sein livländisches Königthum. Auszüge aus gleichzeitigen Actenstücken // *Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands*. 1855. Bd. 8. S. 240–301.
- Donner, E. Der livländische Ordenritterstaat und Russland: der Livländische Krieg und die baltische Frage in der europäischen Politik 1558–1583. Berlin: Rütten & Loening, 1963. 320 s.
- Ensen, F. Hertug Magnus af Holstens forsvarsskrift af 1579 om hans forhold til tsar Ivan den Grusomme // *Danske Magazin*. Ottende Række. 1975. Bd. 5. P. 54–83.
- Hansen, G. von. Johann Taubes und Eilart Krauses Machinationen und die darauf durch “König Magnus” erfolgte Belagerung Revels 1570–1571 nach den Urkunden des revelsches Ratsarchivs // *Beiträge zur Kunde Ehst-, Liv- und Kurlands*. Bd. 3. 1887. S. 264–329.
- Hübner, E. Zwischen allen Fronten: Magnus von Holstein als König von Livland // *Zwischen Christianisierung und Europäisierung. Beiträge zur Geschichte Osteuropas in Mittelalter und früher Neuzeit*. Festschrift für Peter Nitsche zum 65. Geburtstag / hrsg. v. E. Hübner [u. a.]. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1998. S. 313–334.
- Kirschner, W. The Rise of the Baltic Question. Newark: Greenwood Press, 1954. 283 pp.

- Matwijów, M. Rękopiśmienne zbiory materiałów życia publicznego XVII–XVIII w. w bibliotekach i archiwach wileńskich // *Z Badań nad Książką i Księgozbiorem Historycznymi* / red. J. Puchalski [i dr.]. Warszawa: Wydział Dziennikarstwa, Informacji i Bibliologii Uniwersytetu Warszawskiego, 2017. S. 95–108.
- Napiersky, K. E. von. Handschriftliche Sammlungen zur Livländischen Geschichte in St. Petersburg // *Mitteilungen aus der livländischen Geschichte*. Bd. 2. 1842. S. 91–92.
- Renner, U. Herzog Magnus von Holstein als Vasall des Zaren Ivan Groznyj // *Deutschland-Livland-Rußland. Ihre Beziehungen vom 15. bis zum 17. Jahrhundert. Beiträge aus dem Historischen Seminar der Universität Hamburg* / hrsg. v. N. Angermann. Lüneburg: Verlag Nordostdeutsches Kulturwerk, 1988. S. 137–158.
- Radziszewski, F. Wiadomość historyczno-statystyczna o znakomitszych bibliotekach i archiwach publicznych i prywatnych. Kraków: Drukarnia Wł. L. Anczyca, 1875. 132 s.
- Rogatschewski, A. Baltische Rechtsdenkmäler des 13. bis 18. Jahrhunderts im Archiv des St. Petersburger Instituts für Geschichte der Russischen Akademie der Wissenschaften // *Einheit und Vielfalt in der Rechtsgeschichte im Ostseeraum* / hrsg. v. M. Luts-Sootak [u. a.]. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2012. S. 207–211.
- Rogatschewski, A. Baltische Staats- und Rechtsgeschichte des 13. bis 18. Jahrhunderts in den Handschriftensammlungen von St. Petersburg // *Blätter für Deutsche Landesgeschichte*. Bd. 145/ 146. 2009/2010. S. 217–280.
- Schimann, Th. Magnus, König von Livland // *Schimann T. Characterköpfe und Sittenbilder aus der baltischen Geschichte des sechzehnten Jahrhunderts*. Mitau, 1877. S. 77–102.
- Weber, D. “Quellen zur Geschichte des Deutschen Ordens aus St. Petersburger Sammlungen // Editions-wissenschaftliches Kolloquium 2017 Quelleneditionen zur Geschichte des Deutschen Ordens und anderer geistlicher Institutionen/ hrsg. v. H. Flachenecker [u. a.]. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2017. S. 97–107.

Information about the article

Authors: Bessudnova Marina Borisovna — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of World History and International Relations, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia; ORCID: 0000-0003-0207-1948, Web of Science Researcher ID: A-9259-2016, Scopus Author ID: 56292134100; e-mail: magistrmb@gmail

Veber Dmitry Ivanovich — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World History and International Relations, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia; ORCID: 0000-0001-6431-9721; e-mail: weber-deutsch@yandex.ru

Title: Continuing the story of Magnus of Holstein: documents from the “Livonian Chronicles” in the archive of St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences

Abstract: The article is devoted to expanding the source base for studying the attempt to create a “Livonian kingdom” by the Russian government during the Livonian War, led by the Danish Prince Magnus of Holstein, who in 1570 took an oath of allegiance to Ivan the Terrible, took part in the military and political events of the tsar, but in 1579 fled Russia. The article presents an essay on published and archival sources concerning the life of Magnus of Holstein. The main emphasis is placed on the content of the “Livonian Chronicles” from the archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, originating from the Sapieha family archive, which includes a complex of correspondence between Magnus and those close to him from 1573–1577. These documents provide additional nuances of Magnus’s position in the “Russian question”, and also allow us to clarify information from his “Apology” of 1579.

Keywords: Magnus of Holstein, Livonia, Ivan the Terrible, sources, “Livonian chronicles”

References

- Adamson, Andres. *Prelude to the birth of the “kingdom of Livonia” in Acta Historica Tallinnensia*. 2009. Vol. 14. Pp. 31–61.
- Adamson, Andres. *The Role of Duke Magnus of Holstein in the Baltic Sea Region During the Livonian War (Abstract)*. Tallinn University Dissertations on Humanities. Tallinn: TLÜ Kirjastus, 2006. 18 p.
- Angermann, Norbert. *Studien zur Livlandpolitik Ivan Groznyjs [Studies on Ivan Groznyj’s Livonian policy]*. Marburg/Lahn: J. G. Herder-Institut Publ., 1972. 134 p. (in German).
- Bessudnova, Marina Borisovna. “Apologia” Magnusa Golshtinskogo iz Shvedskogo Gosudarstvennogo arhiva [“Apology” by Magnus of Holstein from the Swedish National Archives], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2013. No 2. Pp. 120–136. (in Russian).
- Busse, Karl Heinrich. von. Herzog Magnus von Holstein und sein livländisches Königthum. Auszüge aus gleichzeitigen Actenstücken [Duke Magnus of Holstein and his Livonian kingdom. Excerpts from contemporaneous

- documents], in *Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands* [Announcements from the area of the history of Livonia, Estonia and Kurland]. 1855. Vol. 8. Pp. 240–301. (in German).
- Chumikov, Aleksandr Aleksandrovich. Osada Revelya (1570–1571 gg.) gertsogom Magnusom, korolem livonskim, goldovnikom tsarya Ivana Groznogo [The siege of Revel (1570–1571) by Duke Magnus, King of Livonia, vassal of Tsar Ivan the Terrible], in *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostej rossijskikh pri Moskovskom universitete* [Readings at the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University]. 1892. Vol. 2. Pp. 11–15. (in Russian).
- Donnert, Erich. *Der livländische Ordenritterstaat und Russland: der Livländische Krieg und die baltische Frage in der europäischen Politik 1558–1583* [The Livonian Order-knightly state and Russia: the Livonian War and the Baltic question in European politics]. Berlin: Rütten & Loening, 1963. 320 p. (in German).
- Donnert, Erich. Rossiya i Baltiyskiy vopros v politike Germanii 1558–1583 [Russia and the Baltic Question in German Policy 1558–1583], in *Istoricheskiye zapiski* [Historical notes]. Vol. 76. Moscow: Nauka Publ., 1964. Pp. 175–215. (in Russian).
- Ensen, Frede. Hertug Magnus af Holstens forsvarsskrift af 1579 om hans forhold til tsar Ivan den Grusomme [Duke Magnus of Holstein's defense letter from 1579 about his relationship with Tsar Ivan the Terrible], in *Danske Magazin. Ottende Række* [Danish Magazine. Eighth row]. 1975. Vol. 5. Pp. 54–83. (in Danish).
- Forsten, Georgiy Vasil'yevich. *Baltiyskiy vopros v XVI i XVII stoletiyakh (1544–1648)* [The Baltic Question in the 16th and 17th Centuries (1544–1648)]. Vol. 1. St. Petersburg: V. S. Balashev and Comp. Publ., 1893. 354 p. (in Russian).
- Hansen, Gotthard. von. Johann Taubes und Eilart Krauses Machinationen und die darauf durch “König Magnus” erfolgte Belagerung Revels 1570–1571 nach den Urkunden des revelsches Ratsarchivs [Johann Taubes and Eilart Krauses Machinationen and the subsequent siege of Revel by “King Magnus” in 1570–1571 according to the documents of the Revel council archive] in *Beiträge zur Kunde Ehst-, Liv- und Kurlands* [Messages about news of Ehst-, Liv- and Kurland]. 1887. Vol. 3. Pp. 264–329. (in German).
- Hübner, Eckhard. Zwischen allen Fronten: Magnus von Holstein als König von Livland [Between all fronts: Magnus von Holstein as King of Livonia], in *Zwischen Christianisierung und Europäisierung. Beiträge zur Geschichte Osteuropas in Mittelalter und früher Neuzeit. Festschrift für Peter Nitsche zum 65. Geburtstag* [Between Christianization and Europeanization. Contributions to the history of Eastern Europe in the Middle Ages and early modern times. Festschrift for Peter Nitsche on the occasion of his 65th birthday]. Ed. by E. Hübner [u. a.]. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1998. Pp. 313–334. (in German).
- Kirschner, Walther. *The Rise of the Baltic Question*. Newark: Greenwood Press, 1954. P. 283.
- Khoroshkevich, Anna Leonidovna. *Rossiya v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy serediny XVI veka* [Russia in the system of international relations in the middle of the 16th century]. Moscow: Drevlekhranilishche Publ., 2003. P. 407. (in Russian).
- Matwijów, Maciej. Rękopiśmienne zbiory materiałów życia publicznego XVII–XVIII w. w bibliotekach i archiwach wileńskich [Handwritten collections of materials from public life in the 17th and 18th centuries in Vilnius libraries and archives], in *Z Badań nad Książką i Księgozbiórami Historycznymi* [From Research on Historical Books and Collections] red. J. Puchalski [i dr.]. Warszawa: Wydział Dziennikarstwa, Informacji i Bibliologii Uniwersytetu Warszawskiego, 2017. Pp. 95–108. (in Polish).
- Napiersky, Karl Eduard. von. Handschriftliche Sammlungen zur Livländischen Geschichte in St. Petersburg [Manuscript collections on Livonian history in St. Petersburg], in *Mitteilungen aus der livländischen Geschichte* [Notes from Livonian history]. Vol. 2. 1842. Pp. 91–92. (in German).
- Radziszewski, Franciszek. *Wiadomość historyczno-statystyczna o znakomitszych bibliotekach i archiwach publicznych i prywatnych* [Historical and statistical news about excellent public and private libraries and archives]. Kraków: Drukarnia Wł. L. Anczyca, 1875. 132 p. (in Polish).
- Renner, Ursula. Herzog Magnus von Holstein als Vasall des Zaren Ivan Groznyj [Duke Magnus von Holstein as vassal of Tsar Ivan Groznyj], in *Deutschland-Livland-Rußland. Ihre Beziehungen vom 15. bis zum 17. Jahrhundert. Beiträge aus dem Historischen Seminar der Universität Hamburg* [Germany-Livonia-Russia. Their Relations from the 15th to the 17th Century. Contributions from the History Department of the University of Hamburg] ed. by N. Angermann. Lüneburg: Verlag Nordostdeutsches Kulturwerk, 1988. Pp. 137–158. (in German).
- Rogatschewski, Alexander. Baltische Rechtsdenkmäler des 13. bis 18. Jahrhunderts im Archiv des St. Petersburger Instituts für Geschichte der Russischen Akademie der Wissenschaften [Baltic legal monuments of the 13th-18th centuries in the archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], in *Einheit und Vielfalt in der Rechtsgeschichte im Ostseeraum* [Unity and Diversity in Legal History in the Baltic Sea Region] ed. by M. Luts-Sootak [u. a.]. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2012. Pp. 207–211. (in German).
- Rogatschewski, Alexander. Baltische Staats- und Rechtsgeschichte des 13. bis 18. Jahrhunderts in den Handschriftensammlungen von St. Petersburg [Baltic state and legal history from the 13th to the 18th century

- in the manuscript collections of St. Petersburg], in *Blätter für Deutsche Landesgeschichte [Leaves for German national history]*. Vol. 145/146. 2009/2010. Pp. 217–280. (in German).
- Schimann, Theodor. Magnus, König von Livland [Magnus, King of Livonia], *Schimann Th. Charakterköpfe und Sittenbilder aus der baltischen Geschichte des sechzehnten Jahrhunderts [Character-heads and manners from the Baltic history of the sixteenth century]*. Mitau, 1877. Pp. 77–102. (in German).
- Taimasova, Lyudmila Yulianovna. Tayny Livonskoy voyny: gertsog Magnus golshtinskiy, Moskovskaya kompaniya i angliyskaya kontrabanda cherez russkoye «Okontse v Yevropu» [Secrets of the Livonian War: Duke Magnus of Holstein, the Moscow Company and English smuggling through the Russian “Window to Europe”], in *Novyj istoricheskij vestnik [New historical bulletin]*. 2012. No. 4 (34). Pp. 58–112. (in Russian).
- Weber, Dieter. Quellen zur Geschichte des Deutschen Ordens aus St. Petersburger Sammlungen [Sources on the history of the Teutonic Order from St. Petersburg collections], in *Editionswissenschaftliches Kolloquium 2017 Quelleneditionen zur Geschichte des Deutschen Ordens und anderer geistlicher Institutionen [Editionswissenschaften Colloquium 2017 Source editions on the history of the Teutonic Order and other spiritual institutions]* ed. by H. Flachenecker [u. a.]. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2017. Pp. 97–107. (in German).

Для цитирования статьи:

Бессуднова М. Б., Вебер Д. И. В продолжение истории Магнуса Голштинского: документы из «ливонского конволюта» в архиве СПбИИ РАН. *Caurus*. 2022. Т. 1. № 2. С. 27–38. DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-27-38

For citation:

Bessudnova M. B., Veber D. I. Continuing the story of Magnus of Holstein: documents from the “Livonian Chronicles” in the archive of St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. *Caurus*. 2022. Vol. 1(2). P. 27–38. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-27-38

УДК 94(489+485):7.046
ББК 63.3(4Дан+4Шве)+82.3(4)
DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-39-52

Т. Д. Медведева

ЛИВОНСКОЕ ИСТОРИОПИСАНИЕ XVII ВЕКА И ШВЕДСКИЙ ГОТИЦИЗМ: НА ПРИМЕРЕ ХРОНИКИ ЛОДЕ-ВЕРНЕРА

Создание мифических истоков народов, наций, правителей, семей или институтов всегда было важным в вопросах определения национальной идентичности¹. Поиски общеевропейской культурной идентичности начались еще в Средние века, когда политическая и интеллектуальная элита в лице европейского рыцарства испытала острую необходимость в мифологизации собственного прошлого². В средневековой Европе активно культивировался и распространялся Троянский миф, превратившийся в результате слияния с этногенетическими представлениями в сознании средневекового человека в культурное основание европейской идентичности³.

Троянский миф стал своеобразным предшественником развития этногенетических мифологий и прототипом генеалогических конструкций в национальных историописаниях раннего Нового времени⁴. Практически у каждого народа (римлян, франков, британцев, скандинавов) и королевской династии средневековой Европы был предок из числа уцелевших троянцев⁵.

Однако в начале XVI в. Троянский миф частично потерял свою актуальность, хотя время от времени к нему и обращались. В Новое время, начиная с XV в., проявился новый виток интереса к историческому удревнению. Вслед за Италией, интеллектуальная элита которой стремилась самоотождествить себя с римлянами и претендовала на наследование римской культуры, другие страны Европы также пытались переосмыслить собственную национальную идентичность через создание собственных архаических образов.

Европейские страны в XV–XVI вв. выстраивали национальное историописание вокруг «варварской» модели, противопоставляя такой этногенетический миф римскому образцу и ставя культурное наследие варварских народов в Европе на одну ступень с античным⁶. Среди древних предков европейцев теперь оказались германцы, франки и галлы, кельты, готы, сарматы, гунны и вандалы.

¹ Laidla J. Gootitsismist Balti varauusaegses ajalookirjutuses // Ajalooline Ajakiri. 2013. № 3 (145). S. 300.

² Фесенко А. В. Троянский миф как культурное основание европейской идентичности // Вестник МГУКИ. №3. 2010. С. 44.

³ Фесенко А. В. Троянский миф... С. 42

⁴ Donecker S. Origines Livonorum Frühneuzeitliche Hypothesen zur Herkunft der Esten und Letten (Quellen un Studien zur baltischen Geschichte, 25). Köln, Weimar, Wien, Böhlau, 2017. S. 45.

⁵ Фесенко А. В. Троянский миф... С. 42.

⁶ Мобилизованное Средневековье: в 2 т. Т. I: Медиевализм и национальная идеология в Центрально-Восточной Европе и на Балканах / Под ред. Д. Е. Алимова и А. И. Филюшкина. СПб., 2020. С. 78.

Одним из ярких примеров репрезентации европейского прошлого в раннее Новое время является готицизм, возникший в том числе и как реакция на итальянский Ренессанс, который, сосредоточившись на античной традиции, в противопоставление ей всячески умалял значение варварского наследия. Миф о величии готско-германской нации оказал влияние и на скандинавские страны. Скандинавское общество не стало исключением и, когда в европейской традиции историописания возникло стремление к поиску исторических корней, не менее активно развивало идею национального самосознания и поиск своего места среди других народов, в результате чего был культивирован этногенетический миф шведского готицизма, пропагандировавший идею о происхождении шведов и шведского государства от великого древнего народа готов. Готизм был одним из проявлений генеалогических конструкций, характеризующихся ассоциацией происхождения государства, правящей династии или народа с народом готов. Проявления готизма можно увидеть в средневековье и в начале Нового времени во многих частях Европы⁷.

Традиция шведского готицизма⁸ берет свое начало от церковного собора в Базеле в 1434 г., когда епископ Николаус Рагвальдссон в качестве посланника скандинавского монарха произнес речь, в которой утверждал его превосходство, апеллируя к великим деяниям готского народа, вышедшего со Скандинавского полуострова⁹. В дальнейшем шведский готицизм окончательно оформляется в XVI в., что непосредственно связано с деятельностью Иоанна (1488–1544) и Олафа (1490–1557) Магнусов. Иоанн создал объемное сочинение в духе готицизма «*Historia de omnibus Gothorum Sveonumque regibus*»¹⁰, которое в 1554 г. было опубликовано в Риме его братом Олафом уже после смерти Иоанна¹¹.

Готицизм занял прочное место в исторической письменности и культурной жизни шведов, особенно в начале XVII в. во времена правления Густава II Адольфа¹². В это же время, в 1620 г. появляется перевод работы Иоанна Магнуса на шведский язык, осуществленный Эриком Шродерусом¹³.

В Балтийском регионе в XVI–XVII вв. историописание также развивалось под воздействием протонационального дискурса эпохи и продолжает заложенные еще в XIV–XV веках традиции. Самые известные труды второй половины XVI в. по истории

⁷ Laidla J. Gootitsismist Balti... S. 301.

⁸ См.: Schmidt-Voges I. De antiqua claritate et clara antiquitate Gothorum. Gotizismus als Identitätsmodell im frühneuzeitlichen Schweden (Imaginatio borealis, Bd. 4). Frankfurt am Main, 2004.; Mörke O. Bataver, Eidgenossen und Goten. Gründungs- und Begründungsmythen in den Niederlanden, der Schweiz und Schweden in der Frühen Neuzeit // Mythos und Nation, hrsg. v. H. Berding (Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewusstseins in der Neuzeit, Bd. 3). Frankfurt am Main, 1996. S. 104–132.

⁹ Толстиков А. В. «Шведскость» как «готскость»: шведский готицизм XV–XVII вв. // Шведы: Сущность и метаморфозы идентичности. М., 2008. С. 1–2

¹⁰ Magnus J. Historia de omnibus Gothorum Sueonumque regibus. Rome, 1554. Переиздание в 1558 г. в Базеле. Перевод на шведский: Magnus J. Swea och Götha crönica ... på svenska uttålkat af Erico Schrodero. Stockholm, 1620.; Переиздание на шведском: Magnus J Goternas och svearnas historia. Bd. 1, Översättning av Kurt Johannesson, Bd. 2, Kommentar av Kurt Johannesson och Hans Helander. Stockholm, 2018.

¹¹ Толстиков А. В. «Шведскость» как «готскость»... С. 5.

¹² Laidla J. Gootitsismist Balti... S. 303.

¹³ Толстиков А. В. «Шведскость» как «готскость»...С. 6.

Ливонии принадлежат таким хронистам, как Бальтазар Руссов¹⁴, Иоганн Реннер¹⁵, Саломон Геннинг¹⁶ и Лаврентий Мюллер¹⁷. Менее известно сочинение «Historia Livonica», также называемое «Хроника Ливонии» Лоде-Вернера¹⁸.

Ряд рукописей этой работы сохранился. При написании этой статьи были использованы рукописи, хранящиеся в Рукописном отделе Библиотеки академии наук в Санкт-Петербурге¹⁹. Помимо Рукописного отдела копия на латинском языке хранится в архиве Грайфсвальда²⁰, копии на латыни и на немецком также находятся в Эстонском национальном архиве²¹ в Тарту и в городском архиве Таллина²².

Рукопись Historia Livonica, хранящаяся в фонде Рукописного отдела Библиотеки академии наук под шифром НИОР БАН Miscellanea – Q № 29 (XX Bc/I), является конволютом, в который вшиты латинский и немецкий тексты хроники. Эстонские

¹⁴ Rüssow B. Chronica der Provinz Lyfflandt. Rostock, 1578; В 1584 г. Вышла в Барте. Другие переиздания: Scriptorum rerum Livonicarum. Sammlung der wichtigsten Chroniken und Geschichtsdenkmale von Liv-, Ehst- und Kurland, in genauem Wiederabdrucke der besten, bereits gedruckten, aber selten gewordenen Ausgaben. Erste Lieferung. Riga und Leipzig, 1846; Хроника провинции Ливония // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 1–2. Рига, 1879. См. Johansen P. Balthasar Rüssow als Humanist und Geschichtsschreiber. Bearbeitet von Heinz von zur Mühlen. Böhlau, Köln, 1996 (= Quellen und Studien zur Baltischen Geschichte 14).

¹⁵ [Renner J.] Johann Renner's Livländische Historien / Hrsg. v. R. Hausmann, K. Höhlbaum Göttingen, 1876.; Другие переиздания: Renner J. Livländische Historien: 1556–1561, zum ersten Mal nach der Urschrift hrsg. Von Peter Karstedt. Lübeck, 1953.; В английском переводе [Renner J.] Johannes Renner's Livonian History 1556–1561 / Transl. By J. Smith and W. Urban with J. Ward Jones. Lewiston, 1997. См. Филюшкин А. И. Особенности рассказа о Ливонской войне хроники Иоганна Реннера // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2011. № 1. С. 93–100.

¹⁶ Henning S. Liffländische Churländische Chronica: was sich vom Jahr Christi 1554 biss auff 1590, in der langwierigen Moscowiterischen und andern Kriegen an nothdrenghlicher veränderunge der Obrigkeit und Stände in Lieflland seider dess letzten herrn Meisters, und Ersten in Lieflland zu Churland und Semigalln Hertzogen, gedenckwirdiges zugetrage. Rostock, 1590. В 1594 и 1595 гг. вышла в Лейпциге. Другие переиздания: Liffländische Churländische Chronica: was sich vom Jahr Christi 1554 biss auff 1590 gedenckwirdiges zugetragen; mit einer Vorrede von D. Davidis Chytrael. Riga, 1848; переиздание Т. Кальмайера (Theodor Kallmeyer): Henning S. Salomon Henning's liffländische churländische Chronica von 1554 bis 1590 und Bericht in Religionssachen... Riga, 1857; опубликована в 1858 г. в: Scriptorum Rerum Livonicarum. Т. II. S. 195–289; Liffländische Churländische Chronica: was sich vom Jahr Christi 1554 biss auff 1590, in der langwierigen Moscowiterischen und andern Kriegen... Gedenckwirdiges zugetragen. Hannover, 1968. См. Schiemann T. Salomon Hennings Livländischkurländische Chronik. Mitau, 1874.; Фактологические комментарии в Salomon Henning's Chronicle of Courland and Livonia / Translated, with introduction and notes by J. Smith, J. Ward Jones, and W. Urban; ed. By V. Zeps. Dubuque, Iowa, 1992.; Филюшкин А. И. «Лифляндская хроника» Соломона Геннинга // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2013. № 1. С. 157–168.

¹⁷ Müller L. Polnische/Liffländische/Moschowiterische/Schwedische und andere Historien... Frankfurt a.M., 1585; (Gedruckt zu Franckfurt am Mayn: durch Peter Schmidt: in verlegung Sigmund Feyrabends), 1586 г.; В 1595 и 1606 г. вышла в Лейпциге. Перевод на шведский Эрика Шродеруса напечатан в Стокгольме в 1629 г.

¹⁸ Вопрос о соавторстве в немецко-балтийской историографии остается открытым. См.: Donecker S. David Werner «Estonia Rediviva» Kommentar, Transkription und Übersetzung. // Forschungen zur Baltischen Geschichte (= Humaniora historica; 10). Tartu, 2015.

¹⁹ David Werner Epit Histor Rer: Livonic (НИОР БАН FN№39); Gustavi D. Lode. Historia Livonica (НИОР БАН Miscellanea – Q № 29 (XX Bc/I)).

²⁰ Landesarchiv Greigswald Rep. 40, III 69.

²¹ TÜR KHO Mscr 171, Mscr 171; Ajalooarhiiv [далее EAA] 854.1.767; EAA.2062.2.6.

²² Gustav von Lode Kurzer Auszug der Geschichte die sich in Ehst-, Lief-, Lett-Churland und Semgallen zugetragen vor nach der Geburth Christe bis Anno 1674. TLA. 236.1.113

исследователи полагают, что этот экземпляр является единственной известной рукописью, содержащей тексты на обоих языках²³.

Хроника Ливонии Лодде-Вернера до сегодняшнего времени не была напечатана в ее первоначальном варианте. Адам Фридрих фон Фишбах²⁴ создал вырезку из Хроники Лодде-Вернера в конце XVII в., которая впоследствии стала основой для работы Отто Фабиана фон Врангеля²⁵ (1655–1726), которая была дополнена современными историческими знаниями и в 1845 году впервые была напечатана под редакцией Паукера.

Сочинение «*Historia Livonica*» датируется примерно концом XVII в., когда Ливония в ее средневековом понимании уже не существовала, а территории Эстляндии и Лифляндии являлись областями, подчиненными Шведскому королевству. Текст включает в себя версии хроники Ливонии на немецком и латинском языках, где за основу взята немецкая хроника Густава фон Лодде, а латинский перевод принадлежит Давиду Вернеру. Текст хроники, вероятнее всего, был написан в Палле²⁶, владении Густава фон Лодде.²⁷

Хроника Ливонии Лодде-Вернера построена таким образом, что состоит из трех книг. Первая книга²⁸ посвящена истории региона до времен христианизации. Вторая книга²⁹ посвящена истории Эстляндии примерно с XI века и до времени написания книги, то есть по 1677 год. Третья книга³⁰ посвящена немецкому владычеству в Ливонии, начиная от времени, когда на эти территории прибыли бременские купцы.

Если обращаться к событиям первой книги, то следует отметить, что традиции шведского готицизма прослеживаются в Хронике Лодде-Вернера достаточно явно. Большое внимание в первой и второй главах книги уделяется деяниям готов и истории готских народов. Эта эпоха представлена как эпоха вождей и героев, средневековых королей, прославивших скандинавскую Готию. Деяния готов гремели по всей Европе.

²³ *Vahre S.* Balti kroonikate käsikirjadest Peterburi raamatukogudes // *Õpetatud Eesti Seltsi aastaraamat 2002*/ Tartu, 2004. S. 303; *Laidla J.* Ajalookirjutust mõjutanud tegurid varauusaegsel Eesti-, Liivi- ja Kuramaal. Tartu, 2017. S. 28

²⁴ *Fischbach A.* Extract (Handschrift, Estnisches Historisches Museum, Tallin: F. 161-1 / 7). См. Donecker S. *Origines Livonorum Frühneuzeitliche Hypothesen zur Herkunft der Esten und Letten (Quellen un Studien zur baltischen Geschichte, 25)*. Köln, Weimar, Wien, Böhlau, 2017. S. 238.

²⁵ Landrath Wrangell's Chronik von Ehtland nebst angehängten Ehtländischen Capitulations-Punkten und Nystädter Friedensschluß. In Druck gegeben von C. J. A. Paucker. Dorpat, 1845. Переиздание: Landrath Wrangell's Chronik von Ehtland nebst angehängten Ehtländischen Capitulations-Punkten und Nystädter Friedensschluß. C. J. A. Paucker. Hannover-Döhren: Harro von Hirschheydt, 1969.

²⁶ «*Epitome Historica rerum in Aestonia, Livonia, Lettia, Curlandia, Semgallia, tum ante tum post natum Christum usq ad Annum 1677 gestarum, cum hodierno public harum Provinciarum Statu. Ex antiqvis ex recentioribus Auctoribus, fide dignis Annalibus, ac Documantis ut ex Privilegiis publica auctoritate atq Siqillis abunderoboratis, bona fide, Germanice primum conscripta, ingrati eorum, qui Germanicae lingvae non adeo qnari sunt, Latio postmodum donate. Davide Wenero SS: Th: Cultore nobilissimae tuventutis a Lode in aula Pallensi p: t: infrmatore*». David Werner *Epit Histor Rer: Livonica* (НИОР БАН F№39, fol. 1).

²⁷ *Recke J. F. Napiersky K. E. v.,* Beise Th. *Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexicon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland, L – R.* Mitau, 1831. Bd.: 3., S. 88.

²⁸ Gustavi D. Lode. *Historia Livonica* (НИОР БАН Q № 29. fol. 8).

²⁹ Gustavi D. Lode. *Historia Livonica* (НИОР БАН Q № 29. fol. 71).

³⁰ Gustavi D. Lode. *Historia Livonica* (НИОР БАН Q № 29. fol. 287).

Автор описывает древнейшую историю Ливонских и Эстляндских территорий, ссылаясь на таких латинских авторов как Тацит³¹, Плиний Старший³² и Страбон³³. Затем следуют сведения об эпохе готского владычества в Скандинавском регионе, которые летописец заимствует из трудов Иоанна Магнуса³⁴, Морица Брандиса³⁵ и Саксона Грамматика³⁶. В этой связи можно отметить, что, по мнению исследовательницы Янет Лайдлы, в Хронике Лодде-Вернера Брандис местами цитируется почти дословно³⁷.

Перечисление готских, шведских и датских правителей в хронологическом порядке в Хронике Лодде-Вернера начинается с пятого короля Швеции и Готии Сигго, который, по сообщению автора, основал город Сигтун в 2004 году от Всемирного потопа. За ним следует четырнадцатый король Берико³⁸, его сын Хумульфус, следующим готским правителем обозначен Гафт, а за ним готы избрали себе королем Аугина. Перечисляя готских правителей, хронист кратко описывает их военные конфликты с балтийскими народами. После смерти Гадериха Великого³⁹ королем готов становится его сын Филимер, который разгромил скифов, продвинулся к территориям меотов, где и расселился его народ.

После описания деяний Филимера хронист обращается сочинению Саксона Грамматика, однако в тексте Хроники Лодде-Вернера отсутствуют мифические сюжеты и используются лишь те отрывки, которые имели прямую связь с ливонской историей. Так, король Дании Хадинг взял в плен куршского короля Локера, а его сын Фрото одерживает победу над куршским правителем Дорно и после успешно завоевывает Семгалию, Лифляндию, Эстляндию и часть России. В войне с королем Швеции Рагнаром он терпит поражение. Сын Рагнара Хольбродус также сражался с балтийскими племенами и в результате покоренные народы оказались под властью шведов и готов. В течение длительного времени балтийские народы то освобождались от шведско-готского владычества, то вновь оказывались покорены.

История Балтийского региона после рождения Христа также наполнена многочисленными военными конфликтами балтийских народов и готских, шведских и датских правителей. Одной из самых примечательных фигур готской истории является король остготов Эрманарих, который так же упоминается в хронике. В одном из отрывков хроники автор сравнивается Эрманариха с Александром Македонским⁴⁰, так же, как и античные авторы, в связи с огромными размерами его империи: в частности,

³¹ В Хронике Лодде-Вернера в указанных главах автор ссылается на сочинение Тацита «Германия».

³² Сочинение не указано.

³³ В Хронике Лодде-Вернера автор указывает сочинение Страбона «География».

³⁴ *J. Magnus Historia de omnibus Gothorum Sueonumque regibus.*

³⁵ *M. Brandis, Ehstländischen Ritterschafts-Secretairen, Chronik, oder älteste Livländische Geschichte nebst den ältesten Ritter- oder Lehn-Rechten ... / hrsg. von C. J. A. Paucker // Monumenta Livoniae antiquae, Bd. 3. Riga, Leipzig, 1842.*

³⁶ *Saxo Grammaticus Gesta Danorum.* Переиздание на латыни: *Saxo Grammaticus Gesta Danorum. ed. by Karsten Friis-Jensen, transl. by Peter Fisher. Oxford, 2005.*

³⁷ *Laidla J. Gootitsismist Balti... S. 308.*

³⁸ Вероятно, имеется ввиду легендарный король готов Бериг.

³⁹ Вероятно, имеется ввиду Гунтарих.

⁴⁰ «A. C. 312 war könig der ost-gothen Armanarich oder Ermenrich <...>war, dass manisn auch den andere Alexandrum Magnum genennt...». Gustavi D. Lode. *Historia Livonica* (НИОР БАН Q № 29. fol. 65–66).

упоминается о границах, существовавших от Дуная до Балтийского моря⁴¹. Автор также указывает на то, что Эрманарих потерпел поражение от гуннов, тем самым «передал эти земли» Эстляндии⁴².

В 420 году король Дании Ярмерик (Jarmeric) воевал с ливами, однако соседние народы воспротивились, заключили союз с шведским королем Адилсом и убили короля Ярмерика, в результате чего Эстляндия и Ливония были освобождены от датского владычества. В 454 году король Швеции Ингвар (Ingemar) отправился покорять руссов, эстов и ливов, однако те сдались ему добровольно. После его смерти балтийские народы снова освободились от внешнего владычества. Кратко упоминается также военный конфликт Эрика Победоносного, который вновь подчинил эстов и ливов в 970 году.

Начало христианизации Эстляндских земель хронист связывает с деятельностью датчан и с этого момента он сначала обращается к событиям, происходившим в Эстляндском герцогстве, аргументируя это тем, что Эстляндия была христианизирована раньше, а затем уже возвращается к истории Ливонии. Такое выделение Эстляндской истории из общего контекста истории Ливонии кажется несколько необычным явлением для балтийского историописания раннего Нового времени, поскольку обычно история региона описывается в целом.

Однако в данном случае с первых страниц хроники становится понятно, что автор не рассматривал ливонские территории как целостную политическую единицу, которая вследствие исторических событий оказалась разделена между соседними государствами. Напротив, уже в названии можно увидеть, что в представлении хрониста Ливонии как таковой не существует, а имеются лишь небольшие области: *«Краткий рассказ об исторических событиях в Эстляндии, Леттии, Ливляндии, Курляндии, Земгалии, как до, так и после рождения Христа, достигающие года 1677....»*⁴³.

Первая глава второй книги повествует о разделе и территориях Эстляндского герцогства при первом датском правлении в 1075–1224 гг.⁴⁴. По сообщению хрониста, в 1075 году датский король Кнуд IV Святой⁴⁵ взял на себя миссию по обращению язычников Эстляндии в христианскую веру. Вторая глава второй книги более подробно раскрывает этот исторический период, сообщая о первом правлении Датского королевства, о том, как они с оружием в руках вторглись в Эстляндию, заставили

⁴¹ 1) «...und also sein Erich von der denen an den Mäolischen der, und den gegen worden zu, bis an das Baltische Meer oder Ost...» HL. Fol. 66.; 2) «...regni sui terminos a Danubio ad Paludem us Maotidem ad septentrionem versus ad mare Balthicum ampliavit...». David Werner Epit Histor Rer: Livonica (НИОР БАН FN№39, fol. 17).

⁴² «... aber den Günen damalsse beureniaschen mächtig und er nicht vermacht so <...> also haben wir diesen könig Ermunreich mit Krieges macht überzogen, und also denen Aesr- und Einland diesen volekere gelegenheil gegeben.» Gustavi D. Lode. Historia Livonica (НИОР БАН Q № 29. fol. 66).

⁴³ Gustavi D. Lode. Historia Livonica (НИОР БАН Q № 29. fol. 6).

⁴⁴ Von der Abtheilung und denen gränzen dess Herzogtums Estland irie ireih sus(= selbige der ersrer däni Herr Regierung von A 1075 bis A 1224 erstlich; Zugleichen von dennen darzu behindlichen Inseln, darin gelegenen Seen, Ströhmen und<...> HL, Fol. 72; De divisione, finibus Ducatus Aestonia quibus illa sub prima Dania Regnum gubernatione ab anno 1075 us que ad annum 1224 suit circumscripta uti etiam de insulis intra Aestiorum terminos contentis, lacibus, sluiis terrag ubertate. David Werner Epit Histor Rer: Livonica (НИОР БАН FN№39, fol. 39).

⁴⁵ König Canutus sanctus

побежденных принять христианство и обратили эти территории в герцогство, подчиненное датской короне.

Автор последовательно перечисляет имена датских правителей с 1075 г. до н.э. до 1224 г.⁴⁶, отмечая при этом их титулом «король Дании и герцог Эстляндии»⁴⁷. Помимо Кнуда Святого, названного королем Дании и первым герцогом Эстляндии, который, согласно хронике, начал датскую христианизацию в эстляндских землях, а также подчинил Курляндию и Пруссию.

Густав фон Лоде в своей работе перечисляет и последующих датских монархов, имевших отношение к истории Эстляндии. Так, согласно хронике, следующим правителем и герцогом эстляндским назван Олаф VI⁴⁸, затем Эрик III⁴⁹, который в 1093 году приказал построить в землях, именуемых Ревель, монастырь Св. Михаила. Эта информация также совпадает с тем, что сообщает читателю в своей хронике Морис Брандис⁵⁰, однако в действительности монастырь был построен приблизительно в первой половине XIII в.⁵¹.

Последующие правители перечислены автором хроники без упоминаний каких-либо их деяний: Нильс, Эрик IV⁵², Эрик V⁵³, Свен III⁵⁴ и Кнуд V⁵⁵, которые были соправителями в 1148–1157 гг. Следующий король - Вальдемар⁵⁶ – по сообщению хрониста, помимо того, что был королем Дании и девятым герцогом Эстляндии с 1158 г., считался также правителем и в Лифляндии. Именно он позволил Майнхарду фон Зегебергу построить первую церковь в Икскюле. Автор тем самым подчеркивает ту роль, которую датская корона сыграла в процессе обращения балтийских народов в христианство, а также то, что еще до прихода на ливонские земли немецких епископов и рыцарей именно датчане господствовали в Эстляндии и Лифляндии.

⁴⁶ Von Erster Königlich Dähnischer Regierung, wie Estland von Könige ni dännemark bekriegt, zum Christliche glauben gebracht, und denn zum Herzogtum unter der Kron Dännemark gemacht worden <...> und Nahme derer Könige zu Dännemark wie sie <...> von A C 1075 bis A 1224. im Krieg Dännemark gefolget und zugleich mit über diss Herzogtum AEstland regieret habe. auch wie Liev und Lettland A 1220 zu AEstland an König Woldemar gekamen, aber A 1223 und 1224 von denn Liefllandische Bischoff und Schwerd Brüder, da der König in gefänglicher Sass Saff gesessen, nicht allein wirder eingenommen un separiert, sondern auch gan Aestland erobert worden ist. Gustavi D. Lode. Historia Livonica (НИОР БАН Q № 29. fol. 77); De prima Regnum Dania gubernatione, quomodo Aestoniam armis suis invaserunt, victos ad accipiendam de Christo doctrinam compulerint, et ipsam Provincium in Ducatus, ---regno Danie subjecti, formam redegerint. Quibus etiam ex Hiusfeldio atq Pontano ad ilita est ordinaria Regum Dania successio, qua illi ratione atq lege ab A C 1075 usq ad annum 1224. Ducatum Aestonia successive gubernarint. quo denig modo Livonia atq Lettia pos subactam Aestoniam Anno 1220 a Rege Woldemaro subjugata, Anno 1223 A 1224 autem dum Rex incarcerne suit de tentus, ab Episcopo Livoniae atq Ensiteris denuo separata, totag Aestonia ab iis dem occupata sucrit. David Werner Epit Histor Rer: Livonica (НИОР БАН F№39, fol. 42).

⁴⁷ König zu Dennemark und <...> Herzog über Estland

⁴⁸ Имеется в виду Олаф I Голод.

⁴⁹ Если опираться на датировку, то автор, вероятнее всего, имеет ввиду Эрика I Доброго.

⁵⁰ M. Brandis Ehstländischen Ritterschafts-Secretairen, Chronik... S. 98.

⁵¹ Раам В. Архитектурные памятники Эстонии. М.: Искусство. 1974. С 88.

⁵² Имеется ввиду Эрик II Достопамятный.

⁵³ Имеется ввиду Эрик III Добрый.

⁵⁴ Имеется ввиду Свен III Грате.

⁵⁵ Имеется ввиду Кнуд V Магнуссен.

⁵⁶ Имеется ввиду Вальдемар I Великий.

Кнуд VI, ставший королем после Вальдемара в 1182 г., в 1196 г. начал военный поход в Эстляндии и Лифляндии, принудительно насаждая там христианскую веру. Однако наибольших успехов в этом деле добился его брат, король Вальдемар II, который продолжил христианизацию языческих народов, строил церкви и монастыри, основал епископства Ревеля, Дерпета и Пильтене в Курляндии⁵⁷.

На короле Вальдемаре⁵⁸ заканчивается повествование в этой главе. Летописец также сообщает, что Ливония и Латвия в 1220 г. перешли в подчинение к королю Вальдемару, но в 1223 г. и 1224 г. были возвращены Ливонским епископом и Орденом меченосцев. Кроме того, датский король оказался в плену в заточении, в то время как Эстляндские территории перешли также под власть епископа и Ордена.

В третьей главе второй книги говорится о втором периоде датского правления в Эстляндии, когда короли Дании осуществляли свое правление над провинциями Хариен и Вирланд, в то время как остальные эстляндские провинции перешли под власть ливонского епископа и Ордена. Глава охватывает период с 1238 г. и вплоть до 1347 г., когда эти две провинции Эстляндии были отданы Тевтонскому ордену⁵⁹. В рамках данной статьи мы не станем подробно останавливаться на содержании третьей главы, однако необходимо упомянуть, что датская корона стремилась установить порядок на своих эстляндских территориях, однако в середине XIV в. она вынуждена была продать их Великому магистру Генриху Дүземеру за 19 000 серебряных марок⁶⁰.

Таким образом, с одной стороны возможно говорить о том, что ливонское историописание раннего Нового времени оказалось под влиянием шведского готицизма, который распространился на этих территориях после вхождения эстляндских и лифляндских земель в состав шведского королевства. Сочинение второй половины XVII в., известное в историографии как Хроника Ливонии Лоде-Вернера, также впитало в себя идеи шведского готицизма и, следуя традициям национального историописания, опирается на этногенетический миф о готах. Автор обращается к ранней истории региона и, совмещая в своем повествовании как мифологических персонажей, так и реальных исторических личностей, так или иначе действовавших на территориях Балтийского региона, подчеркивает первенство взаимодействия шведских и готских правителей с балтийскими народами, легитимизируя тем самым шведское правление на ливонских территориях. При этом необходимо отметить, что автор хроники во многом опирался при написании своего сочинения на труды Морица

⁵⁷ В своей работе Отто фон Врангель, опираясь на эту информацию из Хроники Густава фон Лоде, отметил, однако, что Генриху Латвийскому об этом известно не было, в своей работе он писал лишь про основание Ревеля. В целом такое расхождение понятно, поскольку для своей работы Лоде не использовал в качестве источника хронику Генриха Латвийского.

⁵⁸ Имеется ввиду Вальдемар II.

⁵⁹ «Das 3 Capitel. Von der andern Dänischen Regieung, wie König in Dnnemark sein Regiment in Aestland wiederum resauriret, und die Könige von A1238 biss 1346od47 nur über zwei Estalandisch Provinzen als Harrien und Wierlandt worunter dassitzige theile???? von ... mit begrief ist regierert haben die übrige AEstlandische Provinzen sind denen Lienlamdischen Bischopen und Ritter Orden ?erblied(h f)n, welchen auch beigefüget eine Ordentliche Succession der Könige, und was darinnen passiert, biss dieser zwei Provinzen dem Hochmeister zu Preussen ... worden sind.» Gustavi D. Lode. *Historia Livonica* (НИОР БАН Q № 29. fol. 287).

⁶⁰ «Magistro Teutonici Ordinis generali domino Heinrico Dusmero pro novemdecim mille marcis argenti»

Брандиса и Иоанна Магнуса. С именем последнего, в свою очередь, связано формирование и закрепления идей шведского готицизма.

С другой стороны, в Хронике Лоде-Вернера прослеживается концепция, не рассматривающая ливонские территории как единое целое. Автор считает, что в результате католической христианизации возникла не единое политическое пространство Ливония, а несколько отдельных политических единиц. При этом история Эстляндии как политико-территориальной единицы выделяется им из общего контекста ливонской истории.

Хронист подчеркивает, что Эстляндия была христианизирована раньше остальной Ливонии, при этом Эстляндская история тесно связана с Данией. Именно датчане, по мнению автора Хроники, еще в XI в. способствовали обращению языческого населения этих земель в христианство, в то время как немецкие колонисты еще даже не появились здесь. Такое выраженное протатское отношение кажется несколько противоречивым, особенно если учесть притязания датчан на Эстляндские территории в XVII в. и противостояние датской короны и Швеции. Однако, вероятнее всего, автор Хроники не столько «сочувствовал» датской короне, сколько стремился легитимировать права и привилегии эстляндского рыцарства Хариена и Вирланда, которое значительно пострадало во времена шведской редукции.

Политический аспект этногенетической мифологии, который также нельзя исключать, повлиял и на некоторые особенности Хроники Лоде-Вернера, в частности, на стремление автора сочинения, ссылаясь не только на шведские, но и на датские источники, выделить исторические привилегии эстляндского рыцарства.

Информация о статье

Автор: Медведева Татьяна Дмитриевна – аспирант, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; ORCID: 0000-0002-5498-4880; e-mail: tatiana.medvedeva.d@gmail.com

Заголовок: Ливонское историописание XVII в. и шведский готицизм: на примере хроники Лоде-Вернера

Аннотация. В раннее Новое время общеевропейские тенденции к самоидентификации наций с древними народами привели к активному конструированию этногенетических мифов в историописании. Подъем и продолжение этой общеевропейской традиции повлияли и на историописание в Балтийском регионе в XVI-XVII вв., частично оно оказалось под влиянием шведского готицизма, который распространился здесь после вхождения Эстляндских и Лифляндских территорий в состав шведского королевства. Сочинение второй половины XVII в., известное в историографии как Хроника Ливонии Лоде-Вернера, под влиянием идей шведского готицизма опирается в своем повествовании на этногенетический миф о готах. Ранняя история региона описана в хронике как время активной деятельности на территориях Балтийского региона персонажей готской истории. Тем самым подчеркивается первенство взаимодействия шведских и готских правителей с балтийскими народами, легитимизируя тем самым шведское правление на ливонских территориях. С другой стороны, автор хроники выделяет историю Эстляндских земель из общего контекста ливонской истории, связывая ее в XI-XIII вв. с деятельностью датчан. В этом случае нельзя исключать политический аспект этногенетической мифологии, который повлиял и на некоторые особенности Хроники Лоде-Вернера, в том числе на стремление автора сочинения, ссылаясь не только на шведские, но и на датские источники, в частности, на сочинение Саксона Грамматика, выделить исторические привилегии эстляндского рыцарства.

Ключевые слова: раннее Новое время, Ливония, Эстляндия, ливонское историописание, этногенетический миф, хроника, Густав фон Лоде, Давид Вернер

Библиографический список

- Мобилизованное Средневековье: в 2 т. Т. I: Медиевализм и национальная идеология в Центрально-Восточной Европе и на Балканах / Под ред. Д. Е. Алимова и А. И. Филюшкина. Санкт-Петербург.: издательство Санкт-Петербургского университета, 2020. 484 с.
- Раам Виллем Вольдемарович.* Архитектурные памятники Эстонии. М.: Искусство. 1974. 277 с.
- Толстиков, Андрей Викторович.* «Шведскость» как «готскость»: шведский готицизм XV–XVII вв. // Шведы: Сущность и метаморфозы идентичности. Москва: РГГУ, 2008. С. 59–76.
- Фесенко, Андрей Васильевич.* Троянский миф как культурное основание европейской идентичности // Вестник МГУКИ. №3. 2010. С. 41-47.
- Филюшкин, Александр Ильич.* «Лифляндская хроника» Соломона Геннинга // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. № 1. С. 157–168.
- Филюшкин, Александр Ильич.* Особенности рассказа о Ливонской войне хроники Иоганна Реннера // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2011. № 1. С. 93–100.
- Хроника провинции Ливония // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 1–2. Рига, 1879. 592 с.
- Brandis, Moritz.* Ehstländischen Ritterschafts-Secretairen, Chronik, oder älteste Livländische Geschichte nebst den ältesten Ritter- oder Lehn-Rechten ... / hrsg. von C. J. A. Paucker // *Monumenta Livoniae antiquae*, Bd. 3. Riga, Leipzig, 1842.
- Donecker, Stefan.* David Werner «Estonia Rediviva» Kommentar, Transkription und Übersetzung. // *Forschungen zur Baltischen Geschichte*. 2015. № 10. S. 223–269.
- Donecker, Stefan.* Origines Livonorum Frühneuzeitliche Hypothesen zur Herkunft der Esten und Letten (Quellen und Studien zur baltischen Geschichte, 25). Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2017. 470 s.
- Fischbach, Adam.* Extract. Handschrift, Estnisches Historisches Museum, Tallin: F. 161-1 / 7.
- Gustav von Lode Kurzer Auszug der Geschichte die sich in Ehst-, Lieff-, Lett-Churland und Semgallen zugetragen vor nach der Geburth Christe bis Anno 1674. Tallinna Linnaarhiiv (TLA) 236.1.113.
- Henning, Salomon.* Liffendische Churlendische Chronica: was sich vom Jahr Christi 1554 biss auff 1590, in der langwierigen Moscowiterischen und andern Kriegen an nothdrenghlicher veränderunge der Obrigkeit und Stände in Lieffland seider dess letzten herrn Meisters, und Ersten in Lieffland zu Churland und Semigalln Hertzogen, gedenckwirdiges zugetrage. Rostock, 1590.
- Henning, Salomon.* Liffendische Churlendische Chronica: was sich vom Jahr Christi 1554 biss auff 1590 gedenckwirdiges zugetragen; mit einer Vorrede von D. Davidis Chytrael. Riga, 1848.
- Henning, Salomon.* Liffendische Churlendische Chronica: was sich vom Jahr Christi 1554 biss auff 1590, in der langwierigen Moscowiterischen und andern Kriegen... Gedenckwirdiges zugetragen. Hannover, 1968. 174 s.
- Henning, Salomon.* Salomon Henning's liffendische churlendische Chronica von 1554 bis 1590 und Bericht in Religionssachen, wiederum neu abgedr. u. mit Erl. &c versehen von Theodor Kallmeyer. Riga, 1857.
- Johann Renner's Livländische Historien / Hrsg. v. R. Hausmann, K. Höhlbaum. Göttingen, 1876.
- Johannes Renner's Livonian History 1556–1561 / Transl. By J. Smith and W. Urban with J. Ward Jones. Lewiston: Edwin Mellen Press, 1997. 225 p.
- Johansen, Paul.* Balthasar Rüssow als Humanist und Geschichtsschreiber. Bearbeitet von Heinz von zur Mühlen. Böhlau, Köln, 1996. (= Quellen und Studien zur Baltischen Geschichte 14)
- Laidla, Janet.* Ajalookirjutust mõjutatud tegurid varauusaegsel Eesti-, Liivi- ja Kuramaal / *Dissertationes historiae universitatis tartuensis*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2017. 311 s.
- Laidla, Janet.* Gootitsmist Balti varauusaegses ajalookirjutuses // *Ajalooline Ajakiri*. 2013. № 3 (145). S. 299–320.
- Landrath Wrangell's Chronik von Ehstland nebst angehängten Ehstländischen Capitulations-Punkten und Nystädter Friedensschluß. In Druck gegeben von C. J. A. Paucker. Dorpat, 1845.
- Landrath Wrangell's Chronik von Ehstland nebst angehängten Ehstländischen Capitulations-Punkten und Nystädter Friedensschluß. C. J. A. Paucker. Hannover-Döhren: Harro von Hirschheydt, 1969.
- Lode, Gustavi D.* Historia Livonica. Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук (НИОР БАН) Miscellanea – Q № 29 (XX Bc/I).
- Lode-Werner Eesti Ajalooarhiiv (EAA) 854.1.767; 2062.2.6.
- Lode-Werner Eesti Ajalooarhiiv (EAA) TÜR KHO Mscr 171.
- Magnus, Johannes.* Goternas och svearnas historia. Bd. 1, Översättning av Kurt Johannesson, Bd. 2, Kommentar av Kurt Johannesson och Hans Helander. Stockholm, 2018. 378 s.
- Magnus, Johannes.* Historia de omnibus Gothorum Sueonumque regibus. Rome, 1554.
- Magnus, Johannes.* Historia de omnibus Gothorum Sueonumque regibus. Basel, 1558.
- Magnus, Johannes.* Swea och Götha crönica ... på swenska utthållkat af Erico Schrodero. Stockholm, 1620.

- Mörke, Olaf.* Bataver, Eidgenossen und Goten. Gründungs- und Begründungsmythen in den Niederlanden, der Schweiz und Schweden in der Frühen Neuzeit // Mythos und Nation, hrsg. v. H. Berding (Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewusstseins in der Neuzeit, Bd. 3). Frankfurt am Main, 1996. S. 104–132.
- Müller, Lorenz.* Polnische/Liffländische/Moschowiterische/Schwedische und andere Historien o sich unter diesem jetzigen König zu Polen zugetragen. Frankfurt am Main: Martin Lechler & Sigmund Feyerabend, 1585.
- Recke, Johann Freidrich, Napiersky, Karl Eduard.* Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexicon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland. Mitau, 1831. Bd.: 3. 620 s.
- Rüssow, Balthasar* Chronica der Provinz Lyfflandt. Rostock, 1578.
- Salomon Henning's Chronicle of Courland and Livonia / Translated, with introduction and notes by J. Smith, J. Ward Jones, and W. Urban; ed. By V. Zeps. Dubuque, Iowa, 1992.
- Saxo Grammaticus Gesta Danorum.* ed. by Karsten Friis-Jensen, transl. by Peter Fisher. Oxford: Oxford University Press, 2005. 880 p.
- Schiemann, Theodor.* Salomon Hennings Livländischkurländische Chronik. Mitau: Behre, 1874. 44 s.
- Schmidt-Voges, Inken.* De antiqua claritate et clara antiquitate Gothorum. Gotizismus als Identitätsmodell im frühneuzeitlichen Schweden (Imaginatio borealis, Bd. 4). Frankfurt am Main, 2004. 422 s.
- Scriptores rerum Livonicarum. Sammlung der wichtigsten Chroniken und Geschichtsdenkmale von Liv-, Ehst- und Kurland, in genauem Wiederabdrucke der besten, bereits gedruckten, aber selten gewordenen Ausgaben. Erste Lieferung. Riga und Leipzig Eduard Frantzen's Verlags-Comptoir. 1846. 906 s.
- Vahre, Sulev.* Balti kroonikate käsikirjadest Peterburi raamatukogudes // Õpetatud Eesti Seltsi aastaraamat, 2002. Tartu, 2004. S. 297–206.
- Werner, David.* Epitome Histore Rerum Livonicarum. Landesarchiv Greigswald Rep. 40, III 69.
- Werner, David.* Epitome Histore Rerum Livonicarum. Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук (НИОР БАН), FN939.

Information about the article

Author: Medvedeva Tatyana Dmitrievna – postgraduate student, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia; ORCID: 0000-0002-5498-4880; e-mail: tatia-na.medvedeva.d@gmail.com

Title: Livonian Historiography of the 17th century and Swedish Gothicism: The Lode-Werner Chronicle

Abstract: In the early modern period, pan-European tendencies towards the self-identification of nations with ancient peoples led to the active construction of ethnogenetic myths in historiography. The rise and continuation of this pan-European tradition also influenced historiography in the Baltic region in the 16th–17th centuries, partly under the influence of Swedish Gothicism, which spread here after the entry of the Estland and Livonian territories into the Swedish kingdom. The work from the second half of the 17th century, known in historiography as the Lode-Werner Chronicle of Livonia, under the influence of the ideas of Swedish Gothicism, is based on the ethnogenetic myth of the Goths. The early history of the region is described in the Chronicle as a time when the characters of Gothic history were active in the territories of the Baltic region. This emphasizes the primacy of the Swedish and Gothic rulers' interaction with the Baltic peoples, thus legitimizing Swedish rule in the Livonian territories. The author of the Chronicle, on the other hand, singles out the history of the Estland lands from the general context of Livonian history, linking it to the activities of the Danes in the 11th–13th centuries. The political aspect of ethnogenetic mythology cannot be ruled out and has also influenced several features of the Lode-Werner Chronicle, including the author's effort to highlight the historical privileges of the Estland knighthood by referring not only to Swedish, but also to Danish sources, in particular, to the work of Saxo Grammaticus.

Keywords: early modern period, Livonia, Estland, Livonian historiography, ethnogenetic myth, chronicle, Gustav von Lode, David Werner

References

- Brandis, Moritz. Ehstländischen Ritterschafts-Secretairen, Chronik, oder älteste Livländische Geschichte nebst den ältesten Ritter- oder Lehn-Rechten ... / hrsg. von C. J. A. Paucker [Estonian knighthood secretaries, chronicle, or oldest Livonian history together with the oldest knight or fief rights ... / ed. by C.J.A. Paucker], in *Monumenta Livoniae antiquae*, Vol. 3. Riga, Leipzig, 1842. (in German).
- Donecker, Stefan. David Werner «Estonia Rediviva» Kommentar, Transkription und Übersetzung [David Werner "Estonia Rediviva" commentary, transcription and translation], in *Forschungen zur Baltischen Geschichte*. 2015. No. 10. Pp. 223–269. (in German).

- Donecker, Stefan. *Origines Livonorum Frühneuzeitliche Hypothesen zur Herkunft der Esten und Letten (Quellen und Studien zur baltischen Geschichte, 25)* [*Origines Livonorum Early Modern Hypotheses on the Origin of Estonians and Latvians (Sources and Studies on Baltic History, 25)*]. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Publ, 2017. 470 p. (in German).
- Fesenko, Andrey Vasil'evich. Troyanskiy mif kak kul'turnoe osnovanie evropeyskoy identichnosti [The Trojan myth as the cultural basis of European identity], in *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*. No. 3. 2010. Pp. 41–47. (in Russian).
- Filyushkin, Aleksandr Il'ich. «Liflyandskaya khronika» Solomona Genninga [Solomon Henning's Livonian Chronicle], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. No. 1. Pp. 157–168. (in Russian).
- Filyushkin, Aleksandr Il'ich. Osobennosti rasskaza o Livonskoy voyne khroniki Ioganna Rennera [Features of the story of the Livonian War chronicled by Johann Renner], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2011. No. 1. Pp. 93–100. (in Russian).
- Fischbach, Adam. *Extract*. Handschrift, Estnisches Historisches Museum, Tallin: F. 161-1 / 7.
- Gustav von Lode. *Kurzer Auszug der Geschichte die sich in Ehst-, Lieff-, Lett-Churland und Semgallen zugetragen vor nach der Geburth Christe bis Anno 1674* [Short excerpt of the history that took place in Ehst-, Lieff-, Lett-Churland and Sem-gallen before after the birth of Christ until Anno 1674]. Tallinna Linnaarhiiv (TLA) 236.1.113. (in German).
- Henning, Salomon. *Liffendische Churlendische Chronica: was sich vom Jahr Christi 1554 biss auff 1590, in der langwierigen Moscowiterischen und andern Kriegen an nothdrenghlicher veränderunge der Obrigkeit und Stände in Lieffland seider dess letzten herrn Meisters, und Ersten in Lieffland zu Churland und Semigalln Hertzogen, gedenckwirdiges zuetrage* [Chronicle of Courland and Livonia]. Rostock, 1590. (in German).
- Henning, Salomon. *Liffendische Churlendische Chronica: was sich vom Jahr Christi 1554 biss auff 1590 gedenckwirdiges zugetragen; mit einer Vorrede von D. Davidis Chytrael* [Chronicle of Courland and Livonia; with a preface by D. Davidis Chytrael]. Riga, 1848. (in German).
- Henning, Salomon. *Liffendische Churlendische Chronica: was sich vom Jahr Christi 1554 biss auff 1590, in der langwierigen Moscowiterischen und andern Kriegen... Gedenckwirdiges zugetragen* [Chronicle of Courland and Livonia]. Hannover, 1968. 174 p. (in German).
- Henning, Salomon. *Salomon Henning's liffendische churlendische Chronica von 1554 bis 1590 und Bericht in Religionssachen, wiederum neu abgedr. u. mit Erl. &c versehen von Theodor Kallmeyer* [Salomon Henning's Liffendische Churlendische Chronica from 1554 to 1590 and report on religious matters, again reprinted & provided by Theodor Kallmeyer]. Riga, 1857. (in German).
- Khronika provintsii Livoniya [Chronicle of the Livonian province], in *Sbornik materialov i statey po istorii Pribaltiyskogo kraya* [Collection of materials and articles on the history of the Baltic region]. Vol. 1–2. Riga, 1879. 592 p. (in Russian).
- Johann Renner's Livländische Historien* [Johann Renner's Livonian Histories]. Hrsg. v. R. Hausmann, K. Höhlbaum. Göttingen, 1876. (in German).
- Johannes Renner's Livonian History 1556–1561*. Transl. By J. Smith and W. Urban with J. Ward Jones. Lewiston: Edwin Mellen Press, 1997. 225 p.
- Johansen, Paul. *Balthasar Rüssow als Humanist und Geschichtsschreiber. Bearbeitet von Heinz von zur Mühlen* [Balthasar Rüssow as a humanist and historian. Edited by Heinz von zur Mühlen]. Köln: Böhlau, 1996. (= Quellen und Studien zur Baltischen Geschichte 14). (in German).
- Laidla, Janet. *Ajalookirjutust mõjutunud tegurid varauusaegsel Eesti-, Liivi- ja Kuramaal* [Factors influencing historiography in early medieval Estonia, Livonia and Courland]. *Dissertationes historiae universitatis tartuensis*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2017. 311 p. (in Estonian).
- Laidla, Janet. Gootitsismist Balti varauusaegses ajalookirjutuses [Gothicism in Baltic Early Modern History], in *Ajalooline Ajakiri*. 2013. No. 3 (145). Pp. 299–320. (in Estonian).
- Landrath Wrangell's Chronik von Ehstland nebst angehängten Ehstländischen Capitulations-Punkten und Nystädter Friedensschluß [Landrath Wrangell's Chronicle of Ehstland together with attached Ehstland Capitulation Points and Nystadt Peace Treaty]. In *Druck gegeben von C. J. A. Paucker*. Dorpat, 1845. (in German).
- Landrath Wrangell's Chronik von Ehstland nebst angehängten Ehstländischen Capitulations-Punkten und Nystädter Friedensschluß* [Landrath Wrangell's Chronicle of Ehstland together with attached Ehstland Capitulation Points and Nystadt Peace Treaty]. C. J. A. Paucker. Hannover-Döhren: Harro von Hirschheydt, 1969. (in German).
- Lode, Gustavi D. *Historia Livonica* [Livonian history]. Research manuscripts department of the Library of the Academy of Sciences, Miscellanea – Q No. 29 (XX Bc/I).
- Lode-Werner Eesti Ajalooarhiiv (EAA) 854.1.767; 2062.2.6.*
- Lode-Werner Eesti Ajalooarhiiv (EAA) TÜR KHO Mscr 171.*

- Magnus, Johannes. *Goternas och svearnas historia. Bd. 1, Översättning av Kurt Johannesson, Bd. 2, Kommentar av Kurt Johannesson och Hans Helander* [History of the Goths and the Swedes. Vol. 1, Translation by Kurt Johannesson, Vol. 2, Commentary by Kurt Johannesson and Hans Helander]. Stockholm, 2018. 378 p. (in Swedish).
- Magnus, Johannes. *Historia de omnibus Gothorum Sueonumque regibus* [The history of all Geatish and Swedish kings]. Rome, 1554. (in Latin).
- Magnus, Johannes. *Historia de omnibus Gothorum Sueonumque regibus* [The history of all Geatish and Swedish kings]. Basel, 1558. (in Latin).
- Magnus, Johannes. *Swea och Götha crönica ... på svenska uttålkat af Erico Schrodero* [Swea and Götha crönica ... in Swedish translated by Erico Schrodero]. Stockholm, 1620. (in Swedish).
- Mobilizovannoye Srednevekov'ye: v 2 t. T. I: *Mediyevalizm i natsional'naya ideologiya v Tsentral'no-Vostochnoy Yevrope i na Balkanakh* [Mobilized Middle Ages: in 2 vols. Vol. I: Medievalism and National Ideology in Central-Eastern Europe and the Balkans]. Ed. D.E. Alimov and A.I. Filyushkin. St. Petersburg: St. Petersburg University Press Publ., 2020. 484 p. (in Russian).
- Mörke, Olaf. *Bataver, Eidgenossen und Goten. Gründungs- und Begründungsmythen in den Niederlanden, der Schweiz und Schweden in der Frühen Neuzeit, in Mythos und Nation, hrsg. v. H. Berding (Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewusstseins in der Neuzeit, Bd. 3)* [Batavians, Confederates and Goths. Foundation and Justification Myths in the Netherlands, Switzerland and Sweden in the Early Modern Period, in Mythos und Nation, ed. v. H. Berding (Studies on the Development of Collective Consciousness in the Modern Era, Vol. 3)]. Frankfurt am Main, 1996. Pp. 104–132. (in German).
- Müller, Lorenz. *Polnische/Liffländische/Moschowiterische/Schwedische und andere Historien o sich unter diesem jetzigen König zu Polen zugetragen* [Polish/Flemish/Moscowite/Swedish and other histories o have taken place under this present King of Poland]. Frankfurt am Main: Martin Lechler & Sigmund Feyerabend, 1585. (in German).
- Raam, Villem Vol'demarovich. *Arhitekturnyye pamyatniki Estonii* [Estonian architectural monuments]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1974. 277 p. (in Russian).
- Recke, Johann, Freidrich, Napiersky, Karl Eduard. *Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexicon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland* [General Lexicon of Writers and Scholars of the Provinces of Livonia, Esthonia and Courland]. Mitau, 1831. Vol. 3. 620 p. (in German).
- Rüssow, Balthasar. *Chronica der Provinz Lyfflandt* [The Chronicle of Livonia]. Rostock, 1578. (in German).
- Salomon Henning's *Chronicle of Courland and Livonia*. Translated, with introduction and notes by J. Smith, J. Ward Jones, and W. Urban; ed. By V. Zeps. Dubuque, Iowa, 1992.
- Saxo Grammaticus. *Gesta Danorum* [Deeds of the Danes], ed. by Karsten Friis-Jensen, transl. by Peter Fisher. Oxford: Oxford University Press, 2005. 880 p.
- Schiemann, Theodor. *Salomon Hennings Livländischkurländische Chronik* [Salomon Henning's Livonia-Curland Chronicle]. Mitau: Behre Publ., 1874. 44 p. (in German).
- Schmidt-Voges, Inken. *De antiqua claritate et clara antiquitate Gothorum. Gotizismus als Identitätsmodell im frühneuzeitlichen Schweden (Imaginatio borealis, Bd. 4)* [De antiqua claritate et clara antiquitate Gothorum. Gothicism as a Model of Identity in Early Modern Sweden (Imaginatio borealis, Vol. 4)]. Frankfurt am Main, 2004. 422 p. (in German).
- Scriptores rerum Livonicarum. Sammlung der wichtigsten Chroniken und Geschichtsdenkmale von Liv-, Ehst- und Kurland, in genauem Wiederabdrucke der besten, bereits gedruckten, aber selten gewordenen Ausgaben. Erste Lieferung* [Scriptores rerum Livonicarum. Collection of the most important chronicles and historical monuments of Livonia, Estonia and Courland, in exact reprint of the best, already printed, but now rare editions. First delivery]. Riga und Leipzig. Eduard Frantzen's Verlags-Comptoir. 1846. 906 p. (in German).
- Tolstikov, Andrey Viktorovich. «Shvedskost'» kak «gotskost'»: shvedskiy gotitsizm XV–XVII vv. ["Swedishness" as "Gothness": Swedish Gothicism in the fifteenth and seventeenth centuries], in *Shvedy: Sushchnost' i metamorfozy identichnost'* [Swedes: Essence and Metamorphosis of Identity]. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ, 2008. Pp. 59–76. (in Russian).
- Vahre, Sulev. *Balti kroonikate käsikirjadest Peterburi raamatukogudes* [Baltic Chronicles manuscripts in St Petersburg libraries], in *Õpetatud Eesti Seltsi aastaraamat*, 2002. Tartu, 2004. Pp. 297–206. (in Estonian).
- Werner, David. *Epitome Historiae Rerum Livonicarum* [Epitome of the History of Livonian Affairs]. Research manuscripts department of the Library of the Academy of Sciences, F No. 39.
- Werner, David. *Epitome Historiae Rerum Livonicarum* [Epitome of the History of Livonian Affairs]. Landesarchiv Greigswald Rep. 40, III 69.

Для цитирования статьи:

Медведева Т. Д. Ливонское историописание XVII в. и шведский готицизм: на примере хроники Лоде-Вернера. *Caurus*. 2022. Т. 1. № 2. С. 39–52. DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-39-52

For citation:

Medvedeva T. D. Livonian Historiography of the 17th century and Swedish Gothicism: The Lode-Werner Chronicle. *Caurus*. 2022. Vol. 1(2). P. 39–52. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-39-52

К. С. Десятков

БАЛТИЙСКИЕ АСПЕКТЫ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ АНГЛИИ И НИДЕРЛАНДОВ НА РУБЕЖЕ XVII–XVIII ВЕКОВ*

Как известно, Вестфальская система международных отношений к концу XVII столетия находилась в глубоком кризисе и «балтийский» вопрос оставался одним из самых противоречивых, прямо или косвенно затрагивающим интересы большинства европейских держав.

К началу XVIII века, балтийскими или северными, державами обычно считали шесть государств, имеющих внешнеполитические и экономические интересы на Балтике: Россия, Польша, Дания, Швеция, Саксония и Пруссия (Бранденбург). К началу столетия наибольшее влияние в данном регионе приобрела Швеция, которая за счет завоеваний со временем превратилась в береговую балтийскую империю (1611–1718). Однако, это была скорее империя по необходимости, своеобразный политический феномен, созданию которой способствовали внешние факторы и политика великих держав Европы. Если для ведущих европейских держав колонии имели преимущественно экономическое значение, шведская империя была главным элементом защиты собственного государства¹.

У России были отвоеваны города Ивангород, Копорье, Ям, Орешек и карельская земля к северу от Невы и Ладоги (то есть весь выход к Балтийскому морю). Претензии к Швеции имела и Дания. В ходе Северной войны (1655–1660) шведский король Карл X Густав разгромил датчан в 1658 году во время похода на Зеландию и Ютландию, захватив некоторые датские провинции на юге Скандинавского полуострова. По Роскильскому мирному договору 1658 года Дания лишилась провинций Сконе, Блекинге, Халланд и Борнхольм. Курфюрст Саксонии и король Речи Посполитой Август II Сильный был заинтересован в возвращении Саксонии территории Ливонии (Лифляндии), которая отошла ко Швеции по Оливскому мирному договору (1655–1660) между Швецией и Речью Посполитой. Курфюрст Бранденбурга Фридрих III² также имел некоторые разногласия со шведами в Померании. Все вышеперечисленные претензии к Швеции и послужили основной причиной возникновения Северного союза.

Господство Швеции на Балтийском море в XVII веке задерживало экономическое и политическое развитие России. Политический барьер в виде шведских прибалтийских владений и экономический барьер из прибалтийско-немецкого и шведского купечества препятствовали прямой связи России с Западом. Особенности географического положения Прибалтики — в зоне непосредственных

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42029.

¹ Roberts M. The Swedish Imperial Experience. 1560–1718. Cambridge, 1979. P. 1–2.

² До 1701 года – курфюрст Бранденбурга Фридрих III, а позднее король Пруссии Фридрих I.

контактов Восточной и Западной Европы, у побережья важного в хозяйственном и стратегическом отношении Балтийского моря — диктовали жизненную необходимость для России в приобретении балтийских портов. Данное обстоятельство вынуждало ее преодолеть антирусский барьер в лице Швеции и открыть широкие возможности для экономического, политического и культурного развития Российского государства. Таким образом, если становление шведской империи происходило в момент слабости соседних государств и за их счет, то в конце XVII столетия положение изменилось, и Швеция теперь оказалась в окружении усилившихся государств, требующих от нее реванша за утраченные территории.

По сведениям современных шведских историков Швеция в 1697 году к моменту восхода на престол Карла XII располагала большой постоянной армией (60 000 человек) и первоклассным флотом (42 линейных корабля и 12 фрегатов). Ежегодный доход королевства достигал более 6 млн. серебряных талеров³. Своей внешней политикой Карл XI, обеспечив своему наследнику безопасность и спокойствие на юге и западе, оставил почти без защиты недружественные восточные границы. Основные шведские войска были сконцентрированы в Германии (Померании, Бремене и Вердене), в то время как фортификации на Балтике были полуразрушены или вовсе не существовали — там практически ничего не изменилось со времен Густава II Адольфа. Швеция также являлась политическим заложником Гольштейн-Готторпа, который была вынуждена поддерживать для обеспечения сообщения между германскими провинциями и Померанией, что сталкивало ее с Данией и могло повлиять на баланс сил в Западной Европе⁴.

Безусловно следует учитывать и экономический фактор шведской экспансии. Например, доходы шведов от посреднической торговли и особенно от таможенных пошлин на торговых путях Балтийского моря. Кроме того, еще с конца XVI столетия Швеция стала крупным экспортером железа, меди и леса в Западную Европу. Первые два товара давали около 80 % доходов шведской империи от её внешнеторгового вывоза⁵. В дальнейшем Швеция попыталась расширить подобную монополию на другие стратегические виды сырья, захватывая порты их вывоза и районы производства на Балтике.

Три великие европейские державы конца XVII—начала XVIII века: Англия, Франция и Австрия (Священная Римская империя), казалось, придавали району Балтийского моря лишь второстепенное значение. В то же время, в контексте проблем и противоречий коалиционных войн рубежа XVII—XVIII веков, балтийский вопрос постепенно становится проблемой общеевропейского значения. Особенно это наблюдалось в контексте сохранения мирной торговли на Балтике, с учетом прямого интереса морских держав⁶ в товарах для флота. Помимо того, что Прибалтика была крупным поставщиком зерна (в основном через Данциг) и растущим рынком промышленных товаров, она становилась все более важным поставщиком

³ *Ивонина Л.И.* Падение шведской империи и международные отношения в Европе конца XVII – начала XVIII вв. // Исторический формат. История и археология. 2015. №3 (3). М., 2015. С. 111.

⁴ *Ивонина Л.И.* Падение шведской империи...С. 109–111.

⁵ *Уредссон С.* Карл XII // Царь Петр и король Карл. М., 1999. С. 38.

⁶ Англии и Нидерландов (Голландии).

высококачественного железа, пушек, древесины, мачт и лонжеронов, конопля, льна, смолы и дегтя, то есть тех товаров, которые обычно объединяются под общим названием военно-морские. Именно их регулярное пополнение создавало важнейшую материальную базу как торгового судоходства, так и военно-морской мощи, особенно потому, что балтийская продукция отличалась высоким качеством, необходимым военно-морским линейным кораблям. В свою очередь, у балтийских стран это вызвало все более растущую военно-стратегическую конкуренцию. Поэтому, в своей балтийской политике Англия и Нидерланды традиционно стремились к защите общеевропейского «баланса сил» и своих торговых интересов. Франция и Империя напротив, пользовались балтийским вопросом как средством приобретения политических и военных союзников.

Глубокий кризис Вестфальской системы в конце XVII века привел к перегруппировке сил не только на Западе, но и в Центральной и Восточной Европе. Германские князья перестали нуждаться в защите их прав и свобод от императора, как со стороны Франции, так и Швеции. В июне 1696 года под Варшавой в Вилянувском дворце умирает король Польши Ян III Собеский, герой турецкой осады Вены в сентябре 1683 года. На выборах нового короля во внутренние дела Речи Посполитой по разным причинам вмешиваются западноевропейские державы (Франция и Империя) и Россия. Против самого реального кандидата французского принца Франсуа Луи де Бурбона-Конти выступили Петр I и Леопольд I. Причем молодой русский царь через своего резидента в Польше А.В. Никитина отправил сейму несколько посланий в поддержку кандидатуры саксонского курфюрста Августа II Сильного⁷. Одновременно с этим к литовской границе выдвинулась армия под командованием князя М. Г. Ромодановского. В результате, принц де Конти, несмотря на избрание большинством голосов отказался от короны по нескольким причинам: на Польшу двигались саксонские войска, литовский гетман Сапега не сдержал своего обещания о поддержке. Любопытно, что посла Августа II в Гааге Х. Бозе, проинформировал о готовности 60-ти тысячной русской армии на границе с Литвой никто другой, как король Англии Вильгельм III Оранский⁸.

В Западной Европе в 80–90-е годы XVII столетия складываются очередные антифранцузские коалиции⁹, душой которых всегда являлся Вильгельм (Виллем) III Оранский, статхауер Республики Соединенных Провинций (Голландии) и король Англии (с января 1689 года), популярный и в Британии, и в Нидерландах. Став королем Англии, Вильгельм III представлял на внешнеполитической арене не только Англию, но

⁷ Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра I. М., 1984. С. 77–78.

⁸ Varany G. The Anglo-Russian Entente Cordiale of 1697–1698. Peter I and William III at Utrecht. N.-Y., 1986. P. 29.

⁹ Общеизвестно, что все войны Людовика XIV имели европейский коалиционный характер и Девятилетняя война была далеко не первым военным конфликтом в Европе Короля Солнце. Еще в 1673–1674 гг. складывается союз между Священной Римской империей, Республикой Соединенных Провинций (Голландией) и Англией для войны с Францией. В западной историографии он известен как «система» или «старая система» (1674–1756). Причем инициатором создания союза выступил не император, а статхауер Голландии Вильгельм III Оранский, чья страна первой пострадала от войск Людовика XIV. Об этом см.: Шатохина-Мордвинцева Г.А. Внешняя политика Нидерландов, 1713–1763 гг. Становление голландского нейтралитета. М., 1998. С. 14.

и Голландию (по англо-голландскому договору о дружбе 1689 г.)¹⁰. Тем более, что по англо-голландскому договору о дружбе 1689 года каждая из сторон принимала на себя обязательство не заключать сепаратного мира, что обеспечивало новому королю главенствующее положение в антифранцузском союзе. За несколько лет до этого в 1686–1687 годах была образована Аугсбургская лига под покровительством папы римского Иннокентия XI. В неё вошли Нидерланды, Испания, Германская империя, Бранденбург, Савойя, Швеция и ряд мелких германских и итальянских княжеств. В 1689 году возникает Великая коалиция (Великий союз – Grand Alliance), когда две морские державы (Англия и Голландия) объединяются с Империей (императором Леопольдом I) для противостояния континентальным притязаниям Людовика XIV, оставшегося фактически без союзников, не считая мусульманской Турции. Так начался этап европейских коалиционных войн: Девятилетняя (война Аугсбургской лиги или за Пфальцское наследство) (1688–1697) и война за Испанское наследство (1701–1714)¹¹.

Первая из них закончилась довольно успешно для морских держав, несмотря на огромные затраты. Только Англии она обошлась в 18 млн. фунтов стерлингов. В Нидерландах военный бюджет вырос с 9 млн. гульденов в 1680-е годы, до 23,4 млн. в 1695 году (соответственно 0,9 и 2,3 млн. фунтов)¹². По Рисвикскому миру (осень 1697 года), где посредником в примирении великих держав континента выступала Швеция, Вильгельм III Оранский был признан законным королем Англии и Людовик XIV отказался от помощи якобитам¹³, а Нидерланды добились от Франции выгодного торгового договора. Последняя, хотя и уступила Империи ряд городов и крепостей по правому берегу Рейна (Фрайбург, Брейзах и Филиппсбург), но добилась признания своего права на Эльзас и Страсбург¹⁴. Однако, сразу стало понятно, что мир на континенте будет непродолжительным. Правители великих держав Европы, в лице королей Франции, Англии и императора Священной Римской империи, в связи с неизлечимой болезнью бездетного короля Испании Карла II Габсбурга, сразу после Рисвикского мира стали строить планы на будущее по разделу испанского наследства.

Один из самых талантливых политиков и дипломатов своего времени, Вильгельм III Оранский, прекрасно ориентируясь в сложнейшей военно-политической обстановке конца XVII столетия, несомненно осознавал опасность одновременного возникновения двух военных конфликтов на континенте: Северной войны и войны за Испанское наследство. Тем более, что постоянно существовала возможность их

¹⁰ О разносторонней личности статхаутера Голландии и короля Англии более подробно можно узнать из следующих исследований: *Baxter S.* William III and the Defense of European Liberty, 1650-1702. N-Y., 1966; *Jones D.* War and Economy in the Age of William III and Marlborough. Oxford., 1988; *Troost W.* William III, The Stadholder-king: A Political Biography. Ashgate, 2005; *Ивонина Л.И.* Вильгельм III Оранский // Вопросы истории. 1998. №3. М., 1998. С. 154–159.

¹¹ Об этапе коалиционных войн в Европе и роли Англии более подробно см.: *Кисилев А.А.* Великобритания в системе международных отношений конца XVII – первой половины XVIII века // Вестник ВолГУ. Сер. 9: Исследования молодых ученых. Вып. 6. 2007. Волгоград, 2007. С. 8–15.

¹² *Dickson P.G.M.* War Finance, 1689-1714 // The new Cambridge modern history (NCMH). Vol. 6. The rise of Great Britain and Russia. 1688–1715/25. Cambridge, 1970. P. 295.

¹³ Странники короля Якова II Стюарта. Об этом см.: *Letters Illustrative of the Reign of William III. From 1696 to 1708. Addressed to the Duke of Shrewsbury / by J. Vernon, Esq. Secretary of State. L., 1841. Vol. I. P. 22*

¹⁴ *Clark G.* From the Nine Years War to the War of the Spanish Succession // NCMH. Vol. 6. The rise of Great Britain and Russia. 1688–1715/25. Cambridge, 1970. P. 381-385.

слияния в единую общеевропейскую войну, более масштабную и разорительную, чем даже Тридцатилетняя¹⁵. Поэтому, неудивительно, что английский король, за которым стояла мощь объединенных морских держав, пытался на обоих направлениях добиться разрешения назревших противоречий мирным путем.

Однако, из-за целого ряда негативных факторов: бескомпромиссная позиция Франции, лишение поддержки обеих партий в Англии и непредсказуемая реакция британского общественного мнения, неожиданная смерть баварского принца и некоторых других, английская дипломатия во главе с Вильгельмом III была вынуждена использовать альтернативный вариант – консолидацию и расширение Великого союза¹⁶. Под «английской дипломатией» имеется в виду ближайшее англо-голландское окружение Вильгельма III Оранского – лорды Сайерс и Портленд. Долг Англии, накопленный в течение последней войны, достигал огромной по тем временам суммы в 18 млн. фунтов, и королю не представлялось никакой возможности в ближайшее время погасить эту сумму. В письме к своему другу голландскому пенсионарию А. Хейнсиусу Вильгельм жаловался, что не имеет в своем распоряжении ни одного фартинга для оказания поддержки какому-либо из иностранных государств, указывая также на невозможность расплатиться с долгами, вследствие недоверия к нему со стороны парламента¹⁷. В то же время, к подобному развитию событий король Англии был готов заранее: все планы возможных событий разрабатывались еще в 1697–1699 годах, и поиск предполагаемых союзников по новой антифранцузской коалиции неустанно производился именно в эти годы.

Показательно, что именно при Вильгельме III Оранском происходит реформа дипломатической службы в Англии, учитывая значительное усиление её международных позиций. В XVII веке во многих странах практически не существовало института постоянных посольств со штатом профессиональных дипломатов. Долгое время, король Вильгельм Оранский, как и Людовик XIV, лично определял тактику и направление переговоров, вникая во все детали и подробности¹⁸. Постепенно, в данной области ситуация стала изменяться к лучшему и в Англии, наряду с расширением сети дипломатической агентуры в разных странах Европы и внедрения опыта нидерландских дипломатов. В Северный департамент британской дипломатической службы входили Россия, Германия, Дания, Швеция, Голландия, Польша, Фландрия и ганзейские города; в Южный – Франция, Италия, Испания, Португалия, Швейцария, Турция и варварские страны¹⁹. Улучшается координация работы британских дипломатических ведомств, налаживается регулярный обмен

¹⁵ Подробнее об этом: *Rothstein A.* Peter the Great and Marlborough. Politics and Diplomacy in Converging Wars. L., 1986.

¹⁶ Подробнее о создании Великого союза см.: *Соколов А.Б.* Англия и Великий союз 1701 года // Внешняя политика Великобритании в новое и новейшее время. М., 1988. С. 13–24.

¹⁷ *Гуревич Я.Г.* Происхождение войны за испанское наследство и коммерческие интересы Англии. СПб., 1884. С. 49–50.

¹⁸ *Иерусалимская Е.В.* Дипломатия Вильгельма Оранского и первые европейские союзы // Преподаватель XXI век. 2013. №4 (2). С. 311.

¹⁹ *Lane M.* The Diplomatic service under William III // Transactions of the Royal Historical Society. Vol. 10. December 1927. P. 87.

информацией между зарубежными дипломатическими представительствами и Лондоном делаются попытки её обобщения и анализа²⁰.

В контексте указанных проблем к началу Северной войны Вильгельма III наиболее беспокоили следующие «балтийские» аспекты континентальной политики морских держав:

- сохранение общего «баланса сил» в регионе Балтийского моря;
- нейтрализация вмешательства Франции в конфликт на северо-востоке Европы;
- особые отношения со скандинавскими странами Швецией и Данией;
- выход отношений с Россией на новый уровень с учетом её использования в качестве основного противника Османской империи как союзника Франции;
- предотвращение участия в Северном союзе Бранденбурга и других «имперских» княжеств (будущих поставщиков войск для Великого союза), а также неприкосновенность их территорий.

Важность первого аспекта Вильгельм III прекрасно осознавал прежде всего в связи с проблемой безопасности торговли в балтийском регионе, которая к началу XVIII века превратилась в один из основополагающих вопросов будущего существования и развития морских держав²¹. Следует учитывать, что почти все товары для флота они получали с берегов Балтийского моря. В этом отношении был предпринят ряд превентивных и конструктивных мер для нормализации сложившегося положения, в том числе использование в своих целях разносторонних дипломатических комбинаций. Например, стремясь не допустить образования франко-датско-шведской коалиции, Вильгельм III вел долгосрочную, осторожную, но целенаправленную политику сближения с обеими скандинавскими странами²². При этом он безусловно не забывал про ослабление своего главного геополитического противника – Франции, которая ни в коем случае не должна была усилиться за счет одной из лучших европейских армий, а именно шведской каролинской.

Вместе с тем, широко и достаточно продуктивно применялись различные формы «личной» дипломатии. В частности, на Петра I воздействие оказывалось как прямое – при встречах короля Англии и русского царя с глазу на глаз²³, так и опосредованное – через голландского ратпенсионера Антония Хейнзиуса и амстердамского бургомистра Николааса Витсена. Ярким примером подобной дипломатии могут служить секретные переговоры Петра I с Вильгельмом III во время Великого посольства – сначала в Утрехте, а затем в Лондоне. Так, на их встрече 18

²⁰ Матвеев В. М. Петр Великий – реформатор России: "Дипломатия в верхах" в XVII веке: Петр I и Вильгельм III в Утрехте и в Лондоне (1697 - 1698) // Петр Великий – реформатор России: [Сборник статей] / отв. ред. Н. С. Владимирская. М., 2001. Вып. XIII. С. 243.

²¹ О сложностях в торговле морских держав со Швецией и Россией в начале XVIII века см.: Rees J.F. The Phases of British Commercial Policy in the Eighteenth Century // *Economica*. № 14 (Jun., 1925). P. 136–138.

²² Возгрин В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л., 1986. С. 46–52.

²³ Встречи двух монархов происходили во время пребывания Великого посольства (1697-1698) в Голландии и Англии.

августа 1698 года, король советовал Петру I как можно быстрее завершить войну с Турцией и «...заявил снова, что был бы весьма рад, если бы смог добиться от Швеции удовлетворения его претензий, добыв ему порт на Балтийском море»²⁴.

Соответственно можно предположить, что Вильгельм III в какой-то степени подталкивал царя к будущей войне с Карлом XII. Вполне вероятно, что английский король поступал так, главным образом для нейтрализации Швеции, которая вполне могла стать в будущем вероятным союзником Франции. Кроме того, Вильгельм III как опытный дипломат и главный противник Людовика XIV на континенте, разбирая все возможные комбинации войны за Испанское наследство, хотел любым способом ослабить своего коварного врага, оставив его в политической и дипломатической изоляции. Тем более, что речь шла о шведской каролинской армии – одной из самых боеспособных в Европе. Смены династий в Швеции и Дании могли привести к власти профранцузские партии, что в дальнейшем и произошло. Поэтому, Вильгельм III попытался свести возможные риски к минимуму. Учитывались самые разнообразные факторы: предсказуемая игра скандинавских монархов на противоречиях морских держав и Франции для получения новых финансовых средств от обеих сторон, предполагаемое торговое давление со стороны России и даже авантюризм и легкомыслие Августа II. Вместе с тем, король Англии не забывал незаметно поддерживать антифранцузские настроения Петра I. Помимо этого, Вильгельм III недовольный жестким торговым контролем Швеции на Балтике, нарушающий баланс сил в регионе пытался и с этой стороны воздействовать на скандинавов через видимость поддержки царя в данном щекотливом вопросе.

При этом основным средством воздействия англо-голландской дипломатии на противоборствующие стороны оставалась практика заключения многосторонних мирных договоров. Например, для Дании и Швеции таким основным договором явился Альтонский (1689), а затем и Травендальский (1700)²⁵. Первый из них предоставлял морским державам и стоящему за ними Вильгельму III уникальную возможность своим вмешательством регулировать общий баланс сил на Балтике, резко ограничив подобную же возможность для Франции и, соответственно, кроме Англии и Нидерландов был выгоден прежде всего Швеции и Гольштейн-Готторпу.

Второй же, несмотря на, казалось бы, полное политическое поражение Дании, явился значительным успехом датских дипломатов и Фредерика IV, которые позднее, в обмен на сдачу внаём Великому союзу почти всей армии получили не только 4 млн. рейхсталеров, но и полную поддержку и гарантии со стороны Великого союза. В результате Швеция не была включена в число гарантов Травендальского договора, помимо того Карлу XII пришлось держать на границе с «разоруженным» соседом около 17 тысяч солдат. Это также означало, что коммуникации Швеции с ее владениями на Балтике находились под постоянной угрозой²⁶. Не говоря уже о том,

²⁴ Архив РАН. Разд. 1. Оп. 79. №13. Л. 5. Об указанных переговорах см. также: *Loewenson L. The first interviews between Peter I and William III in 1697: Some Neglected English materials // Slavonic and East European review. L., 1958. Vol. 36. № 87; Barany G. The Anglo-Russian Entente Cordiale of 1697–1698. Peter I and William III at Utrecht. N.-Y., 1986; Матвеев В. М. Указ. соч. С. 227–246.*

²⁵ *Возгрин В.Е. Россия и европейские страны...С. 41–43, 85–88.*

²⁶ *Oakley S.P. War and Peace in the Baltic, 1560–1790. L.- N.-Y., 1992. P. 106.*

что Дания почти полностью сохранила военно-морской флот, который в дальнейшем весьма удачно использовала в Северной войне.

Поэтому шведский король подчинился положениям договора далеко не сразу, а только после серьезного вмешательства морских держав. К тому же Фредерик IV оставался союзником России и разрывал союзнические отношения только с Августом II, так как сведения о вторжении русской армии в Лифляндию еще не добрались до Травендаля, и противником Швеции Петр I официально не считался. С другой стороны, в изменившейся общеевропейской политической ситуации, накануне войны за Испанское наследство Травендальский мирный договор представлял собой чрезвычайно гибкий и удобный инструмент для регулирования общего соотношения сил на севере и безусловно был очень полезен как Вильгельму III, так в дальнейшем и Великому союзу в целом.

Если морские державы и Данию Травендальский договор в большей степени устраивал, то как раз Швеции он был далеко не так выгоден, как это традиционно принято считать в российской историографии. Краткосрочные выгоды были налицо, но что касается долгосрочных, они представлялись весьма спорными. К тому же Карлу XII не удалось достичь основных стратегических целей войны с Данией: противник был временно выведен из строя, но датский флот сохранил полную боеспособность, был потерян контроль над вероятными датско-готторпскими конфликтами, даже эльсинорская пошлина, на которую так рассчитывал шведский король, осталась за датчанами²⁷. Кроме того, когда Карл XII во время заключения мира потребовал передачи Зеландии Швеции, то получил от морских держав категорический отказ. При этом, шведскому флоту так и не была предоставлена полная свобода оперативных действий на Балтике.

Постепенно столь жесткий контроль со стороны англо-голландской дипломатии начал все более раздражать юного, но очень амбициозного и непредсказуемого шведского монарха. На него действовало опьянение победами (особенно после Нарвы), а также вызванное войной ожесточение против своих неприятелей. Наконец, сказывалось долгосрочное воздействие профранцузской партии при шведском дворе в лице первого министра и королевского фаворита Карла Густава Пипера, который находился под влиянием опытного французского дипломата д'Аво²⁸. В данный момент шведский король временно отошел от сложившейся во внешней политике страны традиции «балансирования» и игры на противоречиях между морскими державами и Францией. В частности, один из руководителей шведской дипломатии Б. Оксеншерна предлагал Карлу XII, когда последний зимовал с армией в Лаисе²⁹, заключить мир с Саксонией, учитывая, что Август II был готов пойти на любые уступки, а Россия после Нарвы уже не представляла большой угрозы³⁰. Однако, шведский король был неприступен и буквально отгородился от всех советчиков. В итоге, почти полный отказ Карла XII от участия в дипломатических баталиях в решающий для Европы момент, накануне войны за Испанское наследство, привел Швецию к утрате значительной части

²⁷ Возгрин В.Е. Россия и европейские страны... С. 86.

²⁸ Крылова Т.К. Россия и «Великий союз» // Исторические записки. 1942. № 13. С. 101.

²⁹ Замок на западном побережье Чудского озера в Эстляндии.

³⁰ Григорьев Б.Н. Карл XII, или Пять пуль для короля. М., 2006. С. 114.

политического потенциала, а в дальнейшем – к почти полной изоляции на континенте и катастрофе при Полтаве. Пока же шведское правительство, связанное договорами с англо-голландским блоком и с Францией, оказалось в весьма двусмысленном положении и было вынуждено занять ввиду надвигавшейся войны в Западной Европе примиренческую позицию.

В начале 1701 года становится все более заметным растущее отчуждение между Швецией и морскими державами как в политическом, так и в экономическом отношении. Даже Вильгельм III, который традиционно как глава протестантского мира поддерживал шведского короля и относился к нему с глубокой симпатией, стал позволять себе антишведские высказывания и поступки. Это были и угрозы разрыва союза со Швецией в деле с Саксонией осенью 1700 года, и заявление английского короля, сделанное «...при всех чужестранных министрах всенародне», о том, что лифляндские города «были отчиной» Петра I и что поход русских войск, к сожалению, начался «...в осеннее, самое жестокое время»³¹.

Конечно, подобные выступления можно рассматривать как своеобразный способ давления на Карла XII, который, подобно Людовику XIV, решил, что «могущество может обходиться без политики» и не желал прислушиваться к дипломатическим предостережениям европейских держав. Но с другой стороны, если британский монарх позволял себе подобное, то можно представить состояние голландских руководителей и английских министров, которых заявления и требования Карла XII и его дипломатов (Лиленрота и других) приводили во все большее ожесточение. В конце концов, голландское правительство ответило, что оно обязано помогать Швеции на западе, но не на севере.

В данном контексте наводит на размышления и проблема субсидирования морскими державами и Францией, Швецией и Россией в начале Северной войны. Если Швеция традиционно пыталась получать кредиты от обеих сторон, например, Вильгельм III периодически в качестве подарка посылал Карлу XII денежные суммы. В то же время Россия получала денежные средства и военные материалы в основном через амстердамских купцов. Когда шведы потребовали запрещения этих субсидий, то получили решительный отказ и впоследствии сами лишились голландских кредитов. Причем, Вильгельм III, прекрасно осведомленный о действиях купеческого Амстердама, извечного противника военной политики оранжистов, в данном случае решает не рисковать, опасаясь усиления военной мощи Франции за счет шведской армии.

Хотя формально, союзный договор со Швецией был заключен герцогом Джоном Черчиллем Мальборо 25 сентября 1701 года, а позднее ратифицирован в Лондоне в ноябре 1701 года. Герцог, осознавая опасность для будущей политики морских держав со стороны лести, взяток и интриг французского двора в отношении молодого шведского короля, действовал быстро и решительно, оставив свою обычную осторожность. Он настаивал на том, чтобы английское министерство выполнило свое обещание о поставке значительного количества ткани и селитры для использования шведской армией, и настойчиво просил канцлера казначейства лорда Годолфина

³¹ РГАДА. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 1700. Д. 4. Л. 160. Письмо А. Матвеева Петру I от 18 октября 1700 г.

устранить трудности, возникшие в ходе переговоров³². Не жалея денег на подарки шведскому министерству, Мальборо так торопился, что решил даже не согласовывать проект англо-шведского договора с палатой лордов британского парламента, посчитав, что срочность дела оправдывает отклонение от традиций. На следующий день герцог писал Годолфину: «Вчера вечером я подписал договор со Швецией. Я убежден, если бы не сделал этого, то Швеция приняла бы деньги и союз Франции»³³. Учитывая, что именно Мальборо стал преемником Вильгельма III Оранского в проведении англо-голландской континентальной политики, то это далеко не пустые слова. В итоге, в октябре 1701 года Англия и Голландия пообещали безвозмездно передать Швеции 100 тысяч имперских талеров, а Голландия обещала еще дать 300 тысяч талеров под заем³⁴. Тем более, что накануне заключения англо-шведского договора герцогу стало известно, что французы уже отправили в Стокгольм около 600 тысяч крон. Позднее выяснилось, что на рубеже 1701–1702 годов по сведениям из Гамбурга французский двор переводил ежемесячно 15 тысяч талеров зятю и любимцу Карла XII герцогу голштинскому Фредерику IV и обещал высылать вдвое больше, если Швеция вступит в союз с Францией³⁵. Французские субсидии получал и первый министр Швеции граф Пипер, который имел большое влияние на короля.

Главное противодействие вмешательству французской дипломатии в «северные дела» развертывалось в политико-дипломатической сфере, причем по самым разным направлениям. В этом отношении позиция Вильгельма III Оранского в 1697–1701 годов была достаточно последовательной и решительной. Это и отказ англо-голландской дипломатии летом 1700 года от французского посредничества в деле датско-шведского примирения, когда Людовик XIV уже готовил корабли к выходу из Тулона и других портов Франции. Не было допущено и возникновение дружественной Парижу системы Стокгольм – Варшава – Стамбул³⁶ как фактора постоянной угрозы для Империи. Чтобы помешать миссии французского посла Шарля дю Эрона по примирению Саксонии и Швеции, который прибыл в Биржи в феврале 1701 года, голландское правительство направило на место переговоров своего резидента в Гамбурге Кранембурга. Еще раньше, начиная с марта 1700 года, против дю Эрона в Варшаве действовал австрийский посол. И наконец, сами французы облегчили морским державам задачу, прежде всего за счет проведения непоследовательной политики в «северном вопросе». К примеру, так произошло в случае привлечения в качестве посредников при заключении датско-шведского мира брауншвейского, вольфенбютельского, гессенского и мюнстерского дворов. Последние, первоначально высказывали намерение присоединиться к Северному союзу и оказать Дании военную помощь. Однако, затем, отвлеченные французской дипломатией, склонились только к посредничеству.

³² *Memoirs of the Duke of Marlborough with his original correspondence: collected from the family records at Blenheim, and other authentic sources / by W. Coxe. L., 1848. Vol. 1. P. 69.*

³³ *Churchill W.S. Marlborough, his life and times. London, 1974. P. 476.*

³⁴ *Иволина Л.И. Герцог Мальборо. Человек, полководец, политик. М., 2019. С. 169.*

³⁵ *Крылова Т.К. Россия и «Великий союз»... С. 106.*

³⁶ Так называемого «восточного барьера».

Намного легче для англо-голландской дипломатии оказалось решить вопрос нейтрализации участия в Северном союзе некоторых имперских княжеств. В частности, на Бранденбург-Пруссию летом 1700 года оказывалось постоянное дипломатическое давление, перераставшее в прямые угрозы. Например, сначала голландские руководители послали запрос курфюрсту Бранденбурга Фридриху III о пропуске саксонских войск через кроссенские земли. Далее же последовал прямой намёк в письме Вильгельма III, что в случае, если бранденбургский курфюрст не вернет свои войска из Ленца обратно, то последует военная угроза прусским городам со стороны морских держав. Не удивительно, что Бранденбург всё больше склонялся на сторону России: укреплявшаяся территориально и политически Пруссия напрямую сталкивалась со Швецией на Севере Европы и в Померании³⁷. В результате, одним ударом расширение Северного союза было приостановлено, а оппозиция мелких имперских князей постепенно сошла на нет.

Хотя первоначально Бранденбург и Вольфенбютель вместе с Гессен-Касселем и некоторыми другими имперскими княжествами по договорам с Данией были обязаны выслать ей в помощь 18-ти тысячное войско, если посланные против нее союзные войска не будут возвращены обратно за Эльбу. В реальности, после резкого и пугающего демарша короля Англии вольфенбютельские войска так и не соединились с саксонскими, выступившими на помощь Дании. Часть князей по просьбе Людовика XIV склонились к посредничеству, а епископ Мюнстера вообще отошел от северных союзников и пропустил через свою территорию голландские войска. Среди прочих особо выделяется поступок официального члена Северного союза Августа II Сильного, который в августе 1700 г. выдал все секреты «северного союза» и переслал голландскому правительству собственноручное письмо Петра I о военных приготовлениях России³⁸.

В результате, зимой 1701-1702 гг., ряд немецких государств присоединились к Великому союзу либо по отдельному договору, либо посредством так называемого Акта включения: Бранденбург-Пруссия, Ганновер, Пфальц, Мюнстер, Гессен-Кассель, Баден и некоторые другие более мелкие княжества³⁹. В обмен на признание своего нового титула «короля Пруссии» курфюрст Бранденбурга Фридрих III обязался поддерживать императора против Людовика XIV. Морским державам для войны с Францией он обязался поставить более 30 тысяч солдат, потребовав взамен территориальных приращений для своего королевства после окончания войны за Испанское наследство⁴⁰.

Таким образом, в контексте проведения балтийских или северных аспектов англо-голландской континентальной политики на рубеже XVII–XVIII веков Вильгельм III Оранский как глава Великого союза успешно использовал концепцию политического

³⁷ *Ивонина Л.И.* Падение шведской империи... С. 115.

³⁸ *Крылова Т.К.* Россия и «Великий союз»... С. 94–95.

³⁹ *Veenendaal A.J.* The war of the Spanish Succession in Europe // NCMH. Vol. 6. The rise of Great Britain and Russia. 1688–1715/25. Cambridge, 1970. Pp. 410–411.

⁴⁰ *Евсеев В.А.* Специфика внешней политики Англии по отношению к германским княжествам на рубеже XVII–XVIII веков // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. №1. С. 43.

равновесия и сохранения существующего баланса сил в Европе. Она заключалась в контроле над европейской внешнеполитической системой с помощью дипломатических маневров, заключения союзов и, в случае необходимости, ведения открытых военных действий. В дальнейшем, именно эта концепция послужила основой «новых принципов» британской дипломатии начала века Просвещения.

В целом, морским державам различными средствами удалось добиться еще большей зависимости стран, заинтересованных в решении балтийского вопроса, от своей континентальной политики. Вильгельм III выступил одним из первых посредников в урегулировании Северной войны. В Россию Петру I была отправлена грамота о подобном посредничестве. Дания первой из северных союзников была выведена из войны, но по Травендальскому договору сохранила армию и флот, которые очень грамотно использовала в будущем. Дальнейшее расширение Северного союза за счет Бранденбурга и других имперских княжеств было нейтрализовано. Позднее, с началом войны за Испанское наследство, именно войска Дании и имперских княжеств стали поставщиками войск для Великого союза.

Что касается Швеции, то несмотря на заметную традиционную поддержку со стороны Вильгельма III (как главы всех протестантов Европы) и удачное начало Северной войны, Карл XII получил от него решительный протест в отношении вторжения шведских войск на территорию Империи. Кроме того, шведский король получил категорический отказ от амстердамских купцов на свою просьбу о кредитовании армии. В результате, в экономических отношениях, между Швецией и морскими державами наметилось все более возрастающее отчуждение. В то же время главный противник Вильгельма III Оранского на континенте Людовик XIV в стремлении следовать своей «абсолютистской» доктрине в рамках европейской системы международных отношений, так и не сумел в должной степени воспользоваться противоречиями и разногласиями между морскими и скандинавскими державами, что в конечном итоге во многом определило исход войны за Испанское наследство.

Информация о статье

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42029.

Автор: Десятков Константин Станиславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; SPIN-код: 6632-5860, Author ID: 310714, ORCID: 0000-0003-0302-7973; e-mail: des-con@yandex.ru

Заголовок: Балтийские аспекты континентальной политики Англии и Нидерландов на рубеже XVII–XVIII веков

Аннотация. Статья посвящена анализу балтийских аспектов континентальной политики морских держав Англии и Нидерландов на рубеже XVII–XVIII веков в контексте нейтрализации возможного взаимопересечения двух будущих центральных коалиционных конфликтов Европы: Северной войны и войны за Испанское наследство.

Ключевые слова: Вестфальская система, балтийский вопрос, континентальная политика, морские державы, Северная война, война за Испанское наследство

Библиографический список

- Возгрин В.Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны. [Текст]: история дипломатических отношений в 1697–1710 гг. / отв. ред. Е. В. Анисимов; АН СССР, Ин-т истории СССР. Ленинградское отд-ние. Ленинград: Наука. Ленинградское отд-ние, 1986. 296 с.
- Григорьев Б.Н.* Карл XII, или Пять пуль для короля. М.: Молодая гвардия, 2006. 550 с.
- Гуревич Я.Г.* Происхождение войны за испанское наследство и коммерческие интересы Англии. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1884. 183 с.
- Евсеев В.А.* Специфика внешней политики Англии по отношению к германским княжествам на рубеже XVII-XVIII веков // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Вып. 1. Иваново, 2021. С. 43.
- Ивонина Л.И.* Вильгельм III Оранский // Вопросы истории. 1998. №3. М., 1998. С. 154–159.
- Ивонина Л.И.* Падение шведской империи и международные отношения в Европе конца XVII – начала XVIII вв. // Исторический формат. История и археология. 2015. №3 (3). М., 2015. С. 107–119.
- Ивонина Л.И.* Герцог Мальборо. Человек, полководец, политик. М.: Ломоносовъ, 2019. 252 с.
- Иерусалимская Е.В.* Дипломатия Вильгельма Оранского и первые европейские союзы // Преподаватель XXI век. 2013. №4 (2). М., 2013. С. 309–315.
- Кисилев А.А.* Великобритания в системе международных отношений конца XVII – первой половины XVIII века // Вестник ВолГУ. Сер. 9: Исследования молодых ученых. Вып. 6. 2007. Волгоград, 2007. С. 8–15.
- Крылова Т.К.* Россия и «Великий союз» // Исторические записки. 1942. № 13. С. 84–129.
- Матвеев В. М.* Петр Великий – реформатор России: "Дипломатия в верхах" в XVII веке: Петр I и Вильгельм III в Утрехте и в Лондоне (1697–1698) // Петр Великий – реформатор России: [Сборник статей] / отв. ред. Н. С. Владимирская. М., 2001. Вып. XIII. С. 227–246.
- Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра I. М.: Междунар. отношения, 1986. 445 с.
- Соколов А.Б.* Англия и Великий союз 1701 года // Внешняя политика Великобритании в новое и новейшее время. М.: МГПИ, 1988. С. 13–24.
- Уредссон С.* Карл XII // Царь Петр и король: Карл XII и падение шведского великодержавия в историографии и традиции. М.: Текст, 1999. С. 276–305.
- Шатохина-Мордвинцева Г.А.* Внешняя политика Нидерландов, 1713–1763 гг. Становление голландского нейтралитета. М.: ИВИ РАН, 1998. 175 с.
- Barany G.* The Anglo-Russian Entente Cordiale of 1697–1698. Peter I and William III at Utrecht. N.-Y.: Boulder: East Europ. monogr., 1986. 101 p.
- Baxter S.* William III and the Defense of European Liberty, 1650-1702. N.-Y.: Harcourt, Brace and World, 1966. 460 p.
- Churchill W.S.* Marlborough, his life and times. L.: Batsford, 1974. 1050 p.
- Clark G.* From the Nine Years War to the War of the Spanish Succession // The new Cambridge modern history (NCMH). Vol. 6. The rise of Great Britain and Russia. 1688–1715/25. Cambridge University Press, 1970. Pp. 223–253.
- Dickson P.G.M.* War Finance, 1689–1714 // The new Cambridge modern history (NCMH). Vol. 6. The rise of Great Britain and Russia. 1688–1715/25. Cambridge University Press, 1970. Pp. 284–315.
- Jones, Dwyrud Wyn.* War and economy in the age of William III and Marlborough. Oxford; New York: Blackwell, 1988. 351 p.
- Lane M.* The Diplomatic service under William III // Transactions of the Royal Historical Society. Vol. 10. December 1927. Cambridge, 1927. Pp. 87–109.
- Letters Illustrative of the Reign of William III. From 1696 to 1708. Addressed to the Duke of Shrewsbury / by J. Vernon, Esq. Secretary of State. L.: H. Colburn, 1841. Vol. I. 506 p.
- Loewenson L.* The first interviews between Peter I and William III in 1697: Some Neglected English materials // Slavonic and East European review. L., 1958. Vol. 36. № 87. Pp. 308–316.
- Memoirs of the Duke of Marlborough with his original correspondence: collected from the family records at Blenheim, and other authentic sources / by W. Coxe. L.: Henry G. Bohn, York Street, Covent Garden, 1848. Vol. 1. 506 p.
- Oakley S.P.* War and Peace in the Baltic, 1560-1790. L.- N.-Y., 1992. 240 p.
- Rees J.F.* The Phases of British Commercial Policy in the Eighteenth Century // Economica. № 14 (Jun., 1925). Pp.130–150.
- Roberts M.* The Swedish Imperial Experience. 1560–1718. Cambridge University Press, 1979. 168 p.
- Rothstein A.* Peter the Great and Marlborough. Politics and Diplomacy in Converging Wars. L.: Macmillan, 1986. 247 p.
- Troost W.* William III, The Stadholder-king: A Political Biography. Cambridge University Press, 2005. 361 p.
- Veenendaal A.J.* The war of the Spanish Succession in Europe // The new Cambridge modern history (NCMH). Vol. 6. The rise of Great Britain and Russia. 1688–1715/25. Cambridge, 1970. Pp. 410–411.

Information about the article

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. 20-09-42029.

Author: Desyatskov Konstantin Stanislavovich — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World History and International Relations, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia; SPIN-code: 6632-5860, Author ID: 310714, ORCID: 0000-0003-0302-7973; e-mail: des-con@yandex.ru

Title: Baltic aspects of the continental politics of England and the Netherlands at the turn of the 17th–18th centuries

Abstract. The article is devoted to the analysis of the baltic aspects of the continental policy of the maritime powers of England and the Netherlands at the turn of the 17th–18th centuries in the context of neutralizing the possible intersection of two future central coalition conflicts in Europe, namely the Great Northern War and the War of the Spanish Succession.

Keywords: the Westphalian system, the Baltic question, continental politics, maritime powers, the Great Northern War, the War of the Spanish Succession

References

- Vozgrin, Valeriy Evgen'evich. *Rossiya i yevropeyskiye strany v gody Severnoy voyny. [Tekst]: istoriya diplomaticheskikh otnosheniy 1697–1710 gg. [Russia and European countries during the Great Northern War. [Text]: history of diplomatic relations in 1697–1710]*. Ed. E.V. Anisimov; Academy of Sciences of the USSR, Institute of History of the USSR. Leningrad branch. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie Publ., 1986. 296 p. (in Russian).
- Grigor'ev, Boris Nikolaevich. *Karl XII, ili Pyat' pul' dlya korolya [Karl XII or five bullets for the King]*. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2006. 550 p. (in Russian).
- Gurevich, Jakov Grigor'evich. *Proishozhdenie vojny za ispanskoe nasledstvo i kommercheskie interesy Anglii [The Origins of the War of the Spanish Succession and the Commercial Interests of England]*. St. Petersburg: V.S. Balashev Publ., 1884. 183 p. (in Russian).
- Evseev, Vladimir Aleksandrovich. *Specifika vneshney politiki Anglii po otnosheniyu k germanskim knyazhestvam na rubezhe XVII–XVIII vekov [The specifics of England's foreign policy towards the German principalities at the turn of the 17th–18th centuries]*, in *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities]*. Vol. 1. 2021. P. 43. (in Russian).
- Ivonina, Lyudmila Ivanovna. *Vil'gel'm III Oranskiy [William of Orange]*, in *Voprosy Istorii [Problems of History]*. 1998. No. 3. Pp. 154–159. (in Russian).
- Ivonina, Lyudmila Ivanovna. *Padeniye shvedskoy imperii i mezhdunarodnyye otnosheniya v Yevrope kontsa XVII – nachala XVIII vv. [The Fall of the Swedish Empire and International Relations in Europe in the Late 17th – Early 18th Centuries]*, in *Istoricheskiy format. Istoriya i arkhologiya [Historical format. History and archeology]*. 2015. No. 3(3). Pp. 107–119. (in Russian).
- Ivonina, Lyudmila Ivanovna. *Gercog Mal'boro. Chelovek, polkovodec, politik [Duke of Marlborough. Man, commander, politician]*. Moscow: Lomonosov Publ., 2019. 252 p. (in Russian).
- Ierusalimskaya, Ekaterina Vadimovna. *Diplomatiya Vil'gel'ma Oranskogo i pervye evropejskie soyuzy [Diplomacy of William of Orange and the first European alliances]*, in *Prepodavatel' XXI vek [Educator XXI century]*. 2013. No. 4(2). Pp. 309–315 (in Russian).
- Kisilev, Aleksandr Aleksandrovich. *Velikobritaniya v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy kontsa XVII – pervoy poloviny XVIII veka [Great Britain in the system of international relations at the end of the 17th – the first half of the 18th century]*, in *Vestnik VolGU. Ser. 9: Issledovaniya molodykh uchenykh [Bulletin of Volgograd State University. Series 9: Research of young scientists]*. 2007. Vol. 6. Pp. 8–15. (in Russian).
- Krylova, Tatyana Konstantinovna. *Rossiya i «Velikiy soyuz» [Russia and the "Great Union"]*, in *Istoricheskie zapiski [Historical Notes]*. 1942. No. 13. Pp. 84–129. (in Russian).
- Matveev, Vladimir Markovich. *Petr Velikiy — reformator Rossii: "Diplomatiya v verhah" v XVII veke: Petr I i Vil'gel'm III v Utrekhte i v Londone (1697–1698) [Peter the Great — a reformer of Russia: "Diplomacy at the top" in the 17th century: Peter I and Wilhelm III in Utrecht and London (1697–1698)]*, in *Petr Velikiy — reformator Rossii: Sbornik statey [Peter the Great — a reformer of Russia: Collected articles]*. Ed. N.S. Vladimirskaia. 2001. Iss. XIII. Pp. 227–246. (in Russian).
- Molchanov, Nikolay Nikolaevich. *Diplomatiya Petra I [Diplomacy of Peter I]*. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 1986. 445 p. (in Russian).

- Sokolov, Andrey Borisovich. Angliya i Velikiy soyuz 1701 goda [England and the Great Union of 1701], in *Vneshnjaja politika Velikobritanii v novoe i noveyshee vremya* [British foreign policy in modern and contemporary times]. Moscow: Moscow State Pedagogical Institute Publ., 1988. Pp. 13–24. (in Russian).
- Uredsson, Sverker. Karl XII [Karl XII], in *Car' Petr i korol': Karl XII i padenie shvedskogo velikoderzhavija v istoriografii i tradicii* [Tsar Peter and the King: Karl XII and the fall of the Swedish great power in historiography and tradition]. Moscow: Tekst Publ., 1999. Pp. 276–305. (in Russian).
- Shatohina-Mordvinceva, Galina Alekseevna. *Vneshnyaya politika Niderlandov, 1713–1763 gg. Stanovlenie gollandskogo neytraliteta* [Foreign policy of the Netherlands, 1713–1763. The establishment of Dutch neutrality]. Moscow: Publ. of Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, 1998. 175 p. (in Russian).
- Barany, George. *The Anglo-Russian Entente Cordiale of 1697–1698. Peter I and William III at Utrecht*. N.-Y.: Boulder: East Europ. monogr., 1986. 101 p.
- Baxter, Stephen. *William III and the Defense of European Liberty, 1650–1702*. N.-Y.: Harcourt, Brace and World, 1966. 460 p.
- Churchill, Winston Spencer. *Marlborough, his life and times*. London: Batsford, 1974. 1050 p.
- Clark, George. From the Nine Years War to the War of the Spanish Succession, in *The new Cambridge modern history* (NCMH). Vol. 6. The rise of Great Britain and Russia. 1688–1715/25. Cambridge University Press, 1970. Pp. 223–253.
- Dickson, Peter George Muir. War Finance, 1689–1714, in *The new Cambridge modern history* (NCMH). Vol. 6. The rise of Great Britain and Russia. 1688–1715/25. Cambridge University Press, 1970. Pp. 284–315.
- Jones, Dwyrdd Wyn. *War and economy in the age of William III and Marlborough*. Oxford; New York: Blackwell, 1988. 351 p.
- Lane, Margery. The Diplomatic service under William III, in *Transactions of the Royal Historical Society*. Vol. 10. 1927. Pp. 87–109.
- Letters Illustrative of the Reign of William III. From 1696 to 1708. Addressed to the Duke of Shrewsbury / by J. Vernon, Esq. Secretary of State. L.: H. Colburn, 1841. Vol. 1. 506 p.
- Loewenson, Leo. The first interviews between Peter I and William III in 1697: Some Neglected English materials, in *Slavonic and East European review*. L., 1958. Vol. 36. No. 87. Pp. 308–316.
- Memoirs of the Duke of Marlborough with his original correspondence: collected from the family records at Blenheim, and other authentic sources / by W. Coxe. L.: Henry G. Bohn, York Street, Covent Garden, 1848. Vol. 1. 506 p.
- Oakley, Stewart Paul. *War and Peace in the Baltic, 1560–1790*. L.- N.-Y.: Routledge, 1992. 240 p.
- Rees, James Frederick. The Phases of British Commercial Policy in the Eighteenth Century, in *Economica*. 1925. No. 14. Pp. 130–150.
- Roberts, Michael. *The Swedish Imperial Experience. 1560–1718*. Cambridge University Press, 1979. 168 p.
- Rothstein, Andrew. *Peter the Great and Marlborough. Politics and Diplomacy in Converging Wars*. L.: Macmillan, 1986. 247 p.
- Troost, Wout. *William III, The Stadholder-king: A Political Biography*. Cambridge University Press Publ., 2005. 361 p.
- Veenendaal, Augustus J. The war of the Spanish Succession in Europe, in *The new Cambridge modern history* (NCMH). Vol. 6. The rise of Great Britain and Russia. 1688–1715/25. Cambridge, 1970. Pp. 410–411.

Для цитирования статьи:

Десятсков К. С. Балтийские аспекты континентальной политики Англии и Нидерландов на рубеже XVII–XVIII веков. *Caurus*. 2022. Т. 1. № 2. С. 53–67. DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-53-67

For citation:

Desyatskov K. S. Baltic aspects of the continental politics of England and the Netherlands at the turn of the 17th–18th centuries. *Caurus*. 2022. Vol. 1(2). P. 53–67. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-53-67

М. М. Сафонов

РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУЦАРСТВИЯ

19 ноября 1825 года Александр I неожиданно скончался в Таганроге. В момент смерти самодержец был императором всероссийским и королем Королевства Польского. В Польше Александр являлся монархом, власть которого была ограничена Польской конституцией 1815 года. В России он оставался неограниченным самодержцем. Сочетание двух не сочетаемых в одном лице статусов выглядело более, чем противоречиво. Когда начальник Главного штаба И. И. Дибич оформлял акт о смерти Александра I, генерал затруднялся, следует ли в этом документе назвать усопшего только российским императором, опустив упоминание о королевском титуле, либо же должно употребить оба термина¹. Затруднение Дибича не было следствием какого-то недоразумения. Начальнику Главного штаба очень хотелось, чтобы со смертью Александра российский самодержец не носил титула Польского короля.

27 ноября 1825 года в Петербурге узнали о смерти царя. В собрании Государственного был вскрыт секретный пакет, в котором хранилась одна из копий завещания умершего монарха. Всего копий было три. Две других находились в Сенате и Синоде. Подлинник покоился в ковчеге Успенского собора Московского Кремля. В пакете находился манифест Александра I о передаче престола третьему по старшинству сыну Павла I великому князю Николаю Павловичу, в то время как на основании действующего на тот момент в России павловского закона о престолонаследии трон должен был перейти старшему после усопшего брату цесаревичу Константину. В качестве приложения к манифесту было помещено письмо Константина, в котором он просил Александра разрешить ему уступить право на наследование трона тому, кому надлежит по установленному порядку. Тут же находился рескрипт Александра I, изъявлявший согласие на просьбу брата. Манифест усопшего вводил новое толкование павловского закона о престолонаследии. Новация заключалась в следующем. То лицо, которому после смерти монарха по праву родства переходит трон, становится наследником не автоматически на основании порядка родства, но должен быть прежде провозглашен таковым царствующим императором. В этом отступлении от нормы, установленной Павлом I, можно усмотреть некоторое возвращение к петровскому закону о наследии трона, когда монарх мог назначить своего приемника по собственному усмотрению. При воцарении Александра I в ночь с 11 на 12 марта присяга приносилась императору и наследнику, который объявлен будет. Но за 25 лет царствования Александра такового объявления так и не последовало. В обществе принято было считать Константина наследником, потому что он был старшим братом бездетного Александра. Однако ни один официальный

¹ Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. IV. СПб., 1998. С. 578.

документ александровского царствования не называл Константина наследником российского престола. На основании нового истолкования закона о престолонаследии цесаревич таковым и не являлся, потому что царствующий монарх не объявил его своим наследником. Таковым манифест Александра провозглашал Николая. Однако в этой юридической комбинации заключался один очень существенный дефект. Царствующий монарх должен был объявить своим наследником то или иное лицо еще при жизни, а не в завещании, обнародованном посмертно.

Историки, как и многие современники событий, упрекали Александра за то, что он не объявил свой манифест о передаче престола Николаю в обход Константина при жизни, когда его волеизъявление стало бы законом. Однако такого рода обвинения являются следствием недостаточного знакомства с текстом самого манифеста. Из текста же явствует, что в такой форме он не мог быть обнародован при живом Александре, ибо это загробная, завещательная воля, оформленная так, чтобы быть объявленной только после смерти монарха – «когда царь царствующих призовет нас к себе».

Историки недоумевали, стараясь рационально объяснить, почему Александр не объявил о передаче престола Николаю еще при жизни и тем самым спровоцировал то, что получило название «междущарствие», сопровождавшееся социальным катаклизмом. С легкой руки Н. К. Шильдера многие ученые склонялись к мысли о том, что объяснение этого надо искать в сфере иррационального². Этой же точки зрения придерживались нумизматы, исследователи константиновского рубля³. Совсем недавно было высказано мнение о том, что события междущарствия являлись «незамеченным дворцовым переворотом»⁴. Общее между этими разноречивыми точками зрения заключалось в том, что исследователи искали объяснения причины такого необычного явления как междущарствие, в отношениях между различными членами императорского семейства. Между тем еще в 1948 году один из тончайших знатоков истории александровского царствования С. Б. Окунь во втором издании своего лекционного курса указал на то, что ключ к событиям междущарствия, спровоцированного завещанием Александра I, надо искать в польской политике царя⁶. Однако ленинградский исследователь не развил этой мысли в последующих изданиях своего курса. Более того в них уже не было упоминания о связи, существующей между польской политикой Александра I и событиями междущарствия. Между тем именно польские планы российского императора позволяют правильно понять происхождение такого странного на первый взгляд документа, как завещание Александра I. Именно такая постановка вопроса дает возможность дать ответ, зачем царь составил этот манифест и почему самодержец придал данному документу именно такую форму.

² Шильдер Н. К. Император Александр Первый... С. 282; Пресняков А.Е. 14 декабря 1825 года. М.: Л., 1926. С. 59.

³ Константиновский рубль. М., 1991. С. 6–66.

⁴ Белоусов М.С. Незамеченный дворцовый пеерворот // Вестник С-Петербургского Государственного Университета. История. 2021. Т.66. Вып. 1. С. 79–97.

⁵ См. подробный обзор литературы: Там же. С. 80–84.

⁶ Окунь С.Б. История России. 1796–1825.Л. 1948. С. 447.

1 июля 1817 года Великий князь Николай Павлович вступил в брак с прусской принцессой Шарлотой Гессенской, нареченной в православии Александрой Федоровной. В этот же день, 1 июля 1817 года Александр I подписал указ о создании Литовского корпуса⁷. Между такими разнородными событиями как бракосочетание и создание новой военной единицы, существовала прямая связь. К сожалению, биографы Николая I, этой связи, имеющей важнейшее значение для объяснения всех последующих событий, не заметили. Скажу больше, современный биограф Николая I Л. В. Выскочков не только не сумел понять тот механизм, который вознес третьего сына Павла I, не имевшего никаких шансов занять российский престол при живом Константине, но вообще оказался не в состоянии осознать истинные причины, приведшие третьего брата усопшего государя к власти⁸. А без этого биография российского императора Николая I выглядит не только не полной, но я бы даже сказал ущербной.

Каковы же были эти причины?

Они напрямую связаны с польскими планами Александра I. Как известно Польша являлась разменной картой в противостоянии наполеоновской Франции и александровской России. Вопрос же о восстановлении польского государства, уничтоженного в конце XVIII века, делал ее картой козырной. После разгрома Наполеона на Венском конгрессе по инициативе Александра I из Герцогства Варшавского, созданного французами, было образовано Королевство Польское, которое стало частью Российской империи, и было накрепко связано с ней одной правящей династией.

21 апреля/3 мая 1815 года был подписан трактат между Россией, Австрией и Пруссией. Варшавское герцогство, созданное Наполеоном, навсегда присоединилось к России. Александр I провозглашался польским королем⁹. 9/21 мая 1815 года манифест возвестил о присоединении к России герцогства Варшавского созданию Царства Польского¹⁰. Тогда же был учрежден придворный штат варшавского двора и назначены чины его. По пути с Венского конгресса Александр посетил Варшаву. После этого посещения придворные экипажи и лошади были оставлены в Варшаве¹¹. 29 мая/9 июня 1815 года был подписан заключительный Генеральный акт Венского конгресса. Императору и королю Польскому этот документ представлял право расширять территорию Королевства Польского за счет его собственных владений¹². 15/27 ноября 1815 года Александр I подписал конституцию Царства Польского. Она была опубликована на французском языке в «Дневнике законов Царства Польского»¹³. Александр I был провозглашен польским королем. А в акте об образовании

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXIII. СПб., 1830. (Далее: ПСЗ). № 26950.

⁸ Выскочков Л.В. Николай I. М., 2003. С. 44–45.

⁹ Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. III. СПб., 1876. С. 319, 336; ПСЗ. №№ 25824, 25827.

¹⁰ ПСЗ. № 25842.

¹¹ Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Т. III. СПб., СПб, 1905. С. 176, 356.

¹² Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций... С. 237; ПСЗ. № 25863; Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. М., 2010. С. 94.

¹³ Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского. (1814–1881). СПб., 1907. С. 5, 64–108.

Королевства (в русской транскрипции Царства) Польского говорилось о том, что его территория не может быть уменьшена, но дальнейшее расширение ее возможно. Акт гласил: «*Sa Majeste Imperiale se réserve de donner à cet Etat joussant d'une administration distincte, l'extension intérier qu'elle jujera convenable*». То есть: «его императорское величество оставляет за собой дать этому государству с особым управлением внутреннее расширение, каковое сочтет нужным»¹⁴.

Собака была зарыта в двусмысленном выражении «l'extension interior», то есть «внутреннее расширение». Можно видеть в нем обещание территориального приращения или же расширение особого управления, то большей самостоятельности. Ученые и по сей день по-разному толкуют это двусмысленное выражение и находят эту двусмысленность намеренной. Но большинство современников увидели в этой фразе право императора и польского короля расширять территорию королевства Польского за счет его собственных владений. Такого же мнения совершенно справедливо придерживаются авторы коллективного труда «Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830»¹⁵.

Эта многообещающая фраза отражала стремление Александра создать на западной границе России мощный форпост против западных государств. В беседе с генерал-адъютантом А.И. Михайловским-Данилевским во время поездки по западным губерниям царь так мотивировал свои намерения: «Польское царство послужит нам авангардом во всех войнах, которые мы можем иметь в Европе; сверх того, для нас есть еще та выгода, что давно присоединенные к России польские губернии, при могущей встретиться войне, не зашевелиятся, как то бывало прежде, и что опасности сей подвергнуты Пруссия, которая имеет Позень и Австрия, у которой есть Галиция»¹⁶.

Но для того, чтобы этот заслон мог быть эффективным, он должен был быть достаточно силен и жизнеспособен. Для того чтобы возрожденная Польша могла стать сильным государством, она должна была обладать достаточной для этого территорией, располагать значительными людским ресурсами, иметь выход к морю и быть обеспеченным полезными ископаемыми.

Поэтому Александр всерьез думал о воссоздании Речи Посполитой. Это означало бы не только возвращение Польше русско-польских губерний, отошедших в ходе разделов последней четверти XVIII в., но и восстановление Великого княжества Литовского. Но этого было еще недостаточно, необходимо было склонить Австрию и Пруссию вернуть Польше отобранные в ходе разделов у нее территории. Однако это грозило развалом Священного союза, которым русский царь весьма дорожил. Поэтому на первый план вставал вопрос о восстановлении Великого княжества Литовского и возвращении русско-польских губерний, отобранных от Польши в ходе разделов XVIII века. Этого настоятельно и недвусмысленно требовала польская сторона. И царь не мог не реагировать на эти требования. Но замысел Александра I встретил резкое осуждение среди русской элиты. Он был связан с материальными потерями дворянства, крупной земельной знати, обогатившейся в ходе разделов Польши. Эта материальная подкладка сопротивления польской политике царя маскировалась

¹⁴ Аскенази Ш. Царство Польское. 1815–1830. М., 1915. С. 25

¹⁵ Польша и Россия в первой трети XIX века... С. 94.

¹⁶ Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Т. IV. С. 63–64.

расхожими утверждениями, что царь «влюблен в Польшу», предпочитает поляков соотечественникам и презирает русских. Поэтому любая похвала польским чиновникам, польскому дворянству, подчеркнутая любезность с польской знатью, особенно с дамской ее частью, что было продемонстрировано русским царем во время его визита в Варшаву во второй половине 1816 года, воспринимались в контексте дворянских опасений, окрашенных в патриотические тона. Поскольку в Варшаве был образован польский двор Александра как короля Польши и туда даже были доставлены придворные экипажи для этого двора, это дало основание для подозрений, что император готовится к тому, чтобы перенести свою столицу в Варшаву, любимое свое «европейское владение»¹⁷.

По авторитетному мнению авторов коллективного труда «Польша и Россия в первой трети XIX века», 1815–1825 годы можно считать временем, когда польская политика самодержавия стала средоточием разногласий между властью и обществом. В ней, как в фокусе отразилось «*расхождение официального курса с оппозиционными настроениями, захватившими различные круги*»¹⁸.

Создание особого Литовского корпуса, которым сопровождалось бракосочетание Николая, было первым шагом на этом опасном пути, ведущему к разделению двух престолов: польского и российского. Он породил сильнейшую тревогу в российских верхах

Указом 14 октября 1817 года был определен состав этого корпуса. Он должен был набираться из уроженцев Вильнской, Гродненской, Минской, Волынской. Подольской губерний, а также Белостокского округа. Причем, уроженцы этих губерний в составе русской гвардии переводились в Литовской корпус. Корпус был обмундирован по польскому образцу. У него был особый герб – «Литовские погоны» – государственный герб Литвы на груди двуглавого российского орла, вместо Святого Георгия. Литовский корпус представлял собой самостоятельную единицу, обособленную от русской армии. Очевидно, он предназначался к слиянию с войсками Царства Польского. Корпус насчитывал 40 тысяч человек. Присоединение его к польской армии, главнокомандующим которой являлся Константин Павлович, увеличило бы численность вооруженных сил Царства Польского почти вдвое¹⁹.

Почти одновременно с созданием Литовского корпуса летом 1817 года в обществе поползли тревожные слухи о том, что в скором времени царь вернет Польше западные польско-российские губернии, отторгнутые у Речи Посполитой в ходе ее разделов в XVIII века. Проблема усугублялась тем, что в Герцогстве Варшавском, созданном Наполеоном, император французов отменил крепостное право, на российских же территориях оно продолжало существовать и прежде, чем их вернуть Польше, крестьян предстояло освободить. Поэтому вопрос о восстановлении Речи Посполитой оказывался тесно связанным с вопросом об отмене крепостного права в России. Против того и другого выступало, почти единодушно, дворянство России и созданные как орудие противодействия польской политике Александра российские тайные общества, за которыми стоял один из главных борцов против полонофильства

¹⁷ Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма, документы. М., 1951. С. 16.

¹⁸ Польша и Россия в первой трети XIX века. С. 469–470.

¹⁹ ПСЗ. № 26951.

императора генерал М. Ф. Орлов, один из создателей «Ордена русских рыцарей», соединившегося впоследствии с «Союзом спасения» Александр I собирался публично объявить о своем намерении вернуть Польше русско-польские губернии при открытии I Сейма Царства Польского в марте 1818 года в Варшаве. Однако он был вынужден отказаться от своего намерения в виду сильнейшей оппозиции его планам в русском обществе. Перед отъездом в Польшу на Сейм Александру стало известно о двух проектах цареубийства. Один исходил из «Союз спасения», когда в Москве был разыгран спектакль с вызовом на цареубийство И. Д. Якушкина²⁰. Второй, столь же нелепый, если еще не более, связывался с греческой организацией «Филики Этерия», ставившей цель освобождение Греции от османского ига²¹. Император отказался от публичного заявления о своих намерениях не без влияния министра иностранных дел И. И. Каподистрии, считавшего приоритетным направлением внешней политики России освобождение Греции, и поэтому противодействовавшего польским планам императора. Но Александр, тем не менее не оставил своих намерений. Покидая Варшаву, он поручил Н. Н. Новосильцеву подготовить перевод с латинского языка двух грамот об унии Речи Посполитой и Великого князя Литовского. Между тем в прибалтийских губерниях в 1817–1819 годах была проведена отмена крепостного права. Согласно донесениям прусского посла Шепера начала 1819 года освобождение крестьян в Литовских губерниях считалось необходимою предпосылкой соединения «русско-польских губерний с королевством». Прусский консул в Варшаве Шмидт 9 февраля 1819 года донес в Берлин о намерении присоединить Литовские губернии к Польше, как о деле решенном²². Именно в этом контексте следует рассматривать первый разговор Александра Павловича с великим князем Николаем в Красном Селе в июле 1819 года. Когда Николай I в середине 1830 годов составлял записки о своем воцарении, то об этом знаменательном разговоре с августейшим братом, он поведал буквально следующее. Император недвусмысленно дал понять своему третьему брату, что, именно ему, Николаю, предстоит занять российский престол вместо Константина²³.

Никто из биографов, в том числе более обстоятельных, чем Л. В. Выскочков, не связал этот разговор с польской политикой Александра I. Однако доверительная беседа двух братьев имело к ней самое прямое отношение. Совершенно очевидно, Николай не был вполне откровенен, когда впоследствии записал воспоминание об этом разговоре. Возможно ли, чтобы Николай, служака до мозга костей, ничего не знал о создании Литовского корпуса, вызвавшего негодование у наиболее видных представителей военных кругов, созданного демонстративно в день его бракосочетания? Разве великий князь ничего не слышал о том возмущении, которое вызвало намерение старшего брата вернуть Польше западные губернии? Ведь именно Николай сообщил потомкам, что Александру стало известно о вызове Якушкина и о

²⁰ Сафонов М.М. Речь Посполитая и «Московский заговор» 1817 года // Россия – Польша. Два аспекта европейской культуры. Материалы XVIII Царскосельской научной конференции. СПб, 2012. С. 491–503.

²¹ Арш Г. Л. Этеристское движение в России. М., 1970. С. 183.

²² Вернадский Г.В. Государственная Уставная Грамота Российской Империи. Прага. 1925. С. 30. Автор ссылается на Берлинский архив, Russie. № 67. Л. 89.

²³ 14 декабря 1825 года и его истолкователи. М., 1994. С. 317–318.

том, какое удручающее впечатление это произвело на императора. Вот как об этом рассказал Николай в своих замечаниях на известную книгу М. А. Корфа: «По некоторым данным я должен полагать, что Государю еще в 1818-м году в Москве после Богоявления, сделалось известными замыслы и вызов Якушкина на цареубийство; с той поры весьма заметна была в Государе крупная перемена в расположении духа, и никогда я его не видел столь мрачным, как тогда. Впоследствии сей наружный оттиск расположения души изгладился»²⁴.

Причины умолчания Николая понятны. Он, как и М. А. Корф, следовавший буквально августейшим указаниям, делал вид, будто у Александра I никаких польских планов не было. Николай, не разделял устремлений брата относительно Польши и предпочитал делать вид, будто таковых и вовсе не было. Но главная причина умолчаний заключалась в другом. Признав, что ему было известно, какие замыслы Александр лелеял относительно российского трона и польской короны, Николай лишал бы себя возможности утверждать, что ему якобы ничего не было известно о завещании брата. Он, дескать и поступал так, как поступал, потому что находился в полном неведении.

Разговор с Николаем имел место в середине лета 1819 года. А уже в сентябре Н.М. Карамзин представил царю мемуар, в котором авторитетнейший в глазах императора историограф, выступавший негласным советодателем по основным вопросам внутренней и внешней политики, буквально заклинал Александра отказаться от своих польских планов. Историограф писал, что восстановление «древнего Королевства Польского» чревато не только потерей губерний, приобретенных Россией в ходе разделов, но гораздо большими территориальными потерями. Он пугал царя тем, что если он отдаст Белоруссию, Волынь, Подолию вместе с Галицеею, то от него потребуют «и Киева и Чернигова и Смоленска», ибо они также принадлежали враждебной Литве»²⁵.

Примерно в это же время (точная дата неизвестна) председатель департамента законов Государственного совета Н.С. Мордвинов составил записку по польскому вопросу. Текст ее сохранился в личном архиве адмирала. Неизвестно была ли она представлена царю. Но как бы то ни было «русский Аристид» выражал в ней не только личное мнение. Его устами глаголила российская аристократия, квалифицирующая польские планы Александра как проявление деспотизма²⁶.

Довольно откровенный протест российских верхов и потенциальная угроза личной расправы, исходившая из тайного общества, которое потом назовут декабристским, хотя в рассматриваемый период его правильнее было бы назвать антиполонистским, заставили Александра временно отказаться от реализации своих планов. Думается, что внутренняя жизнь декабристской конспирации, серьезно повлияла на такое решение царя. Теоретическое обсуждение вопроса о преимуществах разного рода правления, предпочтения республиканскому с фразами типа «*president sans phrases*», вызывающими ассоциации с казнью Людовика XVI, наконец, опять же чисто теоретическая дискуссия о необходимости цареубийства,

²⁴ Там же. С. 346.

²⁵ Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. Ч. I. СПб., 1862. С. 6.

²⁶ Архив графов Мордвиновых. Т. IV. СПб., 1902. С. XX–XXXIII.

после которых, все проголосовавшие «за», оставались убежденными монархистами, заставили царя временно отступить. Но как только он это сделал, последовал фиктивный роспуск декабристкой конспирации в форме «Союза Благоденствия», о чем тут же стало известно монарху. Когда антипольские протесты смолкли, а деятельность тайных обществ настолько замерла, что можно было сказать, что она сошла на нет, Александр снова делает шаг по реализации своих польских планов. Этот новый приступ датируется началом 1822 года. К этому времени в императорском семействе уже произошли важные события. Они облегчили выполнение плана и сообщили ему новый импульс. Александр стал принимать конкретные шаги к разделению корон российской и польской. В марте 1820 года цесаревич Константин вступил в морганатический брак: женился на польке И. Грудзинской, не принадлежавшей к владетельному дому. Она получила титул княгини Лович, но осталась католичкой. Спустя три месяца последовал манифест, объявивший о том, что дети, рожденные от морганатического брака, не могут наследовать российский престол. Это означало, что Россию в будущем снова ждет бездетный император или, что Константин не будет российским царем, потому что жена православного царя не может быть католического вероисповедания. В январе 1822 года цесаревич в письме на имя Александра просил уволить его от прав на российский престол, вытекающих из закона о престолонаследии, а в феврале того же года он получил согласие царя на это²⁷. Полгода спустя 29 июня 1822 года двумя указами Александр назначил главнокомандующего Литовского корпуса цесаревича Константина главнокомандующим в губерниях Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской и Белостокской области²⁸. Ему были присвоены «*все права, власть и преимущества*», предоставленные главнокомандующим по учреждению действующей армии от января 1812 года²⁹. По сути дела это означало, что все верховное управление на этих территориях, ранее входивших в Великое княжество литовское, перешло в руки цесаревича. Чиновники этих областей носили мундиры польского образца с малиновым воротником³⁰. Такое положение объявлялось «впредь до нашего указа», то есть, временным. 16 августа 1823 года Александр подписал манифест о передаче после его смерти «*назначенному ... наследственному императору единого неразделенного всероссийской империи, Царства Польского и Княжества Финляндского престола*» третьему своему брату Николаю³¹. Манифест, как уже отмечалось, был положен в Успенский собор, а копии его в высшие государственные учреждения, но остался не опубликованным. Причем на конверте была сделана надпись о том, что он может быть возвращен назад по первому требованию императора. То есть допускалась возможность изменения в будущем устанавливаемого порядка.

Создание Литовского корпуса, выделение территорий, ранее входивших в Великое княжество Литовское в самостоятельную территориальную единицу во главе с Константином, обладавшим на этом пространстве всей полнотой гражданской и

²⁷ Шильдер. Н.К. Император Александр Первый. Т. IV. С. 278–282.

²⁸ ПСЗ. № 29087.

²⁹ ПСЗ. № 29088.

³⁰ Аскенази Ш. Царство Польское. С. 109.

³¹ 14 декабря 1825 года и его истолкователи. С. 223

военной власти, указывает на то, что Александр шел по пути восстановления этого средневекового государства под управлением цесаревича. Если же учесть, что акты 1423 и 1551 года провозглашали союз Великого княжества Литовского и Речи Посполитой³², приказание Александра, данное сенатору Н. Н. Новосильцеву по окончании первого Сейма, несколько проясняют планы Александра. По-видимому, он намеривался восстановить Речь Посполитую в форме унии Царства Польского и Великого княжества Литовского. Согласно акту Венского конгресса польский престол должен был быть занят представителем российской династии. Манифест 16 августа 1823 года объявлял Николая наследником нераздельного «всероссийской империи, Царства Польского и Княжества Финляндского престола». То есть третий брат Александра оставался польским королем. Но восстановление Великого княжества Литовского во главе с Константином, не так уж важно с каким титулом, могло передать в руки цесаревича реальное управление соединенных унией государств: Польши и Литвы, не нарушая Генерального акта Венского конгресса. Из этого следовало, что манифест о передаче российского престола Николаю, представлял собой только первый шаг в этой комбинации. За ним должен был последовать и второй, касающегося нового статуса Константина. Неслучайно же, секретный пакет с манифестом, положенный в ковчег, содержал надпись о том, что он должен быть возвращен царю по первому требованию. Но сделать этот второй шаг Александр не успел. После того, как манифест был положен в Успенском соборе, об акте узнало достаточно много людей, так что содержимое пакета было секретом полишинеля. Осенью 1823 года наблюдался целый каскад цареубийственных проектов, возродившегося тайного общества, но проектов столь же химерических, как и все предыдущие. И на этот раз Александр отложил реализацию своего польского проекта в долгий ящик, а Карамзину сказал, что историк удержал его от неверных идей³³. Однако, находясь в Варшаве после III-го польского Сейма в июне 1825 года, император сделал несколько заявлений, что в самом ближайшем будущем он реализует свои прежние обещания³⁴. Эти декларации были сделаны в присутствии Константина и польской знати. Заявления царя вызвали к жизни, как это было и прежде, новые цареубийственные проекты. Такого же рода, как и прежние. Я имею в виду донос И. В. Шервуда, письмо Д. И. Завалишина, и наконец, демонстративные заявления А. И. Якубовича.³⁵

Мы очень недооценили бы Александра, если бы допустили, что он не понимал юридическую двусмысленность своего завещания. Думается, что царь лучше других сознавал, что престолом нельзя распоряжаться по завещанию, и что мертвые не имеют воли по принципу «мертвый медведь в лесу не хозяин». Неопубликованный при жизни

³² Всеподданнейшая записка Н.Н. Новосильцева Александру I: историческая справка о соединении Литвы и Польши // Русская старина. 1882. Т. XXXV. С. 142-144; Польша и Россия в первой трети XIX века. С. 341.

³³ Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. Ч. I. С. 7.

³⁴ Шильдер Н.К. Император Николай Первый. Кн. I. М., 1997. С. 163–164.

³⁵ Сафонов М.М. И.И. Дибич и декабризм // Личность в политических, экономических и культурных процессах российской истории. Материалы XVII Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 16-17 мая 2013 г. М., 2013. С. 605–606.

манифест не только не получал законной силы после смерти монарха, но мог стать причиной междоусобной борьбы.

Зачем же он пошел на такой шаг?

Посадив Константина «на Польшу», император удалил из столицы младшего брата, который мог бы служить потенциальной альтернативой ему. Так царь избавлялся от опасного соперника. Александру прекрасно были известны и властные амбиции младшего брата честолюбивого Николая. Положив манифест в Успенском соборе, и сделав это известным Николаю, царь превращал опасного соперника, в преданного сторонника, ибо с этой минуты никто не был столь же заинтересован в сохранении власти у Александра, как его младший брат. Более того именно Николай должен был желать того, чтобы Александр благополучно здравствовал, ибо царем было сделано только полдела. Преждевременная кончина свела бы на нет уже сделанное. «Властитель слабый и лукавый» создал комбинацию, в результате которой существовало два претендента на престол, но никто из них не мел бесспорных прав. Стоило бы одному из них попытаться придвинуть трон к себе раньше времени, как он лишился бы перспективы воссесть на него в будущем.

Чтобы не входить в противоречие с Генеральным актом Венского конгресса престол Царство Польского оставался бы занят российским императором, то есть Николаем, но объединенное унией с Великим княжеством Литовским новое государство управлялась бы правителем княжества Константином. При этом возникал юридический казус, который появился при даровании конституции Царства Польского. Российский император обладал двойным статусом: в Польше он правил как конституционный монарх, а в России оставался неограниченным самодержцем. Предполагаемое введение «Уставной грамоты» в России могло устранить это юридическое противоречие. Заслуживает внимания предположение, высказанное С. В. Мироненко о том, что Александр I не спешил объявить Николая своим наследником потому, что прежде этого намеривался ввести в России «Уставную грамоту», то есть даровать стране конституцию³⁶. При такой комбинации было бы устранено юридическое противоречие. Российский конституционный монарх Николай был бы конституционным королем в Царстве Польском, в то время как Речь Посполитая, составленная из Царства Польского и Великого княжества Литовского управлялась бы Константином. Можно сказать, что Александр умер «в начале славных дел». Умер неожиданно при довольно странных не до конца проясненных обстоятельствах. К числу их следует отнести и неотмеченный еще в литературе факт. Личную охрану дома в Таганроге Александр, не доверявший гвардии, поручил казачьему полковнику С. С. Николаеву с отрядом казаков. Но начальник Главного штаба И. И. Дибич удалил Николаева из Таганрога, отправив его в Харьков на встречу со своим агентом И. В. Шервудом³⁷. Как только Николаев покинул Таганрог, в здоровье заболевшего царя наступил резкий перелом, приведший к трагическому концу 19 ноября 1825 года. После Александра осталось его завещание – осколок грандиозного плана. Но этот осколок привел к социальному катаклизму.

³⁶ Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия. М., 1990. С. 87.

³⁷ Междуцарствие в России с 19-го ноября по 14-ое декабря 1825-го года // Русская старина. 1882. Т. XXXV. С. 170.

Информация о статье

Автор: Сафонов Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия; ORCID: 9532-2216; e-mail: m.safonov@list.ru

Заголовок: Речь Посполитая в контексте междуцарствия

Аннотация: Междуцарствие вызывало интерес исследователей главным образом потому, что оно явилось прелюдией к открытому выступлению декабристской конспирации. Причины, благодаря которым вопрос о престолонаследии вызвал династический кризис, чуть было не приведший к падению самодержавия в России, интересовали историков в гораздо меньшей степени, нежели события на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. Между тем так называемое восстание декабристов в значительной степени явилось следствием тех же причин, вызвавших династический кризис, истоки которого следует искать в польской политике Александра I. Стремление российского императора, ставшего после Венского конгресса польским королем, восстановить Речь Посполитую в ее средневековых пределах во главе с цесаревичем Константином вызвало сопротивление различных слоев русского общества. Оно явилось одной из причин возникновения декабристской конспирации и, не будучи реализовано вследствие преждевременной кончины царя, запутало династическую ситуацию и спровоцировало выступление тайного общества.

Ключевые слова: Речь Посполитая, Царство Польское, Александр I, цесаревич Константин, великий князь Николай, престолонаследие, междуцарствие

Библиографический список

- Арш, Григорий Лбвович. Этеристское движение в России. Москва: Наука, 1970. 372 с.
- Архив графов Мордвиновых. Т. IV. С.-Петербург: Типография И.Н. Скороходова 1902. 673 с.
- Аскенази, Шимон. Царство Польское. 1815-1830. Москва: Книгоиздательство писателей в Москве, 1915. 167 с.
- Белоусов, Михаил Сергеевич. Незамеченный дворцовый переворот // Вестник С-Петербургского Государственного Университета. История. 2021. Т.66. Вып. 1. С. 79-97.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.105>
- Высочков, Леонид Владимирович. Николай I. Москва: Молодая гвардия, 2003. 693 с.
- Вернадский, Георгий Владимирович. Государственная Уставная Грамота Российской Империи 1820 года. Прага: Русская юридическая секция, 1925 263 с.
- Всепопданнейшая записка Н.Н. Новосильцева Александру I: историческая справка о соединении Литвы и Польши // Русская старина. 1882. Т. XXXV. . 142-144.
- Константиновский рубль. Москва: Финансы и статистика, 1991. 272 с.
- Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского. (1814-1881). С.-Петербург: Издательство Н.Д. Сергеевского, 1907. 148 с.
- Мартенс, Федор Федорович. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. III. С.-Петербург: Типография Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1876. 549 с.
- Междуцарствие в России с 19-го ноября по 14-ое декабря 1825-го года // Русская старина. 1882. Т. XXXV. С. 147-216.
- Мироненко, Сергей Владимирович. Страницы тайной истории самодержавия. Москва: Мысль, 1990. 237 с.
- Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. Ч. I. С.-Петербург: Типография Н. Тиблена, 1862. 240 с.
- Окунь, Семен Бенцианович. История России. 1796-1825. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1948. 492 с.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXIII. С.-Петербург: Типография II С.Е.И.В. Канцелярии, 1830. 1171 с.
- Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815-1830. Москва: Индрик, 2010. 583 с.
- Пресняков, Александр. Евгеньевич. 14 декабря 1825 года. Москва; Ленинград: Государственное издательство, 1926. 226 с.
- Сафонов, Михаил Михайлович. И. И. Дибич и декабризм // Личность в политических, экономических и культурных процессах российской истории. Материалы XVII Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 16-17 мая 2013 г. Москва: Экон-информ, 2013. С. 601-608.

Сафонов, Михаил Михайлович. Речь Посполитая и «Московский заговор» 1817 года // Россия – Польша. Два аспекта европейской культуры. Материалы XVIII Царскосельской научной конференции. С.-Петербург: Серебряный век, 2012. С. 491-503.

Шильдер, Николай Карлович. Император Александр Первый. Т. III. С.-Петербург: А.С. Суворин, 1905. 569 с.

Шильдер, Николай Карлович. Император Александр Первый. Т. IV. С.-Петербург: А.С. Суворин, 1998. 567 с.

Шильдер, Николай Карлович. Император Николай Первый. Кн. I. Москва: Чарли: Алгоритм, 1997. 748 с.

14 декабря 1825 года и его истолкователи. Москва: Наука, 1994. 455 с.

Якушкин, Иван Дмитриевич. Записки, статьи, письма, документы. Москва: Издательство АН СССР, 1951. 740 с.

Information about the article

Author: Safonov Mikhail Mikhailovich — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Saint-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia; ORCID: 9532-2216; e-mail: m.safonov@list.ru

Title: The Polish-Lithuanian Commonwealth in the context of the Interregnum

Abstract: The Interregnum aroused the interest of researchers mainly because it was a prelude to the overt action of the Decembrist conspiracy. The reasons why the issue of succession caused a dynastic crisis, which almost led to the fall of autocracy in Russia, interested historians to a much lesser extent than the events on Senate Square on December 14, 1825. Meanwhile, the so-called Decembrist uprising was largely the result of the same reasons that caused the dynastic crisis, the origins of which should be sought in the Polish policy of Alexander I. The desire of the Russian emperor, who became the Polish king after the Vienna Congress, to restore the Polish-Lithuanian Commonwealth in its medieval borders, led by Tsesarevich Konstantin, provoked resistance from various strata of Russian society. It was one of the reasons for the emergence of the Decembrist conspiracy and, not being implemented due to premature death of the tsar, confused the dynastic situation and provoked the secret society.

Keywords: Polish-Lithuanian Commonwealth, Kingdom of Poland, Alexander I, Tsesarevich Konstantin, Grand Duke Nicholas, succession to the throne, Interregnum

References

- Arsh, Grigoriy Lvovich. *Eteristkoye dvizhenie v Rossi*. [The etheric movement in Russia]. Moscow: Nauka Publ., 1970. 372 p. (in Russian).
- Arkhib grafov Mordvinovykh. [Archive of the Mordvinov Counts]. Vol. 4. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov Publ., 1902. 673 p. (in Russian).
- Askenazi, Shimon. *Czarstvo Pol'skoe. 1815–1830* [The Kingdom of Poland. 1815–1830]. Moscow: Knigoizdatel'stvo pisateley v Moskve Publ, 1915. 167 p. (in Russian).
- Belousov, Mikhail Sergeevich. Nezamechennyy dvorcovyy perevorot [An unnoticed Palace revolution], in *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2021. Vol. 66. Issue 1. Pp. 79–97. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.105> (in Russian).
- Vyskochkov, Leonid Vladimirovich. *Nikolay I* [Nicholas I] Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2003. 693 p. (in Russian).
- Vernadskiy, Georgiy Vladimirovich. *Gosudarstvennaya Ustavnaya Gramota Rossiyskoy Imperii 1820 goda* [The State Charter of the Russian Empire of 1820]. Praga: Russkaya yuridicheskaya sektsiya Publ., 1925. 263 p. (in Russian).
- Vsepoddanneyshaya zapiska N.N. Novosil'tseva Aleksandru I: istoricheskaya spravka o soedinenii Litvy i Pol'shi [The most obedient note of N.N. Novosiltsev to Alexander I: historical information about the union of Lithuania and Poland], in *Russkaya starina* [Russian Old Time]. 1882. Vol. XXXV. Pp. 142–144. (in Russian).
- Konstantinovskiy rubl'* [The Konstantinovsky ruble]. Moscow: Finansy i statistika Publ., 1991. 272 p. (in Russian).
- Konstitutsionnaya khartiya 1815 goda i nekotoryye drugiye akty byvshego Tsarstva Pol'skogo. (1814–1881)* [The Constitutional Charter of 1815 and some other acts of the former Kingdom of Poland. (1814–1881)]. St. Petersburg: N.D. Sergeevskiy Publ., 1907. 148 p. (in Russian).
- Martens, Fedor Fedorovich. *Sobraniye traktatov i konventsiy, zaklyuchennykh Rossiyye s inostrannymi derzhavami* [Collection of treaties and conventions concluded by Russia with foreign powers] Vol. 3. St. Petersburg: Ministerstvo putey soobshheniya (A. Benke) Publ., 1876. 549 p. (in Russian).
- Mezhdvuczarstvie v Rossii s 19-go noyabrya po 14-oe dekabrya 1825-go goda [The Interregnum in Russia from November 19th to December 14th, 1825], in *Russkaya starina* [Russian Old Time]. 1882. Vol. 35. Pp. 147–216. (in Russian).
- Mironenko, Sergey Vladimirovich. *Stranitsy taynoy istorii samodержавiya* [Pages of the secret history of autocracy]. Moscow: Mysl' Publ., 1990. 237 p. (in Russian).

- Nezdanny`e sochineniya i perepiska Nikolaya Mixajlovicha Karamzina* [Unpublished writings and correspondence of Nikolai Mikhailovich Karamzin]. Part. I. St. Petersburg: N.Tiblen Publ., 1862. 240 p. (in Russian).
- Okun`, Semen Bencianovich. *Istoriya Rossii. 1796–1825* [The history of Russia. 1796–1825]. Leningrad: Leningrad University Publ., 1948. 492 p. (in Russian).
- Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe* [The complete collection of laws of the Russian Empire. The first collection]. Vol. 33. St. Petersburg: II S.E.I.V. Kancelyariya Publ., 1830. 1171 p. (in Russian).
- Pol`sha i Rossiya v pervoj treti XIX veka. Iz istorii avtonomnogo Korolevstva Pol`skogo. 1815-1830* [Poland and Russia in the first third of the XIX century. From the history of the Autonomous Kingdom of Poland. 1815–1830]. Moscow: Indrik Publ., 2010. 583 p. (in Russian).
- Presnyakov, Aleksandr Evgen`evich. *14 dekabrya 1825 goda*. [December 14, 1825]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel`stvo Publ., 1926. 226 p. (in Russian)
- Safonov, Mikhail Mikhaylovich. I.I. Dibich i dekabrizm [Dibich and decabrism], in *Lichnost' v politicheskikh, ekonomicheskikh i kul'turnykh protsessakh rossiyskoy istorii. Materialy XVII Vserossiyskoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii* [Personality in political, economic, and cultural processes of Russian history. Proceedings of the XVII All-Russian scientific-theoretical conference]. Moscow, RUDN University, May 16–17, 2013. Moscow: Ekon-inform Publ., 2013. Pp. 601–608. (in Russian).
- Safonov, Mikhail Mikhaylovich. Rech' Pospolitaya i «Moskovskiy zagovor» 1817 goda [The Polish-Lithuanian Commonwealth and the "Moscow Conspiracy" of 1817], in *Rossiya – Pol`sha. Dva aspekta evropejskoy kul'tury`. Materialy` XVIII Czarskosel`skoy nauchnoy konferencii* [Russia – Poland. Two aspects of European culture. Proceedings of the XVIII Tsarskoye Selo scientific conference]. St. Petersburg: Serebryanny vek Publ., 2012. Pp. 491–503. (in Russian).
- Shil'der, Nikolay Karlovich. *Imperator Aleksandr Pervyy* [Emperor Alexander the First]. Vol. 3. St. Petersburg: A.S. Suvorin Publ., 1905. 569 p. (in Russian).
- Shil'der, Nikolay Karlovich. *Imperator Aleksandr Pervyy*. [Emperor Alexander the First]. Vol. 4. St. Petersburg: A.S. Suvorin Publ., 1998. 567 p. (in Russian).
- Shil'der, Nikolaj Karlovich. *Imperator Nikolaj Pervyj*. [Emperor Nicholas the First] Kn. I. Moscow: Charli: Alogoritm Publ., 1997. 748 p. (in Russian).
- 14 dekabrya 1825 goda i ego istolkovateli* [December 14, 1825 and its interpreters]. Moscow: Nauka Publ., 1994. 455 p. (in Russian).
- Yakushkin, Ivan Dmitriyevich. *Zapiski, stat`i, pis`ma, dokumenty`* [Memoirs, articles, letters, documents]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1951. 740 p. (in Russian).

Для цитирования статьи:

Сафонов М. М. Речь Посполитая в контексте междуцарствия. *Caurus*. 2022. Т. 1. № 2. С. 68–80. DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-68-80

For citation:

Safonov M. M. The Polish-Lithuanian Commonwealth in the context of the Interregnum. *Caurus*. 2022. Vol. 1(2). P. 68–80. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-68-80

УДК 94(474.3):725.945
ББК 63.3(4Лат)+85.136.1
DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-81-91

Т. Плат

ИНТЕГРАЦИЯ ТРЕТЬЕЙ ЗВЕЗДЫ. ФРАНЦИС КЕМПС И СУДЬБА ЛАТГАЛИИ 1917–1920 ГОДОВ

Введение

Три звезды на Памятнике Свободы в Риге свидетельствуют о том, что тема единства латышской, куршской и латгальской наций обладала особым значением в эпоху возникновения Латышского национального государства, которая началась после Первой мировой войны. В отличие от Эстонии и Литвы, сохранивших в ходе войны территориальное единство, земли, населенные латышами, с одной стороны, были разделены линией фронта, проходившего по Западной Двине (Даугаве), что само по себе значительно затрудняло создание латышской государственности в конце войны, а, с другой стороны, включение в состав Латвийского национального государства области Латгалии, фигурирующей на памятнике в качестве «третьей звезды», в тот момент отнюдь не было само собой разумеющимся, поскольку ее историческое развитие, по крайней мере со времени перехода Ливонии под власть Швеции в 1629 году, осуществлялось иначе, чем развитие двух других соседствующих с ней областей («звезд»), Ливонии (Латвийской Видземе) и Курляндии¹.

Ожиданий того, что Латгалия непременно войдет в состав нового Латвийского государства, в Прибалтике до начала войны совершенно не наблюдалось, и программа такого рода возникла в результате сложного процесса, протекавшего в условиях революций в России и Германии. В связи с ее возникновением уместно отметить три фактора – во-первых, внешнеполитическую ситуацию, которая породила возможность образования в Балтийском регионе новых суверенных государств; во-вторых, внутривнутриполитическую ситуацию, существовавшую на то время в Латгалии, и, в-третьих, характер и политический настрой латгальской интеллектуальной элиты, игравшей активную роль в разрешении «национального вопроса» в период формирования латышской государственности. Особое внимание в данной статье уделяется латгальскому политическому деятелю Францису Кемпсу, который в этом процессе хотя и не был совсем безвестной фигурой, но на этом конкретном этапе играл весьма противоречивую роль и потому заслуживает особого разговора².

¹ Введение в историю Латгалии: Zeile P. Latgales kultūras vēsture. No akmens laikmeta līdz mūsdienām. Rēzekne, 2006. 746 p.; Fjodorovs F. (Hg.). Latgale kā kultūras pierobeža. Daugavpils, 2008. 486 p.

² Jēkabsons Ē., Ščerbinskis V. Latgaliešu politiķi un politiskās partijas neatkarīgajā Latvijā. Rīgā: Jumava, 2006. P. 72-74.

Внешние факторы

Подобно Балтийскому региону в целом Латгальская область в период от русской революции 1917 года и до конца так называемой латвийской войны за Независимость 1920 года находилась в зоне внешнеполитического влияния различных держав включая Россию, Германию, Великобританию, Польшу и Литву³. Что касается Германии, то, она хоть и не могла выдвинуть в отношении прибалтийских республик каких-либо серьезных исторически обоснованных претензии, в 1918 году на время оккупировала регион и даже после своего поражения в войне продолжала сохранять там роль важного политического фактора⁴. Литва, в свою очередь, могла заявить исторические претензии на юг региона и на короткое время имела там военное присутствие, но быстро прекратила свою деятельность по причине более насущных для нее проблем, касающихся Вильнюса и Вильнюсского района⁵. Польша как одна из составных частей Речи Посполитой имела в отношении региона такие же исторические претензии, принимала активное участие в боевых действиях 1920 года и даже завоевала крупный город Двинск (Даугавпилс, Дунабург), но являлась союзницей молодого Латвийского государства и не могла преследовать никаких экспансионистских целей в регионе, используя благоприятную ввиду ведения боевых действий против Советской России внешнеполитическую обстановку⁶. Сама Советская Россия после боев на территории Латгалии в августе 1920 года заключила сепаратный мир с Латвией, чтобы иметь возможность мобилизовать свои силы против Польши, что означало окончательное закрепление суверенитета Латвийской республики и неприкосновенность ее государственных границ⁷. При перечислении держав, вовлеченных в военный конфликт из-за Прибалтики, не менее важно учитывать факт распада Германской и Российской империй, который создал известный вакуум власти в Северо-Восточной Европе, затронувший и Латгалию⁸. Другим следствием этого обстоятельства было усиление влияния там западных держав, прежде всего, Великобритании⁹.

Германия и Россия проиграли войну, а произошедшие у них революции к тому же покончили с монархиями, что, помимо чисто властно-политического значения на событийно-историческом уровне, заставляет обратить внимание на нормативно-правовой аспект политической трансформации региона. Поскольку

³ Henn J. v., Rimscha H. v., Weiss Hellmuth (Hg.). Von den baltischen Provinzen zu den baltischen Staaten. 1 Band. Marburg: Herder-Institut, 1971. 343 s.

Henn J. v., Rimscha H. v., Weiss Hellmuth (Hg.). Von den baltischen Provinzen zu den baltischen Staaten. 2 Band. Marburg: Herder-Institut, 1977.

⁴ Cerūzis R. Vācu faktors Latvijā (1918–1939). Politiskie un starpnacionālie aspekti. Rīga, 2004. 294 p.

⁵ Jēkabsons Ē. Lietuvieši Latvijā Neatkarības kara laikā 1918.–1920.gadā // Latvijas Universitātes Žurnāls Vēsture. 2017. Vol. 4. S. 13–85.

⁶ Jēkabsons Ē. Piesardzīgā draudzība. Latvijas un Polijas attiecības 1919. un 1920. gadā. Rīga, 2007. 244 p.

⁷ Puga A. Eiropa. Latvijas un Krievijas 1920. gada miera līgums; dokumenti, liecības un atziņas. Rīga, 2010. 258 p.

⁸ Volkman H.-E. Die deutsche Baltikumpolitik zwischen Brest-Litovsk und Compiègne: ein Beitrag zur „Kriegszielsdiskussion“. Köln, 1970. 283 s; Knigge J. Kontinuität deutscher Kriegsziele im Baltikum. Deutsche Baltikum-Politik 1918/19 und das Kontinuitätsproblem. Hamburg, 2003. 122 s.

⁹ Jēkabsons Ē. Lielbritānijas flotes vienības Rīgā kauju laikā ar Bermonta spēkiem 1919. gada 8.–27. oktobrī. // Tēvijas sargs. 2016. Vol. 10. S. 28–30.

новообразованные прибалтийские государства ранее входили в состав Российской империи, то так называемые освободительные войны, проходившие там в 1917-1920-х годах, вполне можно понимать как составную часть российской гражданской войны, явившейся следствием русской революции 1917 года, тем более что представители «белого движения» в русской армии действовали также в Эстонии и Латвии¹⁰. При решении вопроса о территориальной принадлежности Латгалии это означало, что в дополнение к спору об ее месте в рамках национального Латвийского государства серьезные альтернативы предполагал социоинтернациональный характер проблемы, ставивший вопрос об интеграции или реинтеграции Латгалии в империю, будь то империя Германская или Российская, в случае их возможной реставрации¹¹.

Что касается вариантов вхождения Латгалии в то или иное национальное государство Балтии, то в этом случае особо значимым, безусловно, было то, что эти государства только зарождались и их границы еще не стабилизировались, что не исключало осуществление различных национально-этнических слияний. Так, например, параллельно с перспективой создания эстонско-финского объединения похожие проекты возникали относительно латвийско-литовского союза, за возникновение которого выступал не кто иной, как латышский писатель Янис Райнис, чье политическое влияние в годы указанных перемен, однако, отошло на задний план в связи с его изгнанием. В 1916 году Франциск Кемпс в основанном им латгальском журнале «Дрыва» («Drywa») также высказывался за создание Балтийского федеративного государства - не путать с Балтийским княжеством немцев, - которое должно было состоять из трех автономных образований Латвии, Латгалии и Литвы, наделенных равными правами. Суммируя все эти варианты, становится ясно, что внешнеполитический контекст решения вопроса о территориальной принадлежности и статусе Латгалии в постреволюционный период был чрезвычайно сложным и не предполагал однозначного решения¹².

Внутренние факторы

Но чего хотели жители Латгалии? Для ответа на этот вопрос имеет смысл, в первую очередь, обратиться к этническому составу ее населения, которое в отличие от населения других латвийских областей характеризовалось значительно большим разнообразием¹³.

При всей осторожности в отношении точных цифр, малодостоверных уже в силу слабого национального самосознания населения, имеющиеся данные ясно указывают, по крайней мере, на два обстоятельства. Во-первых, речь идет об уже упомянутой относительно высокой доле национальных меньшинств в регионе – латышей, русских, белорусов, поляков, евреев (следует помнить, что только одно

¹⁰ Brüggenmann K. Die Gründung der Republik Estland und das Ende des "Einen und unteilbaren Rußland". Die Petrograder Front des Russischen Bürgerkriegs 1918–1920. Wiesbaden: Harrassowitz, 2002. 514 s.

¹¹ Прибалтика между двумя революциями. Германские добровольцы в антибольшевистской борьбе / сост., пер. Л. В. Ланник. СПб., 2021. 416 с.

¹² Kempis F. Latgolijas nākotne // Drywa. 1916. S. 2.

¹³ Soms H. Regional identity of Latgale. Rīga, 2002. 142 p.

русское население там разделялось на две примерно равные группы старообрядцев и православных), а, во-вторых, нельзя не заметить значительное сокращение еврейского населения, что можно объяснить, прежде всего, переселенческими мероприятиями Российской империи в качестве реакции на немецкое наступление 1915 года, а также случаями еврейских погромов¹⁴.

Однако факт этнической разнородности населения Латгалии сам по себе мало что говорит об его политических взглядах. В этой связи следует сослаться на мнение Инесе Рунсе, справедливо заметившую, что о политических взглядах национальных меньшинств Латгалии до Первой мировой войны практически ничего не известно. Концепция Тары Зары об их «национальном безразличии», вероятно, является наиболее подходящей в качестве парадигмы для описания и изучения национальной принадлежности этих людей в свете их собственных представлений¹⁵.

Что касается латышскоговорящего населения Латгалии, то, в первую очередь, тут необходимо учитывать различие в отношении национального самоопределения между протестантским меньшинством и католическим большинством; заметим, что случае с последним доминирующим языком был латгальский. По аналогии с литовским национальным движением и при схожих обстоятельствах — вспомним в этой связи существовавший в прибалтийских губерниях России до 1904 года запрет на печатание латинских букв, — в начале XX века в латгальской среде возникла некая преимущественно духовная элита активистов, которые, согласно мнению Мирослава Хроха, на первом этапе построения модели государственности в Латвии открыла и даже «изобрела» латгальскую культуру и язык¹⁶. Как и в случае с Латвией, местом возникновения этого национального движения был Санкт-Петербург¹⁷, а ее наиважнейшим лидером Францис Трасунс. Однако именно его ученик Францис Кемпс впервые использовал термин «Латгалия», который произвел от средневекового наименования народности «лотыгола», и 1906 году издал первый журнал на латгальском языке под названием «Гайсма». В 1916 году в Петрограде он также основал первую латгальскую партию *Darba Lauzupartija*, что переводится как Партия рабочего народа, которая демонстрирует пролетарское влияние петроградской метрополии на латгальское национальное движение¹⁸. Стейманис, в свою очередь, убеждает, что Рабочая партия Кемпса была политически близка русским эсерам. Также не является случайностью, что Францис Кемпс поставил себя в авангард этого социалистического движения и был первым активистом латгальского общественного движения, кто отказался от духовного образования (в 1913 году Кемпс завершил светское обучение в качестве инженера-строителя)¹⁹.

¹⁴ *Dribins L.* Antisemītisms un tā izpausmes Latvijā. Vēstures atskats // *Latvijas Vēsturnieku Komisijas raksti*. Rīga, 2002. Vol. 4. P. 11–62.

¹⁵ *Zahra T.* Imagined Noncommunities: National Indifference as a Category of Analysis // *Slavic review*. 2010. Vol. 69 (1). P. 93–119.

¹⁶ *Hroch M.* Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas: eine vergleichende Analyse zur gesellschaftlichen Schichtung der patriotischen Gruppen. Praha, 1968. 171 s; *Anderson B.* Imagined communities. Reflections on the crigin and spread of nationalism. London, New York, 2016. 256 p.

¹⁷ *Zeile P.* Latgales kultūras vēsture. No akmens laikmeta līdz mūsdienām...P. 366.

¹⁸ *Jēkabsons Ē., Ščerbinskis V.* Latgaliešu politiķi un politiskās partijas neatkarīgajā Latvijā... P. 73.

¹⁹ *Šteimans J.* Latgale. 1914–1920. Rēzekne: Latgales Kultūras Centra Izdevniecība, 2005.P. 19.

С другой стороны, следует отметить, что в самой Латгалии на тот момент еще не сформировалось национальное политическое ядро и большинство населения все еще было настроено решительно про-католически. В экономическом плане там преобладали одиночные, мелкие и маложизнеспособные хозяйства, что немало способствовало усилению иммиграции. Основным ее направлением сначала стала Сибирь, а затем Санкт-Петербург, где описанная выше группа молодых латгальских активистов обрела контакты с численно возраставшим латгальским рабочим классом²⁰. В результате социо-культурные позиции латышско-латгалоязычного населения Латгалии обрели известную противоречивость - с одной стороны, Латгалия как «отсталый» регион в массе порождал в среде местного населения устойчивый консерватизм, однако, с другой стороны, сотрудничество немногочисленной интеллектуальной элиты и прогрессивно настроенной рабочей среды, которое происходило в далекой имперской столице, создавало условия для политической консолидации внутри латгальского сообщества. Наряду с развитием латышского национального движения Первая мировая война привнесла прогресс в практику оформления различных общественных институций; в частности, вскоре после создания организаций латышских беженцев было основано Латгальское общество беженцев, членами которого стали все известные латгальские деятели Петрограда²¹.

Францис Кемпс и «судьба Латгалии» с 1917 года

Весной 1917 года активисты вышеназванного общества собирались в его помещении, чтобы обсудить надлежащую реакцию на Февральскую революцию и дальнейшую судьбу трех латгальских уездов - Лудзенского, Резекненского и Двинского в составе Витебской губернии. Этот так называемый первый Латгальский конгресс собрался 26 апреля 1917 года в Режице при участии 232 делегатов; на нем было решено объединить три уезда и добиваться их объединения с другими латышскими областями, с Ливонией и Курляндией. Между Францисом Трасунсом, с одной стороны, и Францисом Кемпсом - с другой, произошел ожесточенный спор. Кемпс проиграл и со своими сторонниками покинул конгресс. Принципиальное различие позиций заключалось в том, что Кемпс хотел проводить более радикальную социальную политику в русле программы своей Рабочей народной партии, а именно, осуществить немедленную и безвозмездную экспроприацию крупных землевладельцев, и, как сказано выше, был близок к политической платформе русских эсеров. Однако более решающим и известным значением съезда в Режице было различие во взглядах представителей двух группировок на отношения между Латгальским краем и остальной Латвией. В то время как Трасунс выступал за скорейшее объединение Латгалии с двумя другими губерниями, Кемпс настаивал на ее автономном статусе, подобном статусу латвийских губерний, который существовал тогда в отношении российской центральной власти и никем не ставился под сомнение - ни Трасуном, ни Кемпсом. Точка зрения Трасунса победила, в результате чего на основе к тому времени уже созданного Земского совета Ливонии был

²⁰ Zeile P. Latgales kultūras vēsture. No akmeņa laikmeta līdz mūsdienām... С. 366.

²¹ Šteimans J. Latgale... P.12–13.

сформирован Временный земский совет Латгалии, который должен был представить решения конгресса в Петроград, что в отличие от подобного случая в Эстонии, не увенчалось успехом²². В отношении указанного съезда примечателен тот факт, что представители нелатышского, в частности, русского населения там не имели права голоса, хотя им предполагалось наличие у них представительства в Земском совете. По этой причине в ответ на этот съезд русскоязычное население Латгалии в начале июля 1917 года организовало свой съезд, который высказался за ее сохранение в составе Витебской губернии²³.

Представители различных этнических групп пришли к соглашению лишь на II Латгальском съезде, который состоялся в декабре 1917 года при совершенно иных политических обстоятельствах. В связи с непрекращавшимися боевыми действиями в непосредственной близости от Прибалтики и обострением внутривнутриполитической обстановки в России дальнейших изменений в вопросе о государственно-административной принадлежности Латгальского края в первые несколько месяцев после I Латгальского съезда не произошло. Только после Октябрьской революции, а именно, 3 декабря 1917 года, 343 делегата снова собрались в Режице на II Латгальский съезд. В их числе присутствовало 297 латышей, включая 242 человека из Латгалии, а также 27 русских, 5 поляков и по два белоруса и еврея, что, однако, не соответствовало пропорциональному соотношению этих народов в составе населения Латгалии. Хотя Францис Кемпс и другие представители интеллигенции снова были привлечены к участию в этом съезде, в завязавшейся дискуссии возобладало про-социалистическое, большевистское течение, особо распространенное в солдатских советах, которые оказывали большое влияние на положение дел ввиду близости фронта. Съезд выступил за отделение Латгалии от Витебской губернии и за присоединение к Ливонии, что на этот раз было одобрено большевистским руководством Петрограда 14 декабря 1917 года, и тем самым был представлен первый проект объединения Латгалии с другими латышскими областями под руководством большевистского Исколата²⁴.

И хотя позиция латгальских социалистов из среды рабочих Петрограда, как и до 1917 года, диссонировала настрою консервативного, в массе своей аполитичного сельского населения региона в отношении к большевистской власти в Латгалии. Парадоксальным образом она сохранялась там долго при наименьшей поддержке со стороны местного населения, по крайней мере, в сравнении с латышской Ливонией - осенью 1917 года поддержка большевиков населением составляла там 70%, тогда как в Латгалии — только 40%²⁵.

Разногласия между Кемпсом и большевистским руководством латгальского сообщества, проявившиеся на II Латгальском съезде, обусловили, помимо непродолжительного тюремного заключения в 1919 году, перехода Кемпса как

²² Šteimans J. Latgale...P. 14-22.

²³ Miniņš A. Latvijas valstiskuma alternatīvas 1917.–1920. gadā: Sadalīta // Latvija Latgale kā kultūras pierobeža. Daugavpils: Saule, 2008. P. 43. Урбанович Я. Как создавали Латвию. 1917: конгресс в Резекне, с которого началась история Латвийской Республики. Рига: Балтийский форум, 2017. 160 с.

²⁴ Ezergailis A. The Latvian Impact on the bolshevik revolution...

²⁵ Šteimans J. Latgale...P.22.

политического деятеля под влияние, с одной стороны, большевиков, с другой стороны - Германии. Это снова изменилось только с вхождением на территорию Латгалии национальных латышских войск в январе 1920 года, когда Кемпс стал первым комендантом города Режице. Он также помирился с Франциском Трасунсом в первые же годы существования Латвийской республики, сначала он вместе с ним работал в Учредительном собрании, а в 1924 году с ним даже создал единую Латгальскую демократическую партию. Вместе с тем его политические успехи были довольно скромны, и потому он перешел на административную службу²⁶. При режиме Улманиса несколько раз арестовывали, но в 1937 году он опубликовал свое главное сочинение «Судьба Латгалии», в котором он был вынужден восславил Улманиса как великого отца страны, а также провозгласил Латгалию неотъемлемой частью Латвии²⁷. В разделах этой книги Кемпс сформулировал свое видение решения «восточного вопроса» для Латгалии, согласно которому белорусов Латгалии, как и белорусское население Западной Беларуси, следует считать латгальцами, вследствие чего границу Латгалии следовало бы сдвинуть на восток – подобных мыслей Кемпса конца 1930-х годов в 1917 году у него еще не существовало. Кемпс пережил Вторую мировую войну, работая в качестве инженера при гитлеровском и советском режимах, но потом его имущество было экспроприровано Советами, а самого его в 1949 году депортировали в Сибирь, где он погиб при пожаре в 1952 году²⁸.

Заключение

Присоединение Латгалии к новообразованному Латвийскому национальному государству можно назвать весьма случайным событием, как и консолидацию территорий самого Латвийского государства, которая имела место в 1918-1920 годах. Многочисленные внешнеполитические альтернативы, как и слабая внутренняя поддержка подобной идеи в 1917 году, тогда делали такой результат маловероятным. Только то обстоятельство, что участие национальных меньшинств Латгалии в I Латгальском съезде 1917 года оказалось фактически исключено и положение о создании единого демократического латышского национального государства оказалось вне сферы внимания участников II Латгальского съезда в том же 1917 году, привело к включению Латгалии в конгломерат населенных латышами территорий. То обстоятельство, что большевистская власть просуществовала там особенно долго, хотя условия для того были там наиболее слабы, еще больше усиливало потенциал поддержки идеи слияния Латгалии с демократическим латышским национальным государством.

Роль Кемпса в этом процессе весьма противоречива. С одной стороны, он прославился как основатель первой латгальской газеты, основатель первой латгальской политической партии и один из инициаторов проведения Первого латгальского съезда. Однако в силу объективных причин его идея обширной латгальской автономии или даже независимости Латгалии потерпела поражение, и

²⁶ Jēkabsons Ē., Ščerbinskis V. Latgaliešu politiķi un politiskās partijas neatkarīgajā Latvijā...P. 74.

²⁷ Kempis F. Latgales likteņi. Rīga: Avots, 1991. 198 p.

²⁸ Jēkabsons Ē., Ščerbinskis V. Latgaliešu politiķi un politiskās partijas neatkarīgajā Latvijā...P.74.

позже, в годы правления Улманиса, он был вынужден сделать свои представления о латгальской автономии более сдержанными. Пример Кемпса делает перспективным сравнительный подход к политическим деятелям того времени, например, к таким гораздо более, чем Кемпс, известным людям как Ю. Пилсудский и С. Петлюра, поскольку их политическая деятельность, как и в случае с Кемпсом, также имела корни в социалистическом революционном движении времен существования Российской империи, что не помешало им впоследствии прославиться как национальные герои. Подобная слава досталась Кемпсу в гораздо меньшем объеме. Его явно затмевает Францис Трасунс, который, говоря словам Яниса Чаксте, добавил третью звезду на герб Латвии. Понравилось бы ему, Кемпсу, нынешнее прославление его в числе латгальских сепаратистов - сомнительно, хотя вопросы такого рода все еще остаются открытым.

Информация о статье

Автор: Плат Тильман – доктор исторических наук, университет Грайфсвальда им. Э. М. Арндта, Германия; e-mail: tilman.plath@uni-greifswald.de

Заголовок: Интеграция третьей звезды. Францис Кемпс и судьба Латгалии 1917–1920 годов

Аннотация: В статье рассматривается процесс вхождения области Латгалия в состав Латвийского национального государства. Основное внимание уделяется кульминационному этапу этого процесса, который имел место с апреля по декабрь 1917 года в период между первым и вторым Латгальскими конгрессами. Среди выводов особо значимо утверждение, что административное включение Латгалии в состав государственной территории Латвии во многом предопределялось внешнеполитическими последствиями русской революции 1917 года, а также внутренними обстоятельствами, связанными с отсутствием у политического руководства Латгалии единства в решении связанного с этой областью «национального вопроса». При рассмотрении этой проблемы особо подчеркивается амбивалентная роль латгальского политика Франсиса Кемпса, который играл ключевую роль в развитии латгальской политической культуры и своими социополитическими взглядами соответствовал духу времени, но в решающую фазу политической борьбы 1917 года потерпел поражение от противников автономизации Латгалии, был незаслуженно забыт и только в настоящее время вновь обретает известность выдающегося политического деятеля постреволюционной эпохи.

Ключевые слова: Латвийское государство, русская революция, национальные движения, Латгалия, конец Первой мировой войны, Гражданская война в России

Библиографический список

- Прибалтика между двумя революциями. Германские добровольцы в антибольшевистской борьбе / сост., пер. Л. В. Ланник. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. 416 с.
- Урбанович Я. Как создавали Латвию. 1917: конгресс в Резекне, с которого началась история Латвийской Республики. Рига: Балтийский форум, 2017. 160 с.
- Anderson B. Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism. London, New York: Verso, 2016. 256 p.
- Brüggemann K. Die Gründung der Republik Estland und das Ende des "Einen und unteilbaren Rußland". Die Petrograder Front des Russischen Bürgerkriegs 1918–1920. Wiesbaden: Harrassowitz, 2002. 514 s.
- Cerūzis R. Vācufaktors Latvijā (1918–1939). Politiskie un starpnacionālie aspekti. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2004. 294 p.
- Dribins L. Antisemitisms un tautāizpaušmes Latvijā. Vēstures atskats // Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti. Rīga: Latvijas Vēstures institūta apgāds, 2002. Vol. 4. P. 11–62.
- Ezergailis A. The Latvian Impact on the bolshevik revolution. The 1. phase: September 1917 to April 1918. Boulder: East European Monographs, 1983. 432 p.
- Fjodorovs F. (Hg.). Latgale kā kultūras pierobeža. Daugavpils: Saule, 2008. 486 p.

- Henn J. v., Rimscha H. v., Weiss Hellmuth (Hg.). Von den baltischen Provinzen zu den baltischen Staaten. 1 Band. Marburg: Herder-Institut, 1971. 343 s.
- Henn J. v., Rimscha H. v., Weiss Hellmuth (Hg.). Von den baltischen Provinzen zu den baltischen Staaten. 2 Band. Marburg: Herder-Institut, 1977.
- Hroch M. Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas: eine vergleichende Analyse zur gesellschaftlichen Schichtung der patriotischen Gruppen. Praha, 1968. 171 s.
- Jēkabsons Ē. Piesardzīgā draudzība. Latvijas un Polijas attiecības 1919. un 1920. gadā. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2007. 244 p.
- Jēkabsons Ē. Lielbritānijas flotes vienības Rīgā kaujulaikā ar Bermontaspēkiem 1919. gada 8.–27. oktobrī. // Tēvijassargs. 2016. Vol. 10. S. 28–30.
- Jēkabsons Ē. Lietuvieši Latvijā neatkarības karalaikā 1918.–1920. gadā // Latvijas Universitātes Žurnāls Vēsture. 2017. Vol. 4. S. 13–85.
- Jēkabsons Ē., Ščerbinskis V. Latgāļu politiskā un politiskās partijas neatkarīgajā Latvijā. Rīga: Jumava, 2006. 303 p.
- Kemps F. Latgolijas nākotne // Drywa. 1916. S. 2.
- Kemps F. Latgales likteņi. Rīga: Avots, 1991. 198 p.
- Knigge J. Kontinuität deutscher Kriegsziele im Baltikum. Deutsche Baltikum-Politik 1918/19 und das Kontinuitätsproblem. Hamburg: Kovač, 2003. 122 s.
- Miniņš A. Latvijas valstiskuma alternatīvas 1917.–1920. gadā: Sadalīta // Latvija Latgale kā kultūras pierobeža. Daugavpils: Saule, 2008. P. 40–50.
- Pētersone, Inta (Hg.). Latvijas Brīvības cīņās. 1918–1920. Rīga: Preses Nams, 1999. 446 p.
- Puga A. Eiropa. Latvijas un Krievijas 1920. gadamierlīgums; dokumenti, liecības un atziņas. Rīga: Zvaigzne ABC, 2010. 258 p.
- Soms H. Regional identity of Latgale. Rīga, 2002. 142 p.
- Šteimans J. Latgale. 1914–1920. Rēzekne: Latgales Kultūras Centra Izdevniecība, 2005.
- Volkman H.-E. Die deutsche Baltikumpolitik zwischen Brest-Litovsk und Compiègne: ein Beitrag zur „Kriegszielsdiskussion“. Köln: Böhlau Verlag, 1970. 283 s.
- Zahra T. Imagined Noncommunities: National Indifference as a Category of Analysis // Slavic review. 2010. Vol. 69 (1). P. 93–119.
- Zeile P. Latgales kultūras vēsture. Noakmenslaikmeta līdz mūsdienām. Rēzekne: Latgales Kultūras Centra Izdevniecība, 2006. 746 p.

Information about the article

Author: Plath Tilman — Doctor of Historical Sciences, Ernst-Moritz-Arndt University of Greifswald, Germany; e-mail: tilman.plath@uni-greifswald.de

Title: Integration of the third star. Francis Kemps and the fate of Latgale in 1917–1920

Abstract: The article considers how the Latgale region became a part of the Latvian state. The focus is on the crucial phase, which took place from April to December of 1917 between the first and second Latgale Congresses. First, it is argued that the administrative incorporation of Latgale into Latvia's territories is largely due to foreign policy consequences in the context of Russian Revolution of 1917, and to the domestically divided Latgalian political leadership as well. Second, the ambivalent role of the Latgalian politician Francis Kemps is highlighted, who on the one hand played a key role in the development of Latgalian political culture and was close to the zeitgeist with his socialist views, but on the other hand experienced a political defeat in the decisive political phase of 1917 and only now regains fame as an outstanding political.

Keywords: the Latvian state, Russian Revolution, national movements, Latgale, the end of World War I, Russian Civil War

References

- Anderson Benedict. *Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism*. London, New York: Verso, 2016. 256 p.
- Brüggemann Karsten. *Die Gründung der Republik Estland und das Ende des "Einen und unteilbaren Rußland". Die Petrograder Front des Russischen Bürgerkriegs 1918–1920 [The establishment of the Republic of Estonia and the end of the "One and indivisible Russia". The Petrograd Front of the Russian Civil War]*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2002. 514 p. (in German).

- Cerūzis Raimonds. *Vācufaktors Latvijā (1918–1939). Politiskie un starpnacionālie aspekti [German factor in Latvia (1918–1939). Political and interethnic aspects]*. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2004. 294 p. (in Latvian).
- Dribins Leo. Antisemitisms un tā izpausmes Latvijā. Vēstures atskaits [Anti-Semitism and its manifestations in Latvia. Historical Review], in *Latvijas Vēsturnieku Komisijas raksti. Rīga: Latvijas Vēstures Institūta Apgāds*, 2002. Vol. 4. Pp. 11–62. (in Latvian)
- Ezergailis Andrew. *The Latvian Impact on the bolshevik revolution. The 1 Phase: September 1917 to April 1918*. Boulder: East European Monographs, 1983. 432 p.
- Fjodorovs Fjodors (Hg.). *Latgale kā kultūras pierobeža [Latgale as a cultural frontier]*. Daugavpils: Saule, 2008. 486 p. (in Latvian).
- Henn Jürgen v., Rimscha H. v., Weiss Hellmuth (Hg.). *Von den baltischen Provinzen zu den baltischen Staaten [From the Baltic provinces to the Baltic States]*. 1 Band. Marburg: Herder-Institut, 1971. 343 p. (in German).
- Henn Jürgen v., Rimscha H. v., Weiss Hellmuth (Hg.). *Von den baltischen Provinzen zu den baltischen Staaten [From the Baltic provinces to the Baltic States]*. 2 Band. Marburg: Herder-Institut, 1977. (in German).
- Hroch Miroslav. *Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas: eine vergleichende Analyse zur gesellschaftlichen Schichtung der patriotischen Gruppen [The champions of the national movement among the small peoples of Europe: a comparative analysis of the social stratification of patriotic groups]*. Praha, 1968. 171 p. (in German).
- Jēkabsons Ēriks. *Piesardzīgā draudzība. Latvijas un Polijas attiecības 1919. un 1920. gadā [Cautious friendship. Latvian-Polish relations in 1919 and 1920]*. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2007. 244 p. (in Latvian).
- Jēkabsons Ēriks. Lielbritānijas flotes vienības Rīgā kaujā laikā ar Bermontaspēkiem 1919. gada 8.–27. Oktobrī [Units of the British fleet in Riga during the battles with Bermont forces October 8–27, 1919], in *Tēvijassargs*. 2016. Vol. 10. Pp. 28–30. (in Latvian).
- Jēkabsons Ēriks. Lietuvieši Latvijā Neatkarības karalaikā 1918.–1920. gadā [Lithuanians in Latvia during the war of independence in 1918–1920] in: *Latvijas Universitātes Žurnāls Vēsture*, 2017. Vol. 4. Pp. 13–85. (in Latvian).
- Jēkabsons Ēriks, Ščerbinskis Valters. *Latgaliešu politiskie un politiskās partijas neatkarīgajā Latvijā [Latgalian politicians and political parties in independent Latvia]*. Rīgā: Jumava, 2006. 303 p. (in Latvian).
- Kemps Francis. Latgolijas nākotne [Future of Latgale], in *Drywa*, 1916. P. 2. (in Latvian).
- Kemps Francis. Latgales likteņi [Destinies of Latgale]. Rīga: Avots, 1991. 198 p. (in Latvian).
- Knigge Jobst. *Kontinuität deutscher Kriegsziele im Baltikum. Deutsche Baltikum-Politik 1918/19 und das Kontinuitätsproblem [Continuity of German war objectives in the Baltic States. German Baltic Politics 1918/19 and the continuity problem]*. Hamburg: Kovač, 2003. 122 p. (in German).
- Miniņš Aldis. Latvijas valstiskuma alternatīvas 1917.–1920. gadā: Sadalīta [Alternatives to Latvian statehood in 1917–1920: Sadalīta], in *Latvija Latgale kā kultūras pierobeža*. Daugavpils: Saule, 2008. Pp. 40–50. (in Latvian).
- Pētersone Ienta (Hg.). *Latvijas Brīvības cīņas. 1918–1920 [Latvian freedom struggles in 1918–1920]*. Rīgā: Preses Nams, 1999. 446 p. (in Latvian).
- Pribaltikamezh dudnyarevolutsiyami. Germanskiy dobrovol'tsy v antibol'shevistskoy bor'be [The Baltic States between two revolutions. German volunteers in the anti-Bolshevik struggle]*. St. Petersburg: the European University in St. Petersburg Publ., 2021. 416 p. (in Russian).
- Puga Arturs. *Eiropa. Latvijas un Krievijas 1920. gadamiera līgums; dokumenti, liecības un atziņas [Europe. Latvia and Russia in the 1920s. The peacetreaty; documents, testimonies and insights]*. Rīga: Zvaigzne ABC, 2010. 258 p. (in Latvian).
- Soms Henrihs. Regional identity of Latgale. Rīga, 2002. 142 p.
- Šteimans Josifs. *Latgale. 1914–1920 [Latgalereion in 1914–1920]*. Rēzekne: Latgales Kultūras Centrālā izdevniecība, 2005. (in Latvian).
- Urbanovičs Jānis. *Kak sozdavali Latviyu. 1917: kongress v Rezekne, s kotorogonachalas' istoriya Latviyskoy Respubliki [How Latvia was created, 1917: The Congress in Rezekne, from which the history of the Republic of Latvia began]*. Rīga: Baltijskij forum, 2017. 160 p. (in Russian).
- Volkman Hans-Erich. *Die deutsche Baltikumpolitik zwischen Brest-Litovsk und Compiègne: ein Beitrag zur „Kriegszieldiskussion“ [The German Baltic policy between Brest-Litovsk and Compiègne: a contribution to the "war objective discussion"]*. Köln: Böhlau Verlag, 1970. 283 p. (in German).
- Zahra Tara. *Imagined Noncommunities: National Indifference as a Category of Analysis in: Slavic review*. 2010. Vol. 69(1). Pp. 93–119.
- Zeile Pēteris. *Latgales kultūras vēsture. No akmens laikmeta līdz mūsdienām [History of Latgale culture. From the Stone Age to the present day]*. Rēzekne: Latgales Kultūras Centra Izdevniecība, 2006. 746 p. (in Latvian).

Для цитирования статьи:

Плат Т. Интеграция третьей звезды. Францис Кемпс и судьба Латгалии 1917–1920 годов. *Сaurus*. 2022. Т. 1. № 2. С. 81–91. DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-81-91

For citation:

Plath T. Integration of the third star. Francis Kemps and the fate of Latgale in 1917–1920. *Caurus*. 2022. Vol. 1(2). P. 81–91. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-81-91

ИСТОЧНИКИ

УДК 930.27:94(438)

ББК 63.211+63.3(4Пол)42

DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-92-109

Д. А. Бессуднов

У ИСТОКОВ ПОЛЬСКОГО ПРОТЕКТОРСТВА: ДЕЛЕГИРОВАНИЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ «КОНСЕРВАТУРЫ» В ОТНОШЕНИИ РИЖСКОГО АРХИЕПИСКОПСТВА В 1366 ГОДУ

Содержание рескрипта императора Священной Римской империи Карла IV Люксембурга (1355–1378), представленное в настоящей статье, имеет прямое отношение к событиям, случившимся спустя многие годы, в XVI веке, далеко за пределами империи, в Ливонии, которая тогда стала объектом притязания ряда европейских монархов и в годы Ливонской войны 1558–1583 годов утратила свою независимость. Южная часть ливонской территории попала под власть польско-литовских государей и стала частью их владений под наименованием Польских Инфлянт (Инфлянтского воеводства)¹. Этот факт хорошо известен, хотя сам процесс вовлечения Ливонии в сферу политического влияния польской Короны занял гораздо больший промежуток времени, чем те несколько лет, что предшествовали Виленскому (Вилюнюсскому) договору (Pacta subjectionis) ландмейстера Тевтонского ордена в Ливонии Готхарда Кеттлера с польским королем Сигизмундом II Августом (1530–1572) от 28 ноября 1561 года о вхождении южной части страны в состав Польши².

В Позднем Средневековье и начале Нового времени существовали разные способы политической экспансии – завоевания, оформление неравноправных межгосударственных уний и союзов, договоры (включая династические), экономическая зависимость и пр., и среди них особое место занимает такая малоизученная форма установления политической зависимости как протекторство. При решении судьбы государств Ливонской конфедерации в XVI веке оно играло если не ключевую, то, безусловно, очень заметную роль. При внушительном объеме историографии, посвященной Ливонской войне в целом, исследований сущности и видоизменений права протекторства польско-литовских государей в отношении Ливонии в нем совсем немного. Советский историк В.Д. Королюк в своей монографии «Ливонская война», долгое время считавшейся «классикой жанра», затронул проблему протекторства Сигизмунда II Августа над Ливонией, однако исследования

¹ Хайде Ю. Ливония под властью Речи Посполитой. Борьба за власть и социальная трансформация // QUAESTIO ROSSICA. 2014. № 2. С. 112–143.

² Документы к истории присоединения Ливонии к Польше // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Том 3. Рига: Типография Липинского. 1880. С. 401–432.

этого явления, включая его предысторию не осуществил³. В настоящее время над этой темой вплотную работает автор этих строк⁴.

Между тем следует отметить, что природа протекторства как разновидности взаимоотношений государя с подвластными ему людьми интересна хотя бы потому, что она имела корни в имперской политической практике и лишь позже была приспособлена к нуждам Польско-Литовского государства в качестве способа легитимизировать притязания короля Польского и великого князя Литовского на Ливонию. Для понимания этой связи надо вспомнить, что осуществление прямой вооруженной экспансии со стороны католических государств, к которым относились объединенные унией Польша и Литва, было немало ограничено статусом Ливонии как «крестоносного государства», которое со времен крестовых походов находилось под защитой двух наиболее влиятельных политических институтов католической Европы – папства и императории, которую олицетворяли императоры Священной Римской империи германской нации⁵. Поэтому польско-литовским государям необходимо было использовать в борьбе за Ливонию особую, закомфлированную форму политической экспансии, которая не нарушала или, по крайней мере, создавала видимость сохранения папских и императорских прерогатив и при этом позволяла польско-литовским государям проводить свою политическую линию в качестве законных представителей высших властных инстанций.

Нарушение этого условия поставило бы под удар внешнеполитическое положение Польско-Литовского государства и привело бы к утрате папских милостей, которые его государи, находившиеся на переднем фронте борьбы с турецкой угрозой, регулярно получали⁶. Вдобавок, это привело бы к обострению отношений с Империей, которые и так находились не в лучшем состоянии из-за инкорпорации во владения Польской Короны Пруссии, бывшего государства Тевтонского ордена, получившего статус ее государя благодаря папским и императорским привилегиям⁷. Видимость неизменности статуса Ливонии позволяла нейтрализовать потенциальную угрозу на начальном этапе включения Ливонии в сферу влияния польско-литовских государей, чему немало помогал особый политико-правовой концепт, согласно которому они выступали в качестве протекторов государств Ливонской конфедерации. Он возник еще в XIV в., однако в полной мере оказался востребованным правителями Польско-

³ *Королюк В. Д.* Ливонская война: Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. М.: Издательство АН СССР. С. 42–72.

⁴ *Бессуднов Д.А.* Балтийская политика Польши и Литвы в середине XVI в. Дисс. на соискание степени к.и.н. СПб.: СПбГУ, 2017. 229 с.

⁵ *Hellmann M.* Altlivland und das Reich // *Felder und Vorfelder russischer Geschichte* / hrsg. v. P. Scheibert, I. Auerbach, A. Hillgruber. Freiburg: Rombach, 1985. S. 61–75; *Jähnig B.* Der Deutsche Orden und die livländischen Bischöfen im Spannungsfeld vom Kaiser und Papst // *NordostArchiv: Zeitschrift für Regionalgeschichte*. 1998. Bd. 7. S. 47–63; *Schwarz J.* Zwischen Kaiser und Papst: Der Rigaer Erzbistumsstreit 1480–1483 // *Zeitschrift für Historische Forschung*. 2007. Bd. 34. № 3. S. 373–401.

⁶ *Nowakowska N.* Poland and the Crusade in the Reign of King Jan Olbracht, 1492–1501 // *Crusading in the Fifteenth Century. Message and Impact* / ed. by N. Housley. London : Paigrave Macmillan Ltd, 2004. P. 128–147.

⁷ *Biskup M.* Der Deutsche Orden in Bahn der habsburgischen Politik in der zweiten Hälfte des 15. und zu Beginn des 16. Jahrhunderts // *Ritterorden zwischen geistlicher und weltlicher Macht im Mittelalter (Ordines militares – Colloquia Torunensia Historica 5)* / hrsg. v. Z. H. Nowak. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikolaja Kopernika, 1990. S. 101–126.

Литовского государства только в XVI веке, когда Ливония превратилась в главный объект «битвы за Балтику», в которой наряду с другими странами участвовали Польша и Литва.

Возвращаясь к словам о длинных корнях польского протектората в отношении Ливонии, следует обратиться к эпохе чешского короля и императора Священной Римской империи Карла IV Люксембургского, с именем которого помимо невиданного ранее взлета культуры в Центральной Европе была связана реорганизация системы управления империей и упорядочение ее законодательства. Его «*Majestas Carolina*» (название получила в 1617 году), предназначенная для чешских земель, но в тот момент ими отвергнутая, и, главное, «Золотая булла» (*Bulla Aurea*) 1356 года, «конституция» империи, действовавшая до 1806 года, демонстрируют стремление этого государя к укреплению правовых основ империи и своей власти⁸. Императорское достоинство позволяло его носителю чувствовать себя главой всех светских государей христианской Европы, а также, согласно установкам, восходившим ко временам Античности, защитником и покровителем Церкви. В последнем случае надо принимать во внимание еще и глубокую религиозность этого государя⁹.

Весной 1366 года Карл IV принял решение продолжить свое участие в затяжных спорах архиепископа Рижского Фронхольда фон Фюнфаузуна (1348–1369) с ливонским отделением Тевтонского ордена, которое уже тогда серьезным образом оспаривало право ливонского епископата на светскую власть (*Herrschaft*)¹⁰, и поручил королям Дании, Швеции, Норвегии, Польши, а также герцогам Штеттинским и Мекленбургским выступать гарантами прав Рижской церкви в качестве его протекторов. В результате на свет появился Пражский рескрипт от 23 апреля 1366 года, перевод которого представлен ниже. Документ был составлен на латинском языке (официальный язык имперской канцелярии) и, судя по упоминанию в документе, скреплен золотой императорской печатью (буллой). Местонахождение его оригинала в настоящее время не установлено, хотя находился он в имперской канцелярии, о чем свидетельствуют визы о получении упомянутых в нем государственных актов эксканцлером (главой имперской канцелярии) епископом Литомержице (Чехия) Иоаннам (Яном). Еще в середине XVIII века рескрипт был опубликован в «Кодексе дипломатических актов Польского королевства и Великого княжества Литовского» (*CDPL*)¹¹, но на русском языке предлагается впервые.

Из преамбулы документа следует, что решение императора было его ответом на обращенную к нему просьбу архиепископа Риги, который имел основание рассчитывать на помощь империи, во-первых, как сторонник проимперской партии, а, во-вторых, в силу пожалования ему полномочий светского государя и имперского

⁸ *Бойцов М.А.* Золотая булла 1356 г. и королевская власть в Германии во второй половине XIV в. // *Средние века.* 1989. № 52. С. 25–46.

⁹ *Непомнящая Р. В.* Образ идеального правителя в «*Vita Caroli*» Карла IV // *Человек в контексте культуры. Славянский мир* / ред. Л.Н. Виноградова, Т.М. Николаева. М.: Индрик, 1995. С. 65–70; *Thill M., Schank D.* *Johann der Blinde, Karl IV. Das Zeitalter der Luxemburger.* Luxemburg, 2016.

¹⁰ *Jähnig B.* *Der Deutsche Orden und die livländischen Bischöfen im Spannungsfeld vom Kaiser und Papst* // *Nordost-Archiv.* 1998. Bd. 7. S. 47–63.

¹¹ *Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae* / coll. M. Dogiel. Vilnae: Typografia Regia et Reipublicae, 1759. Vol. 5. № 55. P. 75–78.

князя его предшественнику епископу Альберту императором Генрихом. Среди рижских епископов такое имя носил Альберт Буксгевден (1199–1229), но в годы его пребывания в должности не было императора Генриха (Генрих VI Штауфен умер в 1197 году еще до основания Риги). Скорее всего, в документе упомянут Альберт II Зуэрбер (1245–1273), который стал первым рижским архиепископом, и тогда его благодетелем мог быть «контримператор» ландграф Тюрингенский Генрих Распе, который в 1246–1247 годах оспаривал императорскую корону у Конрада IV Штауфена. пожалование привилегий духовному князю было в стиле Генриха Распе, которого недоброжелатели называли «поповским императором», так как в его избрании принимали участие преимущественно духовные князья¹². В любом случае, речь идет об историко-правовом прецеденте, который соответствовал императорской прерогативе защищать духовных лиц как «людей Церкви». Именно эта идея является лейтмотивом рескрипта, что подчеркивается повторяющейся ссылкой на защиту Рижской церкви со стороны «покойных императоров или Римских королей, наших предшественников».

Чтобы придать идее большую убедительность, в рескрипт 1366 года, как это делалось в имперской канцелярии, были включены тексты предшествующих ему императорских привилегий в пользу Рижской церкви:

1. Рескрипт «императора Генриха», датировка которого неопределенна («в декабрьские календы, индикта XVII») и не позволяет установить год; однако если считать его инициатором «контримператора» Генриха Распе, который пребывал в этом звании менее двух лет, документ может быть датирован декабрем 1246 года.

2. Рескрипт Карла IV Люксембургского 1346 года.

3. Его же рескрипт 1360 года.

4. Их объединяет и продолжает текст 1366 года.

Рескрипт «императора Генриха» середины XIII века содержал пожалование Рижскому епископу, в 1253 году ставшего архиепископом, Ливонию в качестве ленного княжества с регальными правами – чеканка монеты, основание городов, хотя разработка недр оставалась имперской прерогативой. В дополнении следовало обещание считать епископа «любезным князем империи», с помощью которого «пределы империи будут расширены и неверие варваров <...> будет подчинено христианской вере». В законе Карла IV 1346 года вышеуказанной привилегии дается расшифровка с упоминанием «свобод, иммунитетов, прав, феодалов и обычаев, и достохвального почтения, чести, замков, укреплений, хозяйства, владений, городов, крепостей, дистриктов, земель и мест» - всего того, что имело отношение к светской власти государя, в данном случае духовного, которую император гарантировал ему на условиях «патроциния», т. е. пожалования, предполагавшего личную верность и службу бенефициария. И если в 1346 году был лишь небольшое упоминание о покушениях на светские прерогативы главы Рижской церкви, то в 1360 году эта тема становится основной, что полностью соответствовала напряженности в отношении епископа с орденом, сопровождавшейся с вооруженными стычками и покушениями

¹² Werner M. Landgraf Heinrich Raspe von Thüringen (1227–1247) - Reichsfürst in der Mitte des Reiches und «Gegenkönig» Konrads IV. // Konrad IV. (1228–1254): Deutschlands letzter Stauferkönig / hrsg. v. K.-H. Rueß. Göttingen, 2012. S. 26–48.

на церковную собственность¹³. Император продолжает выступать гарантом прав архиепископа, но, как представляется, выполнение задачи все больше затруднялось, что предполагало все более строгие меры для нарушителей императорской воли – «опалу нашей милости и тяжелейшее наказание» в виде разрушения незаконно построенных замков и больших штрафов, половина из которых шла архиепископу.

В 1366 году намерения Карла IV защитить Рижского архиепископа от нападков ордена в продолжение ранее избранного курса еще более окрепло. Вместе с тем он возлагает ответственность за реализацию этой программы на королей Дании, Швеции, Норвегии, Польши, а также на князей Штеттинского и Мекленбургского, которые, по его мнению, пребывали «под покровом милости нашего величества и Священной Римской империи», т.е. занимают подчиненное место в подчиненной ему иерархии европейских государей. Предполагалось, что они выберут из своей среды один, «кто явится на место (в Ливонию), добросовестно поможет архиепископу его вышеназванной Рижской церкви нашей императорской властью оказать защиту». Речь идет о делегировании императорской прерогативы по защите Церкви, которая, надо обратить внимание, осуществлялась в приказном порядке, без предварительной договоренности с указанными государями.

В рескрипте 1366 года подчеркивалось, что названным государям предстояло хранить (*conservare*) имущество и привилегии архиепископа и Рижской церкви от внешних посягательств (имеется в виду орден) «властью нашего императорского величества». Враги архиепископа были прямо объявлены мятежниками, действовавшими «в ущерб нашему величеству» и потому заслуживающие «тяжких наказаний», «чтобы таким образом полностью избавиться от всех беспорядков и злодейств». Как доверенные лица императора эти государи становились «хранителями», гарантами (*Conservatores*) и «исполнителями» (*Executores*) привилегий Рижской церкви как имперскому лену, пожалованных и утверждаемых его предшественниками, им самим и его преемниками, но как носителям светской власти им предоставлялось право содействовать «продолжению и завершению статьи (закона) посредством вашего иного зачинания, которое, начавшись, не будет помехой для законности остального, и вы будете присоединять [ваши постановления] к настоящим [грамотам] с нашего и наших преемников благоусмотрения». За «консерваторами», таким образом, в рамках имперской юрисдикции сохранялось право законодательной инициативы, которое при определенных обстоятельствах – они появились накануне и в начале Ливонской войны – они смогли использовать в интересах собственной политики в Ливонии. Термин «*Conservatores*», связанный с представлением об исполнении императорской воли, в польско-литовской и датской дипломатической корреспонденции XVI века вытесняется понятие «*protectores*»¹⁴, «защитники», близкое по смыслу немецкому *Schutzherr*, которое касалось одной из основных функций светского государя – защищать своих подданных. Как инструмент экспансии в отношении Ливонии протекторство в его конечном варианте будет задействовано в политике Ягеллонов, хотя в решении судьбы этой страны в XVI веке

¹³ *Jähmig B.* Der Deutsche Orden und die livländischen Bischöfen... S. 58–60.

¹⁴ Подробнее см.: Бессуднов Д.А. Балтийская политика Польши и Литвы в середине XVI в. ...

участвовали все «консерваторы», поименованные в рескрипте императора Карла IV 1366 года.

Текст императорского рескрипта приводится ниже в полном объеме.

Карл IV, император, утверждает привилегии Рижской епархии и поручает ее защиту королям Дании, Швеции, Норвегии и Польши, а также князьям Штеттинским и Мекленбургским с правом действовать, вязать и разрешать обязанностью и властью императора. Дано в Праге года 1366, 23 апреля.

Карл Четвертый, милостью Божьей Римский император, навеки Август и король Богемии. Светлейшим государям, королям Дании, Швеции, Норвегии и Польши, своим самым дорогим братьям, а также светлейшим князьям Штеттинским и Мекленбургским, своим князьям и любезным подданным Священной Римской империи [шлет] свою милость [с пожеланием] всего доброго.

Недавно от почтенного Фромольда, архиепископа Рижского, князя и нашего любезного приверженца нашему величеству поступила просьба ныне предоставить хранителей и исполнителей привилегий, постановлений и дозволений, предоставленных и разрешенных для него и его вышеназванной церкви покойными императорами или Римскими королями, нашими предшественниками, и нами, нашей императорской милостью, и мы сочли бы для себя достойным для этой церкви в том позаботиться. Содержание этих привилегий, постановлений и дозволений приводится в следующих словах:

Во имя Святой и нераздельной Троицы ради всего благого. Аминь.

Карл Четвертый, милостью Божьей Римский император, навеки Август и король Богемии. На вечную память. Среди достославных забот о государстве, которыми наше сердце терзаемо в каждодневной заботе о благоденствии подданных, мы преимущественно к тому направляем острие нашего разума, для чего утверждаем официальную грамоту, согласно которой почтенные церкви и церковные лица, пребывающие в распоряжении небесного Государя, мы станем поддерживать посредством уступчивости, благочестия, защиты, и будем постоянно хранить их свободы в знак нашей благосклонности, в зависимости от характера времен и состояния дел предоставляя им новые свободы и милости, либо обновляя старые. Так вот, от почтенного Фромольда, архиепископа Рижского, князя и нашего любезного приверженца, нашему величеству поступила просьба ту самую привилегию, предоставленную и пожалованную вечной памяти покойным Генрихом, Римским королем, нашим дражайшим предшественником, его [архиепископа] Рижской церкви, ему и его преемникам, вместе с прочими грамотами, правами, свободами и обычаями, пожалованными его Рижской церкви покойными Римскими королями и императорами, нашими милостивыми предшественниками, мы соблаговолили б утвердить, ратифицировать, одобрить, обновить и заново пожаловать [своей] императорской властью, содержание этой привилегии следует в таких словах: Генрих, Божьей милостью Римский король и т.д., вовеки Август. Всем подданным империи, до кого дойдет это послание, [шлю] свою милость и [пожелание] всего хорошего. По просьбе Альберта, почтенного епископа Ливонии, мы учреждаем единую марку для

всей его епископии, а именно, для Ливонии, Леттии, Леаля и морских земель и жалуюем ему это самое княжество с регальным правом, как у других князей, предоставляя ему право изготовления монеты, основания города в Риге и в других местах, на которых ему их нужно будет создать. Если же в этих пределах будет обнаружены залежи какого-либо металла или скрытое сокровище, мы по совету наших князей обязуемся в такого рода особом случае сохранять наше право согласно своему долгу. Мы также постановили и под страхом утраты нашей милости строго предписали, чтобы вышеназванному епископу сообщали обо всех правовых положениях и вопросах по поводу регалии инфеодации¹⁵, отвечая в полной мере на все то, что этого касается, и внимательно следя за всем, поскольку мы искренне почитаем его [епископа] как любезного князя империи и, поскольку с его помощью пределы империи будут расширены и неверие варваров по воле Божьей будет подчинено христианской вере, мы не хотим упускать ничего из того, что могло бы привести к его [епископа] пользе и чести. Свидетелями этого нашего позволения являются архиепископы Трира и Зальцбурга, епископы Вюрцбурга, Аугсбурга, Бамберга, Raclaviensis (?) и Айхштета, герцоги Австрии, Саксонии, Баварии и Каринтии, ландграфы Тюрингии и многие прочие князья, нобили и министриалы империи. Дано близ Нюрнберга в декабрьские календы, индикта XVII.

Мы же, заботящиеся об истинной вере и постоянстве благочестия, в чем этот архиепископ всегда с неизменным постоянством прославлял нас и Священную Римскую империю вплоть до настоящего времени и будет прославлять наглядным опытом и своими справедливыми и мудрыми обетами, и в силу нашего милосердия очень благосклонные к полезным делам ради его церкви, и поскольку несправедливо просящим отказывать, в согласии на вышеуказанную привилегию и на все в ней содержащиеся - все вместе и каждое в отдельности - привилегии, грамоты, пожалования и милости, свободы, иммунитеты, права, феоды и обычаи, и достохвальное почтение, честь, замки, укрепления, хозяйства, владения, города, крепости, дистрикты, земли и места твоей церкви, прежде даже, чем учреждалось в митрополии или архиепископстве, [являющимся] его княжеством, божественными Римскими императорами и королями разрешение или разрешения, дозволение либо дозволения, будет разумно и предусмотрительно продолжать, согласно нашему определенному знанию, жизнеспособными и наилучшим образом, от слова к слову во всех заключениях, содержаниях и сентенциях, и если содержание всех вышеназванных привилегий, грамот, милостей, свобод, иммунитетов, разрешений, дарений, прав, обычаев и справедливо приобретенной собственности, как бы она не именовалась, которые после продления этой самой привилегии он [архиепископ] и Рижская церковь овладеет или овладеют в будущем, законными званиями в соединении с настоящим или настоящими мы одобрим, ратифицируем, обновим и вновь постановим, в силу настоящего письма утвердим в качестве патроциния, постановляя и желая, чтобы все и каждое из вышеназванного определенно распространилось на вечные времена без ущемления [своей] силы. Никто из людей, какого бы он ни был звания, положения либо состояния, не должен причинять ущерб силе этого самого одобрения,

¹⁵ Инфеодация – процедура введение в право пользования феодем.

обновления, ратификации, пожалования и утверждения, иначе ему за безрассудную дерзость так или иначе воздастся. Если же кто поведет себя иначе, то пусть его постигнет немилость нашего величества и штраф в столько сотен марок чистого золота, сколько будет соответствовать факту оскорбления, половину из которых мы желаем предоставить вышеназванной Рижской церкви, чтобы она укреплялась от нападений. Печать пресветлого государя и господина, господина Карла Четвертого, самого непобедимого Римского Императора и достославнейшего Богемского короля. Свидетелями этого дела были почтенные Эрнст, архиепископ Пражский, Иоганн Оломюецкий и Теодор, епископ Миндена, сиятельные Рудольф Саксонский, великий маршал Священной империи, Рудольф Австрийский, Болко Свидницкий, Людовик Лигницкий, Ян Опавский, Фредерик фон Тек, герцог Тешинский Казимир, Ульрих фон Кольфенштейн, Иоганн фон Ретц и Альберт, граф Анхальтский, и многие прочие присутствующие. Под нашей золотой печатью, истинным тимпаном нашего императорского величества, приложенным в знак удостоверения грамот. Дано в Праге в год Господень тысяча триста сорок шестой. В девятый индикт, в сентябрьские календы, в 11-й год нашего правления в качестве Римского короля, в 10-й год правления в Богемии и во 2-й год как императора.

Я, Иоганн, милостью Божьей епископ Литомержице, палаты Священной империи эрцканцлер, узнал [о том] от почтенного отца во Христе господина Горлация, архиепископа Майнского, эрцканцлера Священной империи в Германии.

Далее: Во имя Святой и нераздельной Троицы ради всего благого. Аминь.

Карл Четвертый, милостью Божьей Римский император, навеки Август и король Богемии. На вечную память.

Хотя предусмотрительность [его] императорской милости, облеченная вышеназванной заботой, касающейся государства, обязана постоянно основательно увеличивать и добровольно брать на себя тревоги и труды, чтобы подвластный ей народ оставался в наилучшем спокойствии мира, ей следует все же с гораздо большей благосклонностью свои помышления направить к тому, чтобы содействовать пользе и чести святых церквей и служителей Всемогущего Господа. Действительно, охваченный единым желанием, чтобы мы одаряли церковную митрополию святого Рижского престола многочисленными благодеяниями, он [архиепископ] все ревностнее побуждал нашу светлость стараться все больше для расширения его пользы и чести. В виду этого все вместе и каждая в отдельности привилегии, грамоты, пожалования, милости, свободы, иммунитеты, права, привычные и достохвальные обычаи, а также почести, феоды, замки, укрепления, города, крепости, земли, почтенному Фромольду, Рижскому архиепископу, князю и благочестивому нашему подданному, и церкви или епископии, как в ее руководстве, так и в членах, вечной памяти божественными императорами и Римскими королями, в особенности императором Генрихом, нашими предшественниками уступленная или уступленные, пожалованная или пожалованные, по зрелому предварительному совету наших князей, высокопоставленных лиц и нобилей и из некоторых наших соображений и в меру полноты императорской власти, от слова к слову во всех своих сентенциях и заключениях в том случае, если содержание вышеназванных привилегий, грамот, свобод, прав, дозволений и

иммунитетов присутствующими будут введены и полностью преграждены, мы обновим, одобрим, провозгласим, ратифицируем и настоящим письмом о патроцинии утвердим, восполняя весь ущерб императорской властью, которая так или иначе пребывает на первых местах, однако всегда не в ущерб прав других. Также пусть никто, какого бы состояния, достоинства либо положения он ни был, будет ли Рижская церковь вакантна или нет, не замышляет вышеназванным достоянием, которое, как в городе, так и в других местах принадлежит этой церкви, каким-то образом овладеть или напасть на него, либо совершить какое-то зло либо насилие над людьми или имуществом. Если же это имущество, владения либо земли указанный архиепископ или его церковь оборонят от неверных, отвоюют или как-то образом добьются, пусть вышеназванный епископ и [его] церковь свободно и на вечные времена ими владеют с правом пользования и имеют в прямой собственности по праву нашего величества, нашими последователями, императорами и Римскими королями всецело сохраняемому.

Никто из людей, какого бы он ни был звания, положения либо состояния, не должен причинять ущерб силе этого самого одобрения, обновления, ратификации, пожалования и утверждения, или ему за безрассудную дерзость так или иначе воздастся. Если же кто поведет себя иначе, то пусть его постигнет немилость нашего величества и штраф в столько сотен марок чистого золота, сколько будет соответствовать факту оскорбления, половину из которых мы желаем предоставить вышеназванной Рижской церкви, чтобы она укрепляла себя от нападений. Печать пресветлого государя и господина, господина Карла Четвертого, самого непобедимого Римского Императора и достославнейшего Богемского короля. Свидетелями этого дела были почтенные Эрнст, архиепископ Пражский, Иоганн Оломюецкий и Теодор, епископ Миндена, сиятельные Рудольф Саксонский, великий маршал Священной империи, Рудольф Австрийский, Болко Свидницкий, Людвиг Лигницкий, Ян Опавский, Фредерик фон Тек, Казимир, герцог Тешинский, Ульрих фон Кольфенштейн, Иоганн фон Ретц и Альберт, граф Анхальтский, и многие прочие присутствующие. Под нашей золотой печатью, истинным тимпаном нашего императорского величества, приложенной в знак удостоверения грамот. Дано в Праге в год Господень тысяча триста сорок шестой. В девятый индикт, в сентябрьские календы, в 11-й год нашего правления в качестве Римского короля, в 10-й год правления в Богемии и во 2-й год как императора.

Я, Иоганн, милостью Божьей епископ Литомержице, палаты Священной империи канцлер, узнал от почтенного отца во Христе господина Горлация [Герлаха], архиепископа Майнцкого, эрцканцлера Священной империи по Германии.

Далее: Во имя Святой и нераздельной Троицы ради всего благого. Аминь.

Карл Четвертый, милостью Божьей Римский император, на веки Август и король Богемии. На вечную память.

Хотя предусмотрительность [его] императорской милости, несущей вышеназванную заботу, касающуюся государства, обязана постоянно основательно увеличивать и добровольно брать на себя тревоги и труды, чтобы подчиненный ему народ оставался в наилучшем спокойствии мира, следует все же свои помышления с

гораздо большей благосклонностью направить к тому, что содействует пользе и чести святых церквей и служителей Всемогущего Господа. Действительно, охваченный единым желанием, чтобы мы одаряли церковную митрополию святого Рижского престола многочисленными благодеяниями, он [архиепископ] все более ревностно побуждал нашу светлость более прилежно стараться во имя расширения его пользы и чести. В виду этого все вместе и каждая в отдельности привилегии, грамоты, пожалования, милости, свободы, иммунитеты, права, привычные и достохвальные обычаи, а также почести, феоды, замки, укрепления, города, крепости, земли, почтенному Фромольду, Рижскому архиепископу, князю и благочестивому нашему подданному, и церкви или епископии, как в ее руководстве, так и в членах, вечной памяти божественными императорами и Римскими королями, и особенно императором Генрихом, нашими предшественниками уступленная или уступленные, пожалованная или пожалованные, по зрелому предварительному совету наших князей, высокопоставленных лиц и нобилей и из некоторых наших соображений и из полноты императорской власти, от слова к слову во всех своих сентенциях и заключениях, если содержания вышеназванных привилегий, грамот, свобод, прав, дозволений и иммунитетов присутствующими будут приостановлены и полностью преграждены, мы [их] обновим, подтвердим, одобрим, ратифицируем и настоящим письмом о патроцинии утвердим, восполняя так или иначе любое повреждение силой императорской власти, которая будет всегда каким бы то ни было продолжаться, однако без ущемления прав прочих [людей]. Также никто, какого бы состояния, достоинства либо превосходства он ни был, будет ли Рижская церковь будет вакантна или не вакантна, пусть не касается ее исконных достояний, которые этой церкви принадлежат как в городе, так и в других местах, к этой церкви, не приказывает каким-либо образом [им] овладеть или [на него] нападать, либо осуществлять какое-то зло или насилие над людьми или имуществом. Если же это имущество, владения либо земли указанный архиепископ или его церковь обезопасят от неверных, [им] завладеют или каким-либо образом получают, пусть вышеназванный [архи]епископ и церковь этим свободно и во вечные времена продолжают владеть с пользой для себя и иметь в прямом обладании вследствие права нашего величества, которое будет полностью сохранено и нашими последователями, императорами и Римскими королями. Мы также постановляем, чтобы никто внутри епархии и на территории указанной Рижской церкви не сооружал или не восстанавливал замка, крепости либо какого другого укрепления за исключением возведенных и построенных по четкому распоряжению и специальному разрешению этого самого архиепископа и церкви для архиепископа и церкви, если же постройки и восстановления предназначены или построены для него самого [частного лица], то следует их разрушить и снести за его собственный счет. И если же случится, что вышеназванный архиепископ либо его [люди] будут удерживаться и схвачены неверными, их, кроме всего прочего, следует отыскать и освободить. Непоколебимо полагаясь на то, мы сверх того желаем, чтобы часто упоминаемый архиепископ и [его] люди в пределах земель и их епархии его и его церкви собственностью должны свободно владеть и вести свои дела, кроме как установление налогов, подорожных плат, пошлин либо какое-либо другой платеж, желая и постановляя, чтобы вышеназванное все вместе и по отдельности

осуществилось и чтобы все из вышесказанного на вечные времена сохраняло прочность неповрежденной ценности. Никому из всех людей, таким образом, нельзя лишать силы милость этого нашего постановления и все прочее вышеназванное или против нее свершать причинение ущерба или что-либо предпринимать. Если же кто против установленного или чего-либо из установленного покусится сделать или беспечно предпринять, на того следует наложить опалу нашей милости и тяжелейшее наказание в делах и персонах путем конфискации имущества, а также штрафа в сотню либр чистого золота, в зависимости от того, что было сделано против установленного или чего-либо из установленного, и мы хотим, чтобы половина из них поступала в имперский фиск, а другая половина почтенному господину архиепископу и его церкви для компенсации причиненного ему ущерба. Печать пресветлого государя и господина, господина Карла Четвертого, непобедимого Римского императора и славнейшего короля Богемии. Свидетелями этого дела были почтенные Эрнст, архиепископ святой Пражский, Иоганн Оломюецкий, Теодор, епископ Миндена, Теодор Вормский и Мауриций Корвейский, епископы церквей, сиятельные Рудольф Саксонский, великий маршал Священной империи, Болко Фалкенбергский, Пшемисл Тешинский, Казимир Штеттинский и Болко Ополенский, князья, великолепные Бурхард, бургграф Магдебургский, магистр нашей императорской курии, графы Бергхард и Иоганн фон Ретц и нобили Сбинко из Хаценбурга и Хафто из Sweretitz (?), магистры нашей имперской палаты, и Цонко из Липы, маршалк всего королевства Богемии, Ванко из Вюртемберга и Генрих из Нового Собора, и прочие многие из присутствующих наши и Священной империи князья, нобили и вассалы. Скреплено золотой печатью нашего императорского величества в знак свидетельства. Дано в Праге в год Господа тысяча триста шестидесятый, XIII-го индикта, в 3-и иды июня, в год правления нашего 14-й.

Я, Иоганн, милостью Божьей епископ Литомержице, палаты Священной империи канцлер, узнал [это] от почтенного отца во Христе господина Горлация, архиепископа Майнского, эрцканцлера Священной империи по Германии.

Мы же, заботящиеся, чтобы среди славных забот о государстве, которым превосходство нашего величества полагает достойным для себя ради спокойствия своих благочестивых верных подданных постоянно предаваться, мы расцениваем для себя первостепенной те, посредством которых мы желаем сохранить святые церкви, подчиненные нам и Римской империи, и их прелатов и персон в их правах, привилегиях, иммунитетах и свободах, и потому мы указанную просьбу этого архиепископа, созвучную разуму и появившуюся на основании действующих законов, мы сочли достойной осуществления.

Вас, наидражайших братьев, королей Дании, Швеции, Норвегии, Польши, пребывающих в состоянии сомнения, мы требуем и увещеваем, и вместе с вами князей Штеттина и Мекленбургского под покровом милости нашего величества и Священной Римской империи вместе, отдельно и сообщая мы предписываем и поручаем, чтобы двое или один из вас, кто будут назначенными или одним из назначенных отобраны или будет отобран из всех вас или из тех, кто явится на место, добросовестно поможете архиепископу его вышеназванной Рижской церкви нашей императорской властью

оказать защиту. Не позволяйте, чтобы их в вышеназванных достоинствах, правах, привилегиях, иммунитетах и свободах для архиепископа и Рижской церкви кто-либо несправедливо отягощал, беспокоил или приводил в беспорядок или им причиняли отягощения, притеснения или несправедливости, но властью нашего императорского величества их [следует] защищать, хранить, прилежно поддерживать и заботиться. Захватчиков, грабителей, злодеев, похитителей и нарушителей вышеназванного, если кто это будет делать, а также опровергающих, всякого рода мятежников и неповинующихся сдерживанию и беспечно действующих установлению или другому подобному в ущерб нашему величеству, каких бы достоинств, статусов, положений, сословий или состояний они не были, в соответствии с качеством и количеством совершенного беспощадно налагайте на них тяжкие наказания, как указано в привилегиях, утверждениях и позволениях наших предшественников и нашими, и их силой и нашей императорской властью вы будете обуздывать и попрекать, чтобы таким образом полностью избавиться от всех беспорядков и злодейств. Кроме этого, пусть дело свершится с помощью тех, кого вы сочтете нужным призвать. Кроме того, мы желаем и нашей императорской властью постановляем, чтобы кто-нибудь из вас содействовал продолжению и завершению статьи [закона] путем вашей иной инициативы, которая, начавшись, не будет помехой для законности [всего] остального, и вы будете присоединять [свои постановления] к настоящим [грамотам] с нашего и наших преемников благоусмотрения. Чтобы вышеназванные привилегии, подтверждения и разрешения, однако, оставались в своей вечной прочности, удостоверяется печатью нашего императорского величества. Дано в Праге в год Господа тысяча триста шестьдесят шестой, IV индикта, в IX календы мая, в год нашего правления двадцатый, в империи же в двенадцатый.

Carolus Quartus divina favente Clementia Rom. Imperator semper Augustus, et Bohemiae Rex. Serenissimis Principibus Daniae, Sveciae, Norvegiae, ac Poloniae Regibus Fratribus suis carissimis, nec non Illustribus Stetinensi, Magnopolensi Ducibus, Principibus suis, et Sacri Romani Imperii, fidelibus dilectis gratiam suam, et omne bonum. Nuper pro parte Venerabilis Vromoldi Archiepiscopi Rigensis Principis, et devoti nostri dilecti Celsitudini nostrae oblata petitio continebat, quatenus Conservatores, et Executores Privilegiorum, Confirmationum, et Concessionum sibi, et Ecclesiae suae praedictae a divis Imperatoribus, sive Regibus Romanis nostris Praedecessoribus, et Nobis confirmatis, et concessis, ac indultis, ex nostrae Maiestatis Clementia concedere, et ipsi Ecclesiae de eis providere dignaremur. Quorum Privilegiorum, Confirmationum, et Concessionum tenores sequuntur in haec verba:

In Nomine Sanctae, et Individuae Trinitatis feliciter Amen.

Carolus Quartus divina favente Clementia Rom. Imperator semper Augustus, et Bohemiae Rex. Ad perpetuam Rei memoriam. Inter gloriosas Reipublicae curas, quibus cor nostrum quotidiana sollicitudine pro subditorum salute distrahitur, ad illud praecipue aciem mentis nostrae gerimus, ad id sedulum destinamus officium, qualiter Venerandas Ecclesias, et Ecclesiasticas Personas Caelestis Imperatoris mancipatas obsequiis, piis protegamus praesidiis, et libertates earum continuis nostrae benignitatis favoribus foveamus, novas eis libertates, & gratias largiendo pro qualitate temporum, et rerum exigentia, vel veteres

renovando. Sane pro parte Venerabilis Vromoldi Archiepiscopi Rigensis, Principis, et devoti nostri dilecti, Celsitudini nostrae oblata petitio continebat, quatenus quoddam Privilegium praeclarae memoriae a Divo Henrico Rom. Rege Praedecessore nostro carissimo Ecclesiae suae Rigensi, sibi, ac Successoribus suis concessum, seu donatum, una cum aliis Literis, Juribus, Libertatibus, ac Consuetudinibus Ecclesiae suae Rigensis, a Divis Rom. Regibus, et Imperatoribus, Praedecessoribus nostris indultis, seu concessis, confirmare, ratificare, approbare, innovare, et de novo concedere auctoritate Imperatoria dignaremur, cuius tenor Privilegii sequitur in haec verba. Henricus Dei Gratia Rom. Rex, etc. semper Augustus. Universis, Imperii fidelibus, ad quos hae Literae pervenerint, gratiam suam, et omne bonum. Ad petitionem Alberti Venerabilis Livoniensis Episcopi, Marchiam unam per totum eius Episcopatum, per Livoniam videlicet, Leciam, Leale, et Terras maritimas instituimus, et eundem ipsi Principatum Jure aliorum Principum munificentia Regali concessimus, dantes ei potestatem faciendi Monetam, et fundandi Civitatem in Riga, et in locis aliis in quibus eas fieri oportuerit. Si autem in partibus illis vena metalli cuiuslibet, sive thesaurus occultus manifestatus fuerit, in huiusmodi Jus nostrum speciale ipsius fidei, de consilio Principum nostrorum commisimus. Statuimus igitur, et sub interminatione gratiae nostrae firmiter praecipimus, quatenus Episcopo praenominato de omnibus iustitiis, et rationibus ad Regalem Infeudationem pertinentibus plene respondeatis, et per omnia intendatis, scituri quod ipsum tanquam dilectum Principem Imperii sincere diligimus, et cum per eum Imperiales termini dilatentur, et barbarorum infidelitas annuente Domino, Christiano cultui subiugetur, nihil eorum omittere volumus, quae commodo suo conducere poterunt, et honori. Huius nostrae concessionis testes sunt: Trevirensis, et Salzburgensis Archiepiscopi, Herbipolensis Augustensis, Bambergensis, Paclaviensis, et Eistetensis, Episcopi, Austriae, Saxoniae, Bavarae, et Carinthiae Duces, Lantgravi Thuringiae, et alii quam plures Principes, Nobiles, et Imperii Ministeriales. Datum apud Nuremberg Kalendis Decembris, Indictione XVII. Nos igitur attendentes sincera fidei, et devotionis constantiam, quibus idem Archiepiscopus erga Nos, et Sacrum Romanum Imperium usque ad haec tempora immota constantia semper claruit, et claret experientia demonstrante, votisque suis iustis, et rationabilibus, ac suae Ecclesiae utilitatibus de innata Nobis Clementia benignius annuentes, cum iuste petentibus non sit denegandus assensus, suprascriptum Privilegium, et omnia contenta in eodem, nec non universa, et singula Privilegia, Literas, Concessionem, et Gratias, Libertes, Immunitates, Jura, Feuda, Consuetudines, et laudabiles Observantias, Honores, Castra, Munitiones, Dominia, Possessiones, Civitates, Oppida, Districlus, Terras, et Loca Ecclesiae Tuae, antequam etiam in Metropolitanam erigeretur, seu Archiepiscopatum, et Principatum ipsius, a divis Romanis Imperatoribus, et Regibus indulta, seu indultas, concessa, seu concessas prout rationabiliter, et provide processerint, de certa nostra scientia, via, et modo quibus melius possumus, de verbo ad verbum in omnibus clausulis, tenoribus, et sententiis, ac si omnium praeceptorum Privilegiorum, Literarum, Gratiarum, Libertatum, Immunitatum, Concessionum, Donationum, Jurium, et Consuetudinum tenores, et bonorum iuste acquisite, quibuscunque nominentur vocabulis, quae post obtenta eadem Privilegia ipse, et Ecclesia Rigensis iustis titulis obtinuerit, vel obtinuerint in futurum, inserti essent praesentibus, vel inserta, approbamus, ratificamus, innovamus, et de novo concedimus, ex certa scientia praesentis scripti patrocinio confirmamus, decernentes, et volentes expresse omnia, et singula supradicta perpetuis temporibus obtinere inviolabilis

valoris firmitatem. Nulli ergo omnino hominum, cuiuscunque Status, praeeminentiae, seu conditionis existat, liceat hanc nostrae Approbationis, Innovationis, Ratificationis, Donationis, et Confirmationis gratiam infringere, aut ei ausu temerario quomodolibet contraire. Si quis autem secus attemptare praesumpserit, indignationem nostrae Celsitudinis, et paenam centum Marcarum puri auri, toties, quoties temere contra factum fuerit, quarum medietatem antedictae Rigensi Ecclesiae applicari volumus, se noverit incursum. Signum Serenissimi Principis, et Domini, Domini Caroli quarti Rom. Imperatoris invictissimi, et gloriosissimi Bohemiae Regis. Testes huiusmodi rei fuerunt Venerabiles Arnestius Archiepiscopus Pragensis, Joannes Olomucensis, et Theodorus Mindensis Episcopi, Illustres Rudolphus Saxoniae, Sacri Imperii Archimareschalcus, Rudolphus Austriae, Bolko Suidnicensis, Ludovicus Lignicensis, Joannes Opaviae, Fridericus de Tek, Casimirus Testhinensis Duces, Ulricus de Kolffenstein, Joannes de Retz, et Albertus de Anhalt Comites, et alii quam plures praesentium, sub Bulla aurea, Typario Jure nostras Imperialis Maiestatis impressi, testimonio Literarum. Datum Praegae Anno Domini millesimo trecentesimo quinquagesimo sexto. Nona Indictione, Calendis Mensis Septembris, Regnorum nostrorum Anno Romanorum 11-mo, Bohemiae 10-mo, Imperii vero secundo.

Ego Joannes Dei Gratia Luthomusthlensis Episcopus, Sacrae Imperialis Aulae Cancellarius Vice Reverendi in Christo Patris Domini Gorlatii Moguntinensis Archiepiscopi, Sacri Imperii per Germaniam Archicancellarii, recognovi.

Item. In Nomine Sanctae, & Individuae Trinitatis feliciter Amen.

Carolus Quartus divina favente Clementia Rom. Imperator, semper Augustus, & Bohemiae Rex. Ad perpetuam Rei memoriam. Etsi Imperialis mansuetudinis providentia curam gerens subditorum ad ea, quae Reipublicae respiciunt statum diligenter intendere teneatur, et sollicitudines, atque voluntarios subire labores, ut subiectus sibi populus in optata Pacis tranquillitate requiescat, ad illa nihilominus uberiori quodam favore mentis suae aciem debet convertere, quae Sanctarum Ecclesiarum, et Ministrorum Omnipotentis Dei commodum sapiunt, et honorem. Sane singularis ardoris affectus, quo Ecclesiam Metropolitanam Sanctae Sedis Rigenfis multiplicatis favoribus prosequamur, nostram ferventius induxit Serenitatem, ut ad ampliandum ipsius commoda, et honores ferventius intendamus. Eapropter universa, et singula Privilegia, Literas, Concessiones, Gratias, Libertates, Immunitates, Jura, Consuetudines consuetas, et laudabiles, nec non Honores, Feuda, Castra, Munitiones, Civitates, Oppida, Terras, Venerabili Vromoldo Archiepiscopo Rigensi, Principi, ac devoto nostro dilecto, et Ecclesiae, seu Episcopatu suo in Capite, et in membris, a recolendae memoriae divi Imperatoribus et Romanorum Regibus, et specialiter a Henrico Imperatore, Praedecessoribus nostris indulta, seu indultas, concessa, feu concessas de Principum, Procerum, et Nobilium nostrorum maturo consilio praehabito, et ex certa nostra scientia, ac de plenitudine Potestatis Imperialis, de verbo ad verbum in omnibus suis sententiis, et clausulis, ac si praedictorum privilegiorum, literarum, libertatum, iurium, concessionum, et immunitatum tenores Praesentibus forent inserti, et totaliter interclusi, innovamus, approbamus, laudamus, ratificamus, et praesentis scripti patrocinio confirmamus, suppletes nihilominus omnem defectum auctoritate Imperiali, qui continetur quomodolibet in praemissis, salvis tamen semper Juribus aliorum. Nullus etiam cuiuscunque conditionis, dignitatis, seu praeeminentiae existat, vacante, seu non vacante Ecclesia Rigensi, praefata bona ipsius, quaecunque in Civitate, vel extra in aliis locis ad ipsam

Ecclesiam pertinent, quovis modo invadere, vel impugnare praesumat, seu quodcunque malum, vel violentiam in personis, vel bonis irrogare. Si quae etiam Bona, Possessiones, seu Terras Archiepiscopus praedictus, seu Ecclesia sua ab infidelibus acquisiverint, expugnaverint, vel quovis modo obtinuerint, eadem, et easdem praedicti Archiepiscopus, et Ecclesia libere, et perpetuis temporibus cum utili dominio possidere, et habere, directo dominio, et iure Superioritatis Nobis, et Successoribus nostris Imperatoribus, et Romanorum Regibus penitus reservato. Decernimus etiam, quod nullus infra Districtum, et Territorium Ecclesia; praedictae Rigensis, Castrum, Fortalitium, seu quamvis aliam munitioem erigat, vel instauret, absque ipsius Archiepiscopi, et Ecclesia; conenuu expresso, et licentia speciali, nihilominus sic eressa, et aedificata ad Archiepiscopum, et Ecclesiam eo ipso sint devoluta, vel ipse aedificans aedificia, et instaurata propriis sumptibus demolire, et diruere teneatur. Sique etiam Archiepiscopum praedictum, vel suos ab infidelibus detineri, vel capi contigerit, absque cuiuscunque alterius requisitione libere poterint redimi, et exolvi. Voluntius insuper firmiter statuentes, quod saepedictus Archiepiscopus, et homines sui, ac Ecclesiae suae per Terras, et Districtus eorum proprios libere procedere valeant, et res suas deducere absque vectigalium, pedagiorum, theloniorum impositione, seu quavis alia solutione. Volentes, et decernentes expresse omnia, et singula suprascripta, et quodlibet praedictorum perpetuis temporibus obtinere inviolabilis valoris firmitatem. Nulli ergo omnino hominum liceat hanc nostrae Confirmationis gratiam, et omnia alia suprascripta infringere, aut contra ea ausu temerario facere, vel quomodolibet attemptare. Si quis vero contra praemissa, vel aliquod praemissorum facere, seu attemptare temere praesumpserit, ultro indignationis nostrae aculeum, et paenam gravissimam in rebus, et personis, pro motu proprio infligendam, paenam etiam centum librarum auri puri, et quoties contra praemissa, vel aliquod praemissorum factum fuerit, quarum medietate Fisco Imperiali, et aliam medietatem praefato Domino Archiepiscopo, et Ecclesiae suae applicari volumus, se noverit insallibiliter incursum. Signum Serenissimi Principis, et Domini, Domini Caroli Quarti Rom. Imperatoris invictissimi, et gloriosissimi Bohemiae Regis. Testes huius rei fuerunt. Venerabiles Ernestus Sanctae Pragense Ecclesiae Archiepiscopus, Joannes Olomucensis, Theodorus Myndensis, Theodorus Wormaciensis, et Maurus Corbaniensis, Ecclesiarum Episcopi. Illustres Rudolphus Saxoniae, Sacri Imperii Archimareschalcus, Bolko Salkemburgensis, Przymislaus Testhinensis, Casimirus Stednensis, et Bolko Opoliensis, Duces, spectabiles Burthardus Burgrabius Magdeburgensis, Magister Curiae nostrae Imperialis, Burthardus, et Joannes de Retz Comites, ac Nobiles Sbinko de Hazenburg, et Hastho de Sweretitz Magistri Imperialis nostrae Camerae, et Czonko de Lipa Summus Regni Bohemiae Marschalcus, Wanko de Wartemberg, et Heinricus de Nova Domo, et alii quam plures nostri, et Imperii Sacri Principis, Nobiles, et Fideles praesentium, sub bulla aurea typario Imperialis nostrae Maiestatis impressa, testimonio Literarum. Datum Pragae Anno Domini millesimo trecentesimo sexagesimo, Indictione XIII. III. Idus Junii Regnorum nostrorum Anno XIV.

Imperii vero VI. Ego Joannes Dei Gratia Luthomuschlensis Episcopus Sacrae Imperialis Aulae Cancellarius, vice Reverendi in Christo Patris Domini Gerlati Moguntinensis Archiepiscopi, Sacri Imperii per Germaniam Archicancellarii recognovi. Nos vero attendentes, quod inter gloriosas Reipublicae curas, quibus nostrae Maiestatis eminentia se pro suorum devotorum assidua fidelium quiete subditorum dignatur exponere, illam Nobis curam destinamus praecipuam, per quam Sanctas Ecclesias Nobis, et Romano Imperio

subiectas, et eorum Praelatos, et Personas in filiis Juribus, Privilegiis, Immunitatibus, et Libertatibus valeamus conservare, dictamque petitionem ipsius Archiepiscopi rationi consonam, et ex Juris tramitibus procedentem condigne duximus exaudiendam. Vos Fratres carissimos Daciae, Sveciae, Norvegiae, etc. Poloniae Reges, (incero affectu praesentibus requirimus, et hortamur, vobisque Stetinensi, et Magnopolensi Ducibus sub obtentu nostrae Maiestatis, et Sacri Romani Imperii gratiae communiter, divisim, et coniunctim praecipimus, et mandamus, quatenus Vos duo, aut unus vestrum, qui super praemissis, aut aliquo praemissorum requisici fuerint, vel fuerit requifitus, per vos, alium, seu alios toties quoties se locus obtulerit, Archiepiscopo, et Ecclesiae suae Rigensi praedictis efficaci defensionis praesidio nostra Imperiali autoritate fideliter assistatis. Non permittentes eosdem in Bonis, Juribus, Privilegiis, Immunitatibus, et Libertatibus ad Archiepiscopum, et Ecclesiam Rigensem praedictos spectantibus per quempiam indebite quomodolibet molestari, inquietari, seu perturbari, vel eis gravamina, damna, seu iniurias irrogari, sed ipsos ex nostrae Imperialis Celsitudinis potestate defendere, fovere, manu tenere studeatis, ac tueri. Occupatores, Detentores Molestatores, Praesumptores, et iniuriatores praedictorum, si qui fuerint, nec non Contradictores quoslibet rebelles, et inobedientes coercendo, et contra praemissa, seu ipsorum aliqua temere in nostrae Maiestatis laesionem facientes, cuiuscunque dignitatis, status, gradus, ordinis, aut conditionis extiterint, quandocunque, et quotiescunque opus fuerit, eosdem ad paenas in dictis Privilegiis, Confirmationibus, et Concessionibus Praedecessorum nostrorum, et nostris expressatas irremissibiliter procedatis, ipsosque vice, et autoritate nostra Caesarea compescatis, et compellatis, ut a turbationibus, et molestationibus huiusmodi universis penitus desistant. Invocato ad hoc, si opus fuerit, eorum auxilio, quorum videritis invocandum. Insuper volumus, et nostra Imperiali autoritate decernimus, quod quilibet vestrum prosequi, et finire valeat Articulum, etiam per vestrum alterum inchoatum, quamvis idem inchoans non fuit legitimo impedimento praepeditus, praesentibus ad nostrum, et Successorum nostrorum beneplacitum duraturis. Praedictis tamen Privilegiis, Confirmationibus, et Concessionibus in suo robore perpetuo permansuris, praesentium sub Imperiali nostrae Maiestatis Sigillo testimonio Literarum. Datum Praegae Anno Domini millefimo trecentesimo sexagesimo sexto, Indictione IV. IX. Calendas Maii Regnorum nostrorum Anno vicesimo, Imperii vero duodecimo.

Информация о статье

Автор: Бессуднов Даниил Александрович – кандидат исторических наук, Санкт-Петербург, Россия; ORCID: 0000-0002-1934-7253; e-mail: krokobes@yandex.ru

Заголовок: У истоков польского протекторства: передача императорской «консерватуры» в отношении Рижского архиепископства в 1366 году

Аннотация: Статья содержит полный текст рескрипта императора Карла IV Люксембургского от 1366 года, в котором говорится о передаче ряду европейских государей ответственности за сохранение («консерватуру») привилегий Рижских архиепископов как князей империи и Рижской епархии как имперского лена. На привилегии Рижской церкви покушался Тевтонский орден в Ливонии, хотя они были пожалованы ей императорами, начиная с «контримператора» Генриха Распе, и неоднократно подтверждались самим Карлом IV. Их защита считалась императорской прерогативой, и ее делегирование ряду европейских государей дало им основание в XVI веке активно вмешиваться в дела Ливонии. Особенно заметно это проявилось во внешней политике польско-литовских Ягеллонов.

Ключевые слова: Карл IV Люксембургский, Польша, Ливония, Рижское архиепископство, протекторство

Библиографический список

- Бессуднов, Даниил Александрович. Балтийская политика Польши и Литвы в середине XVI в. Дисс. на соискание степени к.и.н. СПб.: СПбГУ, 2017. 229 с.
- Бойцов, Михаил Анатольевич. Золотая булла 1356 г. и королевская власть в Германии во второй половине XIV в. // Средние века. 1989. № 52. С. 25–46.
- Документы к истории присоединения Ливонии к Польше // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Том 3. Рига: Типография Липинского, 1880. С. 401–432.
- Королюк, Владимир Дорофеевич. Ливонская война: Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. М.: Издательство АН СССР. С. 42–72.
- Непомнящая, Р. В. Образ идеального правителя в «Vita Caroli» Карла IV // Человек в контексте культуры. Славянский мир / ред. Л.Н. Виноградова, Т.М. Николаева. М.: Индрик, 1995. С. 65–70.
- Хайде, Юрген. Ливония под властью Речи Посполитой. Борьба за власть и социальная трансформация // QUAESTIO ROSSICA. 2014. № 2. С. 112–143.
- Biskup M. Der Deutsche Orden in Bahn der habsburgischen Politik in der zweiten Hälfte des 15. und zu Beginn des 16. Jahrhunderts // Ritterorden zwischen geistlicher und weltlicher Macht im Mittelalter (Ordines militares - Colloquia Torunensia Historica 5) / hrsg. v. Z. H. Nowak. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikolaja Kopernika, 1990. S. 101–126.
- Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae / coll. M. Dogiel. Vilnae: Typografia Regia et Reipublicae, 1759. Vol. 5. 478 p.
- Hellmann, Manfred. Altlivland und das Reich // Felder und Vorfelder russischer Geschichte / hrsg. v. P. Scheibert, I. Auerbach, A. Hillgruber. Freiburg: Rombach, 1985. S. 61–75.
- Jähnig, Bernhart. Der Deutsche Orden und die livländischen Bischöfen im Spannungsfeld vom Kaiser und Papst // Nordost-Archiv. 1998. Bd. 7. S. 47–63.
- Nowakowska, Natalia. Poland and the Crusade in the Reign of King Jan Olbracht, 1492–1501 // Crusading in the Fifteenth Century. Message and Impact / ed. by N. Housley. London: Paigraue Macmillan Ltd, 2004. P. 128–147.
- Schwarz, Jörg. Zwischen Kaiser und Papst: Der Rigaer Erzbistumsstreit 1480–1483 // Zeitschrift für Historische Forschung. 2007. Bd. 34. № 3. S. 373–401.
- Thill, Marc, Schank, Dan. Johann der Blinde, Karl IV. Das Zeitalter der Luxemburger. Luxemburg: Schortgen, 2016. 96 S.
- Werner, Matthias. Landgraf Heinrich Raspe von Thüringen (1227–1247) - Reichsfürst in der Mitte des Reiches und «Gegenkönig» Konrads IV. // Konrad IV. (1228–1254): Deutschlands letzter Stauferkönig / hrsg. v. K.-H. Rueß. Göppingen: Gesellschaft für staufische Geschichte, 2012. S. 26–48.

Information about the article

Author: Bessudnov Daniil Aleksandrowich — Candidate of Historical Sciences, Saint-Petersburg, Russia; ORCID: 0000-0002-1934-7253; e-mail: krokobes@yandex.ru

Title: At the origins of Polish patronage: the transfer of the imperial "conservatory" in relation to the Archbishopric of Riga in 1366

Abstract: The article contains the full text of the rescript of Emperor Charles IV of Luxembourg dated 1366, which refers to the transfer to several European sovereigns of responsibility ("conservatory") for maintaining the privileges of the Archbishops of Riga as princes of the empire and the diocese of Riga as an imperial fief. The Teutonic Order in Livonia encroached on the privileges of the Church of Riga, although they were granted to the latter by emperors, starting with the "counter-emperor" Heinrich Raspe, and repeatedly confirmed by Charles IV himself. Their protection was considered an imperial prerogative, and its delegation to a number of European sovereigns gave them reason to actively interfere in the affairs of Livonia in the 16th century. This was especially noticeable in the foreign policy of the Polish-Lithuanian Jagiellons.

Keywords: Charles IV of Luxembourg, Poland, Livonia, Archbishopric of Riga, patronage

References

- Bessudnov, Daniil Aleksandrovich. *Baltiyskaya politika Pol'shi i Litvy v seredine XVI v. [Baltic policy of Poland and Lithuania in the middle of the 16th century]*. Dissertation for the degree of candidate of historical sciences. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 2017. 229 p. (in Russian).

- Boytsov, Mikhail Anatol'yevich. Zolotaya bulla 1356 g. i korolevskaja vlast' v Germanii vo vtoroy polovine XIV v. [The Golden Papal Bull of 1356 and the royal power in Germany in the second half of the 14th century], in *Srednie veka [Middle Ages]*, 1989. No. 52. Pp. 25–46. (in Russian).
- Dokumenty k istorii prisoyedineniya Livonii k Pol'she. Sbornik materialov i statey po istorii Pribaltiyskogo kraya [Documents on the history of the annexation of Livonia to Poland. Collection of materials and articles on the history of the Baltic region]*. Vol. 3. Riga: Lipinski Publ., 1880. Pp. 401–432. (in Russian).
- Korolyuk, Vladimir Dorofeyevich. *Livonskaja vojna: Is istorii vneshney politiki Russkogo centralisovannogo gosudarstva vo vtoroy polovine XVI v.* [Livonian War: From the history of the foreign policy of the Russian centralized state in the second half of the 16th century] Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ. Pp. 42–72. (in Russian).
- Nepomnyashchaya, R. V. Obraz ideal'nogo pravitelja v «Vita Caroli» Karla IV [The image of the ideal ruler in the "Vita Caroli" of Charles IV], in *Chelovek v kontekste kultury. Slavyanskiy mir [Man in the context of culture]*. Ed. L.N. Vinogradova, T.M. Nikolaeva. Moscow: Indrik Publ., 1995. Pp. 65–70. (in Russian).
- Heide, Jurgen. Livoniya pod vlast'yu Rechi Pospolitoj. Bor'ba za vlast' i sotsial'naya transformatsiya [Livonia under the rule of the Commonwealth. Power struggle and social transformation], in *QUAESTIO ROSSICA*, 2014. No. 2. Pp. 112–143. (in Russian).
- Biskup, Marian. Der Deutsche Orden in Bahn der habsburgischen Politik in der zweiten Hälfte des 15. und zu Beginn des 16. Jahrhunderts [The Teutonic Order in the Path of Habsburg Politics in the Second Half of the 15th and the Beginning of the 16th Century], in *Ritterorden zwischen geistlicher und weltlicher Macht im Mittelalter (Ordines militares — Colloquia Torunensia Historica 5)*. Ed. Z.H. Nowak. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikolaja Kopernika, 1990. Pp. 101–126. (in German).
- Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae [Diplomatic code of the Kingdom of Poland and the Grand Duchy of Lithuania]*. Ed. M. Dogiel. Vilnae: Typografia Regia et Reipublicae, 1759. Vol. 5. 478 p. (in Latin).
- Hellmann, Manfred. Altlivland und das Reich [Old Livonia and the Empire], in *Felder und Vorfelder russischer Geschichte*. Ed. P. Scheibert, I. Auerbach, A. Hillgruber. Freiburg: Rombach, 1985. Pp. 61–75. (in German).
- Jähnig, Bernhart. Der Deutsche Orden und die livländischen Bischöfen im Spannungsfeld vom Kaiser und Papst [The Teutonic Order and the Livonian bishops in the area of conflict between the emperor and the pope], in *Nordost-Archiv*, 1998. Vol. 7. Pp. 47–63. (in German).
- Nowakowska, Natalia. Poland and the Crusade in the Reign of King Jan Olbracht, 1492–1501 // *Crusading in the Fifteenth Century. Message and Impact*. Ed. by N. Housley, London: Paigrove Macmillan Ltd, 2004. Pp. 128–147.
- Schwarz, Jörg. Zwischen Kaiser und Papst: Der Rigaer Erzbistumsstreit 1480–1483 [Between Emperor and Pope: The Riga Archdiocese Controversy 1480–1483], in *Zeitschrift für Historische Forschung*, 2007. Vol. 34. No. 3. Pp. 373–401. (in German).
- Thill, Marc, Schank, Dan. Johann der Blinde, Karl IV. Das Zeitalter der Luxemburger [John the Blind, Charles IV. The age of the Luxemburgers]. Luxemburg: Schortgen Publ., 2016. 96 p. (in German).
- Werner, Matthias. Landgraf Heinrich Raspe von Thüringen (1227–1247) — Reichsfürst in der Mitte des Reiches und "Gegenkönig" Konrads IV. [Landgrave Heinrich Raspe of Thuringia (1227–1247) — imperial prince in the middle of the empire and "anti-king" of Konrad IV], in *Konrad IV. (1228–1254): Deutschlands letzter Stauferkönig*. Ed. by K.-H. Rueß. Göppingen: Gesellschaft für staufische Geschichte, 2012. Pp. 26–48. (in German).

Для цитирования статьи:

Бессуднов Д. А. У истоков польского протекторства: передача императорской «консерватуры» в отношении Рижского архиепископства в 1366 году. *Caurus*. 2022. Т. 1. № 2. С. 92–109. DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-92-109

For citation:

Bessudnov D. A. At the origins of Polish patronage: the transfer of the imperial "conservatory" in relation to the Archbishopric of Riga in 1366. *Caurus*. 2022. Vol. 1(2). P. 92–109. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-92-109

ХРОНИКА

УДК 37.01

ББК 74.03

DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-110-115

Н. В. Салонилов

ПЯТЫЕ ЛИХУДОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ

14–15 апреля 2022 г. в Гуманитарном институте НовГУ им. Ярослава Мудрого состоялась всероссийская научная конференция с международным участием «Пятое Лихудовские чтения»¹. Конференция является одним из мероприятий проекта «Европейские традиции в истории высшей школы России», реализуемого кафедрой всемирной истории и международных отношений Гуманитарного института в рамках программы «Приоритет 2030». Конференция была проведена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований конкурс «Петровская эпоха в истории России: современный научный взгляд» (проект № 20-09-42029).

В течение двух дней на конференции прозвучало 25 докладов ученых разного профиля, представляющих академические институты, университеты, архивы и библиотеки Москвы, Санкт-Петербурга, Великого Новгорода, Екатеринбурга, Новосибирска, Саратова, Белграда и Вены.

Большая часть докладов была посвящена традициям образования в России, Западной и Центральной Европе от Средневековья до Новейшего времени. Особое внимание на конференции было уделено творчеству и деятельности братьев Иоанникия и Софония Лихудов и их учеников, истории созданных ими в Москве и Новгороде учебных заведений. Важное место в программе конференции заняли доклады, посвященные истории книги и библиотек.

Пленарное заседание конференция открылось мемориальным докладом к.и.н., заведующей Отделом редких книг (Музей книги) Российской государственной библиотеки *Джамили Нуровны Рамазановой*, посвященным вкладу Б. Л. Фонкича в изучение деятельности братьев Лихудов. Борис Львович Фонкич – крупнейший отечественный специалист по византийской палеографии и истории греческо-русских связей, ушел из жизни в сентябре 2021 года. Он стоял у истоков Лихудовских чтений в Новгороде, был их постоянным участником и ответственным редактором сборников материалов конференции. Среди многообразия научных тем, которыми занимался Б. Л. Фонкич, лихудовская тема стала одной из важнейших. На основании глубокого источниковедческого анализа документов Б. Л. Фонкич первым в отечественной

¹ Материалы предыдущих конференций были опубликованы в следующих сборниках: Лихудовские чтения: Материалы науч. конф. «Первые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 11–14 мая 1998 г. / Отв. ред. В. Л. Янин, Б. Л. Фонкич. Великий Новгород, 2001. 248 с.; Лихудовские чтения: материалы науч. конф. «Вторые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 24–26 мая 2004 г. / отв. ред. В. Л. Янин, Б. Л. Фонкич. Великий Новгород, 2009. 255 с.; Европейские традиции в истории высшей школы в России: от доуниверситетской модели к университетам: сборник статей / сост. В. В. Грохотова, Н. В. Салонилов; отв. ред. Н. В. Салонилов. Великий Новгород, 2018. 354 с.

исторической науке дал объективную оценку роли братьев Лихудов в истории создания первого высшего учебного заведения России – Московской Славяно-греко-латинской академии. Подготовленные им ученики продолжают работу в этом направлении.

Значительный блок докладов, прозвучавших на конференции, был посвящен изучению деятельности братьев Иоанникия и Софрония Лихудов и их учеников. *Елена Леонидовна Ермолаева*, к.ф.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета, сделала доклад о греческих стихах Лихудов, сохранившихся в рукописях их учебника «О поэтическом или метрическом искусстве». В докладе автор предложила транскрипции и перевод светских стихов Лихудов, комментариев к ним, а также гипотезы об их датировке. Специалист Российского государственного архива древних актов *Альберт Григорьевич Бондач* представил участникам конференции новые документальные свидетельства о конфликте братьев Лихудов с Панайотисом Родитисом. О новых находках рукописей учеников «Лихудовского круга» рассказала *Джамия Нуровна Рамазанова*. Рукописи были выявлены автором доклада в библиотеках Сербии, Петрозаводска, Казани и Санкт-Петербурга, что с одной стороны расширяет круг книгохранилищ, в которых сохранилось рукописное наследие Лихудов и их учеников, а с другой представляет новые сведения об истории бытования этих манускриптов. Два доклада были посвящены деятельности московского ученика Лихудов иеромонаха Иова. Старший научный сотрудник Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом), к.ф.н. *Олег Витальевич Панченко* рассказал о неизвестных эпизодах из биографии Иова, относящихся ко времени его ссылки в Соловецкий монастырь. Будучи на Соловках, Иов принял участие в составлении крупнейшего свода житий соловецких святых – книги «Сад спасения», а также был редактором Летописца Соловецкого монастыря. Стилистический анализ текста позволил установить, что ему принадлежит заключительная статья Летописца, в которой рассказывается о двух приходах Петра I в Соловецкий монастырь – в 1694 и 1702 годах. Деятельности иеромонаха Иова в Новгороде был посвящен совместный доклад к.и.н., доцента кафедры всемирной истории и международных отношений НовГУ *Николая Вячеславовича Салоникова* и к.и.н., старшего преподавателя Департамента филологии НИУ «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург) *Константина Владимировича Суториуса*. Сохранившиеся в архивных документах оценки современников, дают представление об Иове как о человеке с «трудным характером». Именно личные качества иеромонаха Иова сказались на его взаимоотношениях с епархиальными властями и преподавании им в архиерейской школе. Анализ переписки новгородского митрополита Иова с московским учеником братьев Лихудов Федором Поликарповым посвятил доклад к.и.н., доцент кафедры всемирной истории и международных отношений НовГУ *Константин Станиславович Десятков*.

История отечественного образования XVII–XX столетия была представлена на конференции рядом докладов. *Татьяна Анатольевна Опарина*, к.и.н., профессор кафедры всеобщей истории искусств Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, рассмотрела проблему обучения русскому языку «греческих светских мигрантов» в России первой половины XVII века. На основании анализа источников, в частности биографий греческих переводчиков Посольского

приказа, автор поставила вопрос об уровне их образованности, в том числе о знании ими русского языка. Доклад к.и.н., старшего научного сотрудника Института философии РАН, *Маргариты Анатольевны Корзо* был посвящен ответу на вопрос какие учебники (не)использовали в Киевской братской школе в 20-х годах XVII века. Анализируя структуру, содержание и способ подачи материала двух польскоязычных сочинений ректора братской школы Кассиана Саковича – «Проблемы или Польские вопросы о человеческой природе» (Краков, 1620) и «Трактат о душе» (1625), которые в литературе принято считать учебными пособиями, автор рассмотрела аргументы «за» и «против» того, что они изначально задумывались автором именно как учебники.

Доклад ведущего научного сотрудника Института всеобщей истории РАН, д.и.н. *Ольги Евгеньевны Кошелевой* был посвящен анализу интеллектуальных усилий московских книжников по созданию школьного православного образования. На основе сравнительного анализа учебных рукописных сборников, составленных в последней четверти XVII века Прохором Коломнятиным и Евфимием Чудовским, автор пришла к заключению о том, что два разных составителя, работавших независимо друг от друга и использовавших для своих сборников разные тексты, предложили одинаковые тематические блоки по формированию содержания школьного образования, но их возможности обновить православное обучение, вследствие специфики православной литературы, оказались ограничены. Им пришлось обращаться к некоторым новым переводным произведениям и собственным сочинениям. Доцент Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, к.и.н. *Ирина Павловна Кулакова* посвятила свой доклад истории культуры письма в России XVII–XVIII веков и связанной с ней пространственно-предметной средой. Анализируя визуальные источники, автор рассмотрела культуру письма на примере бытовых и материальных реалий (поза, мебель), особо отметив роль новых культурных установок, повлиявших на ее трансформацию в интеллектуально-образовательной среде России.

Ирина Александровна Вознесенская, к.и.н., старший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела рукописей Библиотеки Российской академии наук, поставила важный вопрос о статусе учебных заведений петровского времени. В отечественной историографии существует устойчивое мнение, что Московская Славяно-греко-латинская академия при братьях Лихудах, не являлась высшим учебным заведением, получив этот статус только в 1701 году. Автор доклада, считает эту точку зрения необъективной из-за неполноты источниковой базы и произвольной трактовки исследователями документов по истории школы, что и подтвердила на примере анализа ведомости учащихся Московской Славяно-греко-латинской академии за 1727 год. Совместный доклад *Николая Вячеславовича Салоникова* и *Константина Владимировича Суториуса* был посвящен истории Новгородской архиерейской школы при архиепископе Феофане (Прокоповиче). Изучив судьбы учеников школы в середине 20-х – начале 30-х годов XVIII столетия, авторы пришли к выводу, что упадок школы стал следствием строгого исполнения владыкой норм «Духовного регламента», что привело к постепенному исключению из школы детей, не принадлежащих к духовному сословию. В этот период они составляли основной

контингент учащихся, поскольку духовенство Новгородской епархии перестало отправлять детей в школу, результатом чего стало временное прекращение ее деятельности. *Сергей Павлович Славинский*, кандидат архитектуры, доцент кафедры архитектуры и реставрации НовГУ, рассказал об эволюции школьных зданий в России от петровского времени до эпохи Екатерины II.

Доклад *Лоры Александровны Герд*, д.и.н., ведущего научного сотрудника Отдела всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории РАН, был посвящен поездке в Сирию в 1843 году архимандрита Порфирия (Успенского). Анализ писем и дневниковых записей позволил автору реконструировать детали этой поездки, которая стала началом изучения отечественными учеными истории Антиохийского патриархата и установления связей Антиохийской церкви с Россией в 40-е годы XIX столетия.

Истории учебных заведений Великого Новгорода конца XIX – первой половины XX века были посвящены два доклада сотрудников НовГУ. *Александра Леонидовна Семенова*, д.ф.н., профессор кафедры журналистики, рассказала об отражении на страницах Новгородских епархиальных ведомостей деятельности Новгородской духовной семинарии. *Наталья Сергеевна Федорук*, к.и.н., доцент кафедры истории России и археологии, посвятила свой доклад изучению начального этапа становления высшего исторического образования в Великом Новгороде. Подробно изучив приказы дирекции Новгородского государственного педагогического и учительского институтов, автор детально реконструировала историю организации и реорганизации исторического факультета за первые четыре года его существования.

История западноевропейского образования эпохи Средневековья и раннего Нового времени на конференции была представлена двумя докладами. *Нина Ивановна Девятайкина*, д.и.н., профессор Саратовской государственной консерватории и Московского государственного педагогического университета, рассказала о взглядах Петрарки на риторику как дисциплину воспитания. В своих письмах, диалогах и инвективах гуманист доказывал первостепенную важность воспитания и «врачевания душ» риторикой, считая, что мастерство речи требует равной ему безупречности этического облика ратора, добродетели, мудрости, скромности и честности. Благодаря Петрарке в европейской интеллектуальной традиции появляются новые оценки риторики, ее социальной и этико-дидактической миссии. Институциональный и правовой конфликт Венского университета и иезуитского колледжума в 1551–1623 гг. стал предметом доклада *Дмитрия Олеговича Жарова*, магистранта Центрально-Европейского университета (Вена). Это противостояние двух учебных заведений Вены иллюстрирует сложность взаимодействия между «старыми», классическими учебными заведениями и «новыми» школами, возникшими в Европе в раннее Новое время. В докладе автор описал ход конфликта и разобрал ключевые аспекты полемики между университетом и колледжумом, а также проблему «переманивания» студентов, ставшую одной из ключевых в этом противостоянии.

Три доклада, прозвучавших на конференции, были связаны с историей Сербии. *Майя Панайот Николова* (Белград) посвятила свой доклад образованию сербских студентов в духовных академиях России XVIII века и их роли в открытии в Сербии новых

школ и распространении просвещения. Младший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований славянской книжности Института славяноведения РАН *Марина Геннадиевна Обижаева* сделала доклад на тему: «Сербские следы Московской грамматики 1648 года в образовательной системе Габсбургов последней трети XVIII века». Доклад *Дмитрия Георгиевича Полонского*, к.и.н., научного сотрудника Отдела истории Средних веков Института славяноведения РАН, был посвящен книгописной школе сербского монастыря Рача и ее последователям в венгерских владениях Габсбургов в конце XVII – первой половине XVIII века. На примере рукописных памятников из собраний Сербии и России автор доклада рассмотрел деятельность сербских книжников, переселившихся в венгерские владения в 1690 г. при патриархе Арсении III Черноевиче. В конце XVII в. заметную группу среди них составляли монахи, трудившиеся в скриптории монастыря Рача, а затем и их ученики. Изучая наследие рачанской книгописной школы и ее влияние на художественную манеру сербских писцов-мигрантов, автор пришел к выводу, что уже во втором поколении книжников, учившихся каллиграфии вне монастырского скриптория, рачанскую школу постиг распад.

Истории книги были посвящены еще два доклада. Научный сотрудник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника, кандидат культурологи *Илья Андреевич Мельников* рассказал о роли Новгородской духовной семинарии и «Братства Св. Софии» в собирании старообрядческих рукописей. В XIX – начале XX века комплектование фондов этих учреждений во многом предопределялось задачами «внутренней миссии», то есть полемики с «раскольниками» и «сектантами». По этой причине существенное место в книжных собраниях семинарии и братства заняли рукописные и старопечатные книги XVI–XIX столетий. Особенную ценность этим коллекциям придает тот факт, что они характеризуют рукописную книжную традицию Новгородского региона XVIII – начала XX века и в настоящее время остаются мало изученными. Совместный доклад *Ольги Анатольевны Овчинниковой*, к.филос.н., директора Научной библиотеки Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), и *Ольги Викторовны Моревой*, к.и.н., сотрудника Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН (Новосибирск), был посвящен истории библиотеки Иркутской духовной семинарии. На основании изучения рукописного каталога библиотеки, составленного в 20-е годы XIX века, авторы дали характеристику книг, входивших в состав раздела каталога «Сочинения неблагомыслящих писателей».

Информация о статье

Автор: Салоников Николай Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; ORCID: 0000-0002-6094-2038, SPIN-код: 5146-8802; e-mail: salonikov@list.ru

Заголовок: Пятое Лихудовские чтения в Великом Новгороде

Аннотация: В обзоре представлена тематика докладов, прозвучавших 14–15 апреля 2022 г. на научной конференции Пятое Лихудовские чтения в Новгородском государственном университете им. Ярослава Мудрого.

Ключевые слова: братья Лихуды, история образования и книги в России и за рубежом

Библиографический список

- Европейские традиции в истории высшей школы в России: от доуниверситетской модели к университетам: сборник статей / сост. В. В. Грохотова, Н. В. Салоников; отв. ред. Н. В. Салоников. Великий Новгород, 2018. 354 с.
- Лихудовские чтения: Материалы науч. конф. «Первые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 11–14 мая 1998 г. / Отв. ред. В. Л. Янин, Б. Л. Фонкич. Великий Новгород, 2001. 248 с.
- Лихудовские чтения: материалы науч. конф. «Вторые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 24–26 мая 2004 г. / отв. ред. В. Л. Янин, Б. Л. Фонкич. Великий Новгород, 2009. 255 с.

Information about the article

Author: Salonikov Nikolay Vyacheslavovich — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World History and International Relations, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia; ORCID: 0000-0002-6094-2038, SPIN-code: 5146-8802; e-mail: salonikov@list.ru

Title: The Fifth Leichoudes Studies in Veliky Novgorod

Abstract: The review describes the topics of the reports presented on April 14–15, 2022 at the scientific conference The Fifth Leichoudes Studies at the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University.

Keywords: Leichoudes brothers, history of education and books in Russia and abroad

References

- Evropeyskie traditsii v istorii vysshey shkoly v Rossii: ot douniversitetskoy modeli k universitetam* [European traditions in the history of higher education in Russia: from the pre-university model to universities]: collection of articles. Comp. V.V. Grokhotova, N.V. Salonikov; ed. N.V. Salonikov. Veliky Novgorod, 2018. 354 p.
- Likhudovskie chteniya* [The Leichoudes Studies]: Materials of scientific conference «Pervye Likhudovskie chteniya». Veliky Novgorod, 11–14 maya 1998. Ed. V.L. Yanin, B.L. Fonkich. Veliky Novgorod, 2001. 248 p.
- Likhudovskie chteniya* [The Leichoudes Studies]: Materials of scientific conference «Vtorye Likhudovskie chteniia». Veliky Novgorod, 24–26 maya 2004. Ed. V.L. Yanin, B.L. Fonkich. Veliky Novgorod, 2001. 255 p.

Для цитирования статьи:

Салоников Н. В. Пятые Лихудовские чтения в Великом Новгороде. *Caurus*. 2022. Т. 1. № 2. С. 110–115. DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-110-115

For citation:

Salonikov N. V. The Fifth Leichoudes Studies in Veliky Novgorod. *Caurus*. 2022. Vol. 1(2). P. 110–115. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-110-115

В. В. Грохотова

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ЛЕТНЯЯ ШКОЛА «НОВГОРОД В СИСТЕМЕ ГАНЗЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СРЕДНИЕ ВЕКА»

В 2022 году в рамках стратегического проекта Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого «Университет как генератор культурной идентичности», проекта кафедры всемирной истории и международных отношений (далее – кафедра ВИМО) «Феномен Ганзы» с 26 июня по 3 июля в Гуманитарном институте НовГУ прошла международная научно-практическая летняя школа «Новгород в системе ганзейских отношений в Средние века»¹.

Ежегодное проведение летних образовательных программ по ганзейской тематике рассматривается как возможность транслирования результатов большой исследовательской работы, которую проводит научный коллектив, возглавляемый профессором кафедры д.и.н. М.Б.Бессудновой. Международная научно-практическая летняя школа «Новгород в системе ганзейских отношений в Средние века» продолжила заложенный в 2021 г. тренд, когда в НовГУ была организована летняя школа «Повседневная жизнь ганзейцев в средневековом Новгороде»².

Программа³ мероприятия 2022 года включала обширную лекционную, практическую и экскурсионную части. В работе Школы приняли участие как профессорско-преподавательский состав НовГУ, так и приглашенные специалисты из России и Швеции. Всего в работе школы приняли участие 24 студента, магистранта и аспиранта из различных уголков России (из Великого Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга, Пскова и Липецка). Высокий научно-практический уровень программы обеспечили 17 лекторов/спикеров из Великого Новгорода, Санкт-Петербурга, Пскова и Стокгольма.

Участники программы собрались в Великом Новгороде 26 июня, ставшим днем знакомства участников друг с другом, городом и организаторами Школы. Участников поприветствовала завкафедрой всемирной истории и международных отношений, к.и.н. В. В. Грохотова, рассказавшая о деятельности кафедры ВИМО и концепции работы Школы. С докладом-знакомством выступила студентка 4-го курса, председатель исторического студенческого научного общества (далее – ИСНО) А. В. Егорова. В докладе она рассказала о деятельности двух исторических кафедр Гуманитарного института НовГУ, а также об основных направлениях работы ИСНО и

¹ https://vk.com/video-193055266_456239044

² Бессуднова М. Б. «Ганзейская» летняя школа на базе Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2021. № 2 (30). С. 189–191.

³ Ознакомиться с программой: https://vk.com/balt_centra?w=wall-193055266_310

планах его развития. Неформальная обстановка встречи позволила каждому участнику представить себя, сферу своих научных интересов, объяснить мотивы участия в «ганзейской» школе, сформулировать ожидаемые результаты. Завершился день знакомством слушателей школы с ансамблем Антониева монастыря XII века, на территории которого расположены сегодня учебные корпуса Гуманитарного института НовГУ.

27 июня состоялось открытие работы Летней школы. С приветственным словом к участникам обратился проректор по научной работе НовГУ А. Б. Ефременков, особо отметивший важность формирования в Новгороде площадки для встречи молодых исследователей, обеспечение междисциплинарного подхода в изучении истории. К слушателям также обратились и.о. директора Гуманитарного института Д. Е. Крапчунов, председатель комитета по туризму и зарубежным связям Великого Новгорода О. Н. Васильева, завкафедрой ВИМО В. В. Грохотова и директор Центра сотрудничества со странами Северной Европы и Балтии, профессор ВИМО и вдохновитель программы М. Б. Бессуднова.

Научная часть открылась лекцией профессора КВИМО, д.и.н. М. Б. Бессудновой «Великий Новгород и Ганза: краткая история взаимодействия», ставшей базовой для всех последующих лекций и практических занятий. Марина Борисовна рассказала о том, что такое Ганза, представила особенности обсуждения «ганзейской» проблематики в современной российской и зарубежной историографии, отдельно остановилась на вопросах русско-ганзейских отношений в Средние века, особой роли Новгорода. Отдельное внимание было уделено традициям «старины» и феномене «необычной торговли». Новгородскую тематику продолжила zoom-лекция доцента кафедры славянских языков Стокгольмского университета Элизабет Лёфstrand, в которой она затронула различные аспекты пребывания шведов в Новгороде в первой четверти XVII века. Первое практическое занятие школы, посвященное основам метода палеографии средненижненемецких ганзейских текстов, провела ассистент кафедры ВИМО В. А. Якунина. Участники школы работали с копиями из Таллиннского городского архива, попробовали прочесть письма фогтов, бургомистров и ратманов Нарвы XV века. Завершился день экскурсией в Николо-Вяжищский монастырь, первое упоминание о котором относится к 1411 году. В наши дни это один из объектов всемирного культурного наследия ЮНЕСКО, который особенно был интересен участникам школы как уникальный архитектурный ансамбль. Кроме того хранящиеся сегодня в ГАО монастырские документы содержат массу уникальных сведений по истории Новгородской земли.

Третий день школы (28 июня) начался с экскурсии в университетский учебный археологический музей им. С. Н. Орлова, которую провела к.и.н., доцент, заведующая кафедрой истории России и археологии НовГУ; эксперт Министерства культуры Российской Федерации Е. В. Торопова. Елена Владимировна познакомила участников школы с экспозицией музея, рассказала об истории археологического изучения Новгородской области, вкладе ученых университета, а также о работе университетской археологической экспедиции. Тематику археологического изучения Новгорода продолжила О. А. Тарабардина, к.и.н., заведующая Центром археологических исследований ФГБУК «Новгородский государственный объединенный музей-

заповедник». выступив с лекцией «Археологическое изучение Новгорода». В своей лекции она сделала акцент не только на истории самого города, но и на людях, кто эту историю воссоздавал.

Практическая часть этого дня началась с занятия «Немецкое подворье в ганзейских источниках», которое провел ассистент кафедры ВИМО А. В. Ушаков. Он познакомил участников Летней школы с историей создания и функционирования Немецкого подворья в Новгороде, затем слушатели поработали с текстом устава Немецкого подворья – «шрой» (скрой) и письмами купцов в ганзейские города. Участники практикума смогли самостоятельно реконструировать картину жизни Немецкого подворья в XV–XVI вв., а также оказались посвящены в проблемы, которые интересовали ганзейских купцов в Новгороде. В продолжение практической части программы К. В. Суториус, доцент НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, провел занятие в Zoom, посвящённое работе с латинскими книжными памятниками. Слушатели школы познакомились с основами латинской палеографии и смогли погрузиться в динамику изменений латинского письма в течении столетия.

После аудиторных занятий участники школы отправились на археологический раскоп (квартал 38, предполагаемое Немецкое подворье), работы на котором осуществляются под руководством П. Г. Гайдукова, д.и.н., члена-корреспондента РАН, зам. директора ИА РАН. Здесь П. А. Миляев, м.н.с. Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН, познакомил слушателей с находками этого года, поделился основаниями предположения того, что в этом месте нашли Немецкое подворье.

Завершился день экскурсией в Музей письменности, которую провел К.С.Десятков, доцент кафедры ВИМО, один из создателей этого Музея. Он познакомил слушателей с экспозицией, рассказал об истории создания музея показал древнейшую из ныне известных книг Древней Руси – Новгородскую Псалтырь.

День 29 июня полностью прошел в городе Старая Русса. Здесь участники Летней школы отправились на Пятницкий раскоп, где директор Центра археологических исследований НовГУ С. Е. Торопов рассказал о том, как сегодня ведутся раскопки, познакомил с принципами работы на раскопе и дальнейшим изучением обнаруженных материалов. Познакомиться с технологией добычи старорусской соли, устройством средневекового дома и образом жизни его обитателей участники школы смогли в интерактивном музее «Усадьба средневекового рушанина», а о средневековой Руссе, об особенностях жизни в средневековом городе Сергей Евгеньевич рассказал в ходе обзорной прогулки по Старой Руссе.

Особое интерес во время визита в Старую Руссу всегда занимает посещение дома-музея Ф. М. Достоевского, где он провел не одно лето, где был написан ряд его романов. Жаркий и такой насыщенный день завершили посещением Старорусского курорта. Участники школы увидели знаменитый Муравьевский фонтан, минеральные озёра, а также набрали с собой целебной старорусской воды.

Работа школы 30 июня началась в Государственном архиве новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО), где доцент кафедры ВИМО Н. В. Салоников и сотрудники архива провели для учащихся практическое занятие «Документы по истории новгородской земли в государственных архивах Новгородской области». Студенты познакомились с архивом, его фондами, принципами работы, а также смогли

почитать подлинники документов, посвященных истории Новгорода не только из ГАНИНО, но и из фондов Государственного архива Новгородской области (ГАНО). После практического занятия в архиве участники школы направились в легендарные Реставрационные мастерские Грековых, где им познакомили с современными методами реставрации, рассказали об истории мастерской и о судьбе её основателей.

Во второй половине дня была представлена лекция ассистента кафедры ВИМО Е. М. Поповой «Повседневная жизнь новгородцев в документах Ockupationsarkivet från Novgorod (Riksarkivet I Stockholm)», а в конце занятия слушатели пробовали самостоятельно прочитать одно из писем, написанное русской скорописью первой половины XVII века, повествующее о повседневных заботах новгородцев оккупационного периода.

1 июля стал днем обсуждения междисциплинарных подходов в изучении истории. Открылся цикл занятий по данной тематике лекцией заведующей Лабораторией комплексного исследования рукописных памятников СПбИИ РАН Е. И. Носовой. Учащиеся узнали о теории графов и о том, как её можно применять в исторических исследованиях. Екатерина Игоревна предоставила слушателям список бесплатного программного обеспечения, направленного на работу с графами и сетевым анализом, дала подробную инструкцию о том, как с этими программами работать. Тему продолжил научный руководитель и исполнительный директор Лаборатории «Искусство и искусственный интеллект» (Европейский университет в Санкт-Петербурге) О. Ю. Лашманов. Доступным для гуманитариев языком в своей лекции Олег Юрьевич рассказал о машинном обучении и о применении искусственного интеллекта в изучении археологии, палеографии и искусства.

Лекция старшего научного сотрудника СПбИИ РАН М. Е. Проскуряковой «Просопографические базы данных как инструмент работы с массовыми источниками» помогла слушателям составить представление о предмете просопографии, ключевых этапах распределения массовых источников. Особое внимание лектором было уделено возможности создания и применения просопографических баз данных при историческом исследовании, продемонстрированы созданные ею базы.

Прекрасным завершением дня стало посещение выставки «Русская икона XI–XIX вв.» в Новгородском музее. Участники школы увидели иконы XI–XIX вв., им рассказали об истории их создания, ключевых этапах в судьбе отдельных произведений и роли российской иконописи в развитии мирового искусства.

Научная составляющая 2 июля началась с лекции заведующей Лабораторией комплексного исследования рукописных памятников СПбИИ РАН Е. И. Носовой «Что скрывают тексты? Компьютерные программы для текстометрического анализа». Екатерина Игоревна рассказала о возможностях применения текстометрического анализа в исторических исследованиях и обозначила основные проблемы его использования. Слушатели также получили ссылки на необходимое бесплатное программное обеспечение и познакомились с платными ПО.

После лекции прошло практическое занятие Д. И. Вебера, к.и.н., доцента кафедры ВИМО, с.н.с. Центра восточнославянских исследований Отдела редких книг РНБ «Шифрованная переписка на Балтике». Дмитрий Иванович ввел слушателей в

общую историю шифрованной переписки в Западной Европе, рассказал о принципах шифровки и дешифровки, обозначил основные проблемы изучения шифрованных документов. Практическая часть занятия состояла в работе со средневерхненемецким шифрованными орденовыми материалами.

О французской экспансии в Ливонию и о торговых отношениях России и Франции в начале Нового времени слушателям в своей лекции «Французская торговая экспансия в Ливонию во второй половине XVI — первой половине XVII вв.: проекты и реальность» рассказал доцент кафедры всеобщей истории регионоведения ПсковГУ М. Ю. Колпаков.

Тему развития торговых отношений продолжила лекция ассистента кафедры ВИМО НовГУ А. В. Ушакова «"Новгородские гости" Любека в системе русско-ганзейских отношений XV – начала XVI века». Артём Владимирович рассказал о «новгородских гостях», специализированной купеческой корпорации, заинтересованной в торговле с городами Северо-Запада и, в первую очередь, с Новгородом. Особое внимание лектор уделил проблемам трансформации механизмов ганзейской торговли в середине – второй половине XV века, специфике функционирования Ганзейского союза, а также конкуренции между отдельными ганзейскими городами, в первую очередь, Любеком и Ревелем.

Завершил день круглый стол «Изучение Ганзы в XXI веке: письменное наследие и информационные технологии», модераторами которого выступили профессор кафедры ВИМО М. Б. Бессуднова и старший научный сотрудник СПБНИ РАН М. Е. Проскурякова. Марина Борисовна рассказала об архивах, хранящих в себе огромное количество источников, которые могут стать отличным материалом для исследователей, поделилась личным опытом работы в них и дала несколько советов тем, кто планирует начать заниматься изучением истории Балтийского региона. Мария Евгеньевна рассказала о проектах СПБНИ РАН, направленных на использование исследователями компьютерных технологий для расшифровки скорописи. Представленные вопросы вызвали большой интерес у слушателей и вызвали бурное обсуждение как озвученных тем, так и работы ганзейской школы в целом. Участники задавали интересующие их вопросы, делились впечатлениями и высказывали предложения по улучшению программы школы в последующих годах.

3 июля – последний день Летней школы показал результаты работы и обозначил новые задачи, как для начинающих, так и для опытных исследователей и преподавателей. Утро началось со стратегической сессии: «Изучение Ганзы в современной российской науке: проблемы и перспективы». В течение недели каждый участник школы был закреплен за одним из преподавателей-кураторов и подготавливал проект научной работы в рамках научной проблематики школы. Теперь же, вместе со своим куратором каждый участник должен был доработать свой проект и вынести его на обсуждение и защиту.

Участники представили широкий спектр проблем: развитие ганзейской торговли после присоединения Новгорода к Московскому царству, положение женщин и их приданного в ганзейской среде и роли в их судьбе приданого, визуализация историографии Русской Ганзы с использованием графов и многое другое. Помимо проектов по Ганзе были представлены и другие, не менее интересные

проекты, такие как, предложение провести текстометрический анализ берестяных грамот на предмет сохранившихся архаических традиций с помощью программы Lexico 5.13. Кроме того, участники школы инициировали разработку и создание ганзейского квеста по Великому Новгороду, что было горячо поддержано всеми участниками школы.

Завершилась школа торжественным вручением сертификатов участникам школы и благодарственных писем приглашенным лекторам.

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого стремится к укреплению научных связей, расширению круга участников проводимых мероприятий, реализации своей цели создания экспертной и исследовательской коммуникативной площадки по исследованию Ганзы, международных отношений в Балтийском регионе. Эта деятельность, как на уровне студенческих мероприятий, так и в рамках развития академической науки, будет продолжена и в 2022/2023 учебном году.

Информация о статье

Автор: Грохотова Валентина Владимировна – заведующий кафедрой всемирной истории и международных отношений, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0002-8838-7590; e-mail: valentina.grohotova@novsu.ru

Заголовок: Международная научно-практическая летняя школа «Новгород в системе ганзейских отношений в Средние века»

Аннотация: обзор посвящен описанию Международной научно-практической летней школы «Новгород в системе ганзейских отношений в Средние века», прошедшей с 26 июня по 3 июля 2022 года в Гуманитарном институте Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого в рамках стратегического проекта «Университет как генератор культурной идентичности» (Приоритет 2030).

Ключевые слова: Великий Новгород, Ганзейский союз, Балтийский регион, студенческая наука

Библиографический список

Бессуднова М. Б. «Ганзейская» летняя школа на базе Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2021. № 2 (30). С. 189–191.

Information about the article

Author: Grokhotova Valentina Vladimirovna — Head of the Department of World History and International Relations, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University; ORCID: 0000-0002-8838-7590; e-mail: valentina.grohotova@novsu.ru

Title: International Scientific and Practical Summer School "Novgorod in the System of Hanseatic Relations in the Middle Ages"

Abstract: The review is devoted to the description of the International Scientific and Practical Summer School "Novgorod in the system of Hanseatic relations in the Middle Ages", which took place from June 26 to July 3, 2022, at the Institute of Humanities of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University in the framework of the strategic project "University as a generator of cultural identity" (Priority 2030).

Keywords: Veliky Novgorod, Hanseatic League, Baltic Region, students' research

References

Bessudnova, Marina Borisovna. «Ganzeyskaya» letnyaya shkola na baze Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo ["Hanseatic" summer school at Yaroslav-the-Wise Novgorod State University], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2021. No. 2(30). P. 189–191.

Для цитирования статьи:

Грохотова В. В. Международная научно-практическая летняя школа «Новгород в системе ганзейских отношений в Средние века». *Caurus*. 2022. Т. 1. № 2. С. 116–122. DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-116-122

For citation:

Grokhotova V. V. International Scientific and Practical Summer School "Novgorod in the System of Hanseatic Relations in the Middle Ages". *Caurus*. 2022. Vol. 1(2). P. 116–122. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-116-122

АВТОРЫ

Бессуднова Марина Борисовна – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории и международных отношений, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; ORCID: 0000-0003-0207-1948, Web of Science Researcher ID: A-9259-2016, Scopus Author ID: 56292134100; e-mail: magistrmb@gmail.com

Бессуднов Даниил Александрович – кандидат исторических наук, Санкт-Петербург, Россия; ORCID: 0000-0002-1934-7253; e-mail: krokobes@yandex.ru

Вебер Дмитрий Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; ORCID: 0000-0001-6431-9721; e-mail: weber-deutsch@yandex.ru

Грохотова Валентина Владимировна – заведующий кафедрой всемирной истории и международных отношений, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0002-8838-7590; e-mail: valentina.grohotova@novsu.ru

Десятков Константин Станиславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; SPIN-код: 6632-5860, Author ID: 310714, ORCID: 0000-0003-0302-7973; e-mail: des-con@yandex.ru

Медведева Татьяна Дмитриевна – аспирант, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; ORCID: 0000-0002-5498-4880; e-mail: tatiana.medvedeva.d@gmail.com

Пенской Виталий Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Юридический институт Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия; ORCID: 0000-0002-4092-8992; e-mail: penskoj@bsu.edu.ru

Плат Тильман – доктор исторических наук, университет Грайфсвальда им. Э. М. Арндта, Германия; e-mail: tilman.plath@uni-greifswald.de

Салоников Николай Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; ORCID: 0000-0002-6094-2038, SPIN-код: 5146-8802; e-mail: salonikov@list.ru

Сафонов Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия; ORCID: 9532-2216; e-mail: m.safonov@list.ru

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

Тексты научных статей, предлагаемые для публикации в журнале *Caurus*, должны быть направлены на электронный адрес редакции journal.caurus@gmail.com.

1. К публикации в журнале *Caurus* могут быть предложены полностью законченные, оригинальные, ранее неопубликованные научные статьи, соответствующие тематике журнала.

2. Авторы несут ответственность за точность приведенных фактов, используемых цитат и имен собственных, а также гарантируют право на публикацию архивных, иллюстративных и прочих материалов.

3. К рассмотрению не принимаются статьи, не соответствующие тематике журнала или же неудовлетворяющие требованиям редколлегии.

4. Рекомендуемый объем статьи – один печатный лист (40 000 знаков, включая пробелы, сноски и метаданные к статье).

5. Статьи предоставляются к рассмотрению в электронном виде с учетом следующих требований: документ в формате Word, шрифт Times New Roman, основной текст – выравнивание по ширине, 14 кегль, интервал полуторный, абзацный отступ 1,25; сноски постраничные, нумерация сплошная, шрифт Times New Roman, выравнивание по ширине, 12 кегль, интервал одинарный, отступы и выступы отсутствуют. Если в статье используются другие шрифты, таблицы, рисунки, то необходимо приложить файл в формате pdf, где все материалы представлены в корректном виде.

6. При представлении рукописи в журнал авторы должны убедиться, что все цитирования оформлены корректно, указаны источники для таблиц и рисунков (если не указано иное, предполагается, что таблицы и рисунки созданы автором), получены все необходимые разрешения на воспроизведение материалов.

7. Титульная страница статьи должна содержать: ФИО автора полностью; официальное название организации без сокращений; город и страну; подробную информацию об авторе – степень, звание, должность, а также дополнительную информацию, которую автор сочтет нужной; e-mail; телефон автора для быстрой связи (в случае коллектива авторов предоставить следует номер телефона одного контактного автора); аннотацию, в которой не должно быть нерасшифрованных аббревиатур и впервые введенных терминов; ключевые слова.

8. Оформление текста рукописи:

Для научной статьи обязательно наличие четкой структуры, позволяющей выделить вводную часть (введение, постановка проблемы), обсуждение поставленной проблемы (историографический очерк, описание привлекаемых к исследованию источников, методы, обсуждение, результаты) и заключение (рекомендации и выводы).

Статья может быть структурирована по разделам.

При разделении статьи на параграфы их тематические заголовки выделяются полужирным шрифтом.

Запрещено подчеркивание внутри текста. Для подзаголовков используется полужирное начертание, необходимые фрагменты внутри текста выделяются курсивом.

Все используемые аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом употреблении, включая общеизвестные. При наличии множества аббревиатур разрешается сделать дополнительный список с расшифровкой каждой из них после основного текста статьи.

Иностранные названия (журналов, организаций и т.д.) в тексте статьи необходимо представить в оригинале, если название кириллическое, их стоит заключить в кавычки.

Все таблицы и рисунки должны быть пронумерованы и названы, кроме того, на них должно быть конкретное указание в тексте статьи. Запрещено использование пустых граф в таблицах.

Качество предоставляемых рисунков, а также иных изображений должно быть высоким. Рисунки прикладываются к статье отдельными файлами в установленных форматах (*tiff, *eps, *png, *jpg, с разрешением не менее 300 dpi).

9. Сноски:

Знак сноски в тексте ставится до знака препинания.

Знак сноски делается только автоматически (меню Ссылки–Вставить сноску).

В тексте сноски может содержаться авторский комментарий, цитата, ссылка на используемый источник или ссылка на используемую литературу.

Если ссылка дается на опубликованное в печатном виде издание, приводится информация о печатном издании, но не ссылка на электронные ресурсы. Дополнительно может даваться информация о странице на сайте журнала или издательства, где размещен оригинал.

Не допускаются ссылки на статьи, принятые к публикации, но еще не опубликованные.

Не допускаются ссылки на тезисы научных конференций за исключением тех, что были опубликованы в сборниках материалов конференции, индексируемых в наукометрических системах WoS, Scopus, РИНЦ.

Необходимо избегать автоплагиата, излишнего самоцитирования и, соответственно, ссылок на работы собственного авторства. Допускается не более двух ссылок на предыдущие работы автора. При наличии большого количества ссылок на собственные работы автора, редколлегия имеет право запросить пояснение относительно новизны и актуальности материала, предоставляемого на рассмотрение редколлегии.

10. Оформление ссылок:

Формат ссылки: Фамилия И. О. автора (авторов). Заглавие. Выходные данные (место, год издания).

Номер используемой страницы.

ФИО автора выделяется курсивом.

Для обозначения промежутка между номерами страниц используется короткое тире (не дефис).

Пример: С. 23–37.

В случае, когда в одной сноске указываются несколько работ одного автора, его фамилия указывается один раз, а работы перечисляются в хронологическом порядке следующим образом:

Иванов И. И. Балтийская торговля в Средневековье и Новое время. СПб, 2010. С. 136; *он же.* Торговля Новгорода с городами Швеции // Вопросы медиевистики. 2012. № 3. С. 48.

При первой ссылке на работу приводятся ее полные данные, при второй и последующих – только сокращенные. Пример:

¹ *Иванов И. И.* Балтийская торговля в Средневековье и Новое время. СПб, 2010. С. 136.

⁷ *Иванов И. И.* Балтийская торговля... С. 394.

Образцы оформления ссылок:

На монографию: *Иванов И. И.* Балтийская торговля в Средневековье и Новое время. СПб, 2010. С. 136.

На статью в журнале: *Иванов И. И.* Торговля Новгорода с городами Швеции // Вопросы медиевистики. 2012. № 3. С. 48.

На статью в сборнике: *Иванов И. И.* Французская торговля времен правления Людовика XIV // Французский абсолютизм: истоки, специфика, итоги / Под ред. А. А. Александрова. М., 1997. С. 69. (указание редактора или составителя сборника не является обязательным требованием, но желательно).

Ссылка на опубликованные источник может быть оформлена двумя способами (если документы в издании пронумерованы, следует указать номер документа):

Письмо Фридриха II Маргарите Пармской, 26 апреля 1567 года // Акты и письма к истории Балтийского вопроса. Том. 1. СПб, 1889. № 34.

Допустимо указание того или иного сборника в сокращенном варианте, при обозначении конкретного сокращения в случае первой ссылки. Пример:

Грамота Новгорода Риге с требованием возврата награбленного товара и выдачи разбойников, 1303–1307 годы // Грамоты Великого Новгорода и Пскова (далее – ГВНП). М., 1949. № 36.

И при следующем указании упомянутого сборника допустима подобная ссылка:

Договорная грамота Новгорода с Ливонским орденом о союзе, 28 января 1323 года (ГВНП. № 37).

При указании номера документа в издании уточнение страниц не обязательно.

При ссылке на архивный источник следует указать полную информацию о нем (название архива, номер фонда, наименование коллекции, номер дела, конкретный лист и при необходимости его сторону). Пример:

Письмо магистрата Нарвы к городскому совету Ревеля, 22 апреля 1491 года (Tallinna Linnaarhiiv (TLA), f. 230, BD 8 II, fol. 53).

При повторной ссылке на указанное архивное собрание допустимо следующее ее оформление:

Письмо магистрата Нарвы к городскому совету Ревеля, 19 мая 1491 года (TLA, 230, BD 8 II, fol. 54).

Ссылка на публикацию в интернете оформляется следующим образом: *Иванов И. И.* Торговые войны на Балтике в XV веке [Электронный ресурс]. URL: полная ссылка на сайт (дата обращения: 7 ноября 2020 года).

11. В конце статьи следует указать необходимую «Информацию о статье», которая будет обработана и размещена в наукометрических базах данных. Она должна включать в себя:

Ссылку на источник финансирования, включая номер и полное название проекта (при необходимости).

Индексы ББК и УДК, которые указываются согласно общепринятой классификации.

Сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, ученая степень, место работы (желательно указывать адрес и почтовый индекс организации), город, страна, идентификатор автора в международных базах данных ORCID (при наличии ResearcherID, Scopus ID, SPIN-код РИНЦ), адрес электронной почты автора.

Заголовок статьи, который должен быть кратким, емким и точно отражающим содержание исследования.

Резюме (аннотация) статьи на русском языке. Рекомендуемый объем 200–300 слов. Аннотация должна отражать содержание предлагаемой статьи, следует избегать нерасшифрованных аббревиатур, впервые введенных терминов, общих фраз.

Ключевые слова (5–7 слов) приводятся через запятую.

Литература, используемая в статье. Необходимо привести полный список всех научных работ и привлекаемых источников, на которые имеются ссылки в статье. Библиографический список не нумеруется.

12. Литература, использованная в статье:

В список литературы включаются только рецензируемые исследования (статьи из научных журналов, монографии и пр.).

Все ссылки, включенные в библиографический список, должны быть указаны в тексте статьи.

В библиографический список не помещается информация об архивных документах, статьях в общественно-политических газетах, текстах на сайтах и блогах, и тому подобное. Информацию об этих источниках следует помещать в сноски.

Ссылки на принятые к публикации, но еще не опубликованные статьи, не допускаются.

Цитирование учебников, учебных пособий, справочников, словарей, тезисов конференций и аннотаций докладов, а также малотиражных изданий должно быть обусловлено целью и задачами конкретного исследования, в иных случаях подобные ссылки запрещены.

Научные статьи, опубликованные после 2016 года, должны цитироваться в соответствии с предлагаемым в оригинале статьи вариантом и сопровождаться идентификатором DOI (при его наличии). Для верификации данной информации необходимо обратиться к тексту статьи или сайту журнала.

Ссылки в списках литературы на латинице (References) должны быть читаемы англоязычными пользователями, чтобы цитируемые первоисточники могли быть использованы ими. Поэтому важно использовать англоязычные данные из оригинала статьи (ФИО авторов, англоязычное заглавие статьи); если нет англоязычных метаданных в цитируемых статьях, необходимо переводить заглавие статьи на английский язык (парафразом); фамилии авторов транслитерировать; русскоязычные названия журналов необходимо транслитерировать (исключение составляют журналы, которые рекомендуют для цитирования и используют в журнале (и в наукометрических базах данных) параллельное английское название).

Описание каждого издания приводится следующим образом:

Фамилия, имя (для российских авторов имя и отчество). Полностью и курсивом. Далее следует заголовок работы и выходные данные (место издания полностью и без сокращений, после двоеточия издательство или типография, год издания. В конце после точки указывается общее количество страниц или номера страниц, на которых напечатана статья.

Пример оформления списка:

Александров, Александр Александрович. Средневековая история Франции. Москва: Наука, 1994. 379 с.

Васильев, Василий Васильевич. К истории становления исландской национальной культуры // История Европы: вчера и сегодня. Санкт-Петербург: Издательский дом Макса Шмидта, 2008. № 4 (36). С. 42–56.

Кириллова, Ольга Владимировна. Как оформить статью и научный журнал в целом для корректного индексирования в международных наукометрических базах данных // Научный редактор и издатель. 2018. № 3. С. 52–72. DOI: 10.24069/2542-0267-2018-1-2-52-72.

Carter, Randolph. The Dream-Quest of Unknown Kadath. Boston: Brill, 2018. 156 p.

Junzt, Friedrich Wilhelm von. Unaussprechlichen Kulten. Düsseldorf: Verlag von R. Hoffart, 1839. 420 s.

13. После «Информации о статье» на русском языке помещается та же самая информация, но в переводе на английский язык (Information about the article).

Ссылка на грант или иной источник финансирования на английском языке.

Индекс ББК и УДК в этом разделе указывать не надо.

Сведения об авторе на английском языке обязательно.

Перевод названия работы.

Резюме статьи на английском языке может представлять собой перевод русскоязычного варианта, или его расширенную версию, или же может являться оригинальным текстом, четко и емко отражающим содержание исследования. Объем: 200–300 слов.

Ключевые слова на английском языке (5–7 слов, перечисленных через запятую).

References (список использованной литературы). При составлении библиографического списка на английском языке названия всех привлекаемых к исследованию работ даются в алфавитном порядке без нумерации. Кириллические названия транслитерируются на латиницу и сопровождаются переводом названия на английский язык (перевод приводится в квадратных скобках). Для транслитерации рекомендуем использовать стандарт BGN на сайте см.: <http://www.translit.ru/>.

Курсивом выделяется основное название – источник, а не автор. Если библиографическое описание включает буквенные обозначения выходных данных (том, номер, страницы), то независимо от языка источника, они должны быть представлены сокращением англоязычных слов (Vol., №, No., Pp.).

Названия научных журналов и издательств должны соответствовать принятому и используемому журналом и издательством варианту названия.

В область издательства добавляется Publ.

В конце описания в скобках указывается язык произведения — (in Russian), (in German), (in Italian).

Если цитируемая статья имеет DOI, необходимо указывать его в конце описания.

Правила оформления References относятся к источникам на любых языках: статьи на украинском, болгарском, других языках кириллицы, должны оформляться так же, как и русскоязычные.

При описании части издания (статьи или главы) в транслитерированной версии две косые черты (знак //) заменяются на in.

Примеры:

Bantysh-Kamenskiy, Nikolay Nikolayevich. *Reestry grecheskim delam Moskovskogo arhiva Kollegii inostrannyh del* [The Greek affairs registers of the Moscow archive of Ministry of Foreign Affairs]. Moscow: Hronograf Publ., 2001. 416 p. (in Russian)

Kirillova, Olga Vladimirovna. Kak oformit' statyu i nauchnyy zhurnal v tselom dlya korrektnogo indeksirovaniya v mezhdunarodnykh nauko-metricheskikh bazakh dannykh [How to arrange an article and scientific journal to avoid indexing errors in international scientometric databases], in *Nauchnyi Redaktor i Izdatel' = Science Editor and Publisher*. 2018. № 3. Pp. 52–72. (in Russian). DOI: 10.24069/2542-0267-2018-1-2-52-72.

Lobin, Aleksey Nikolayevich. Poslaniya Vasiliya III velikomu magistru Al'brekhtu 1515 g. [Message of Basil III to the Grand Master Albrecht of 1515], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. Vol. 1. Pp. 141–152. (in Russian).

Levochkin, Ivan Vasilyevich. *Osnovy russkoy paleografii* [Bases of Russian paleography]. Moscow: Krug Publ., 2003. 175 p. (in Russian)

Žagar, Mateo; Paskojević, Kristian. Ćirilice isprave Dubrovačke kancelarije XV. stoljeća između minuskule i kurziva [Cyrillic documents of Dubrovnik chancery of fifteenth century between minuscule and cursive], in *Filologija. Zagreb*. 2014. No 62. Pp. 221–247. (in Croatian)

CAURUS

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Том 1 №2 2022